

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СЛАВЯНСКИЙ-НА-КУБАНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(СГПИ)**

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI –
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Монография

Под редакцией В.Б. Виноградова

Славянск-на-Кубани
Издательский центр СГПИ
2010

УДК 94.47
ББК 63.3(2)
095

Монография выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда; проект № 10-01-38101 а/Ю

Научный редактор:

В. Б. Виноградов, доктор исторических наук

Авторы:

Б. В. Виноградов, доктор исторических наук
Ю. Ю. Клычников, доктор исторических наук
В. П. Ермаков, кандидат исторических наук
Ю. Ю. Гранкин, кандидат исторических наук
М. В. Клычникова, кандидат исторических наук

Рецензенты:

Н. Н. Великая, доктор исторических наук
Н. А. Серогодский, доктор исторических наук

Печатается по решению
редакционно-издательского совета СГПИ

095 Очерки истории российского Северного Кавказа второй
половины XVI – середины XIX века : монография / под общ. ред.
В. Б. Виноградова ; Славянский-на-Кубани гос. пед. ин-т. – Сла-
вянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2010. – 203 с.
ISBN 978-5-91980-113-2

Коллективный труд представляет собой попытку обобщенного освещения
различных аспектов истории формирования российского Северного Кавказа на-
чиная со второй половины XVI по середину XIX века. Анализуются
дискуссионные проблемы российско-горского взаимодействия, особенности
внешнеполитической ситуации в регионе.

Исследование предназначено для всех интересующихся историей южного
пограничья Российского государства.

УДК 94.47
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-91980-113-2

© Коллектив авторов, 2010
© Оформление. Издательский центр СГПИ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Б.В. ВИНОГРАДОВ, В.Б. ВИНОГРАДОВ)	4
Очерк I. Северный Кавказ в политике Московского царства во второй половине XVI в. (Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ)	9
Очерк II. Российская политика на Северном Кавказе в XVII веке (В.П. ЕРМАКОВ, Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ)	34
Очерк III. Специфика российско-северокавказских взаимоотношений в начале – середине XVIII века (Б.В. ВИНОГРАДОВ)	61
Очерк IV. Особенности российско-северокавказского взаимодействия при Екатерине II и Павле I (1762-1796 гг.) (Б.В. ВИНОГРАДОВ)	108
Очерк V. Характер политики России на Северном Кавказе в начале царствования Александра I (1801-1816 гг.) (Б.В. ВИНОГОРАДОВ)	146
Очерк VI. «Силовой период» в освоении Северного Кавказа Россией (1816-1864 гг.) (Ю.Ю. ГРАНКИН, Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ, М.В. КЛЫЧНИКОВА)	168
Заключение (Б.В. ВИНОГРАДОВ)	197

ВВЕДЕНИЕ

Российско-северокавказское взаимодействие XVI-середины XIX в. в настоящее время остается весьма дискуссионной проблематикой несмотря на обширную историографию в дореволюционный, советский, и постсоветский период развития отечественной исторической науки. Данная ситуация обуславливается тем, что различные этапы развития кавказоведения предполагали и различные оценки характера и особенностей российско-горских взаимоотношений в широком хронологическом диапазоне. В результате специфической динамики развития научного кавказоведения сегодня наличествует ситуация, когда ряд современных трактовок особенностей российско-северокавказских взаимоотношений фактически основывается на постулатах советской историографии идеологическая заданность которых не вызывает сомнений. Вместе с тем, последние два десятилетия ознаменовались и довольно своеобразными, ранее не встречавшимися оценками как российско-горского взаимодействия, так и характера социально-экономического и политического развития собственно горских этносоциальных сообществ.

Таким образом, современная историография российско-северокавказских связей (а тем более – региональная историческая публицистика) насыщена нередко весьма тенденциозными построениями, так или иначе связанными с нынешними интересами правящих национальных элит некоторых субъектов Российской Федерации. Последнее предопределило использование некоторых сюжетов российско-горского взаимодействия XVI-XIX вв. (в соответствующей трактовке) для воздействия на общественное сознание население региона и это представляется небезопасным для стабильности на Северном Кавказе и территориальной целостности Российской Федерации.

На наш взгляд в освещении российско-северокавказских взаимоотношений присутствуют и довольно застарелые и вновь созданные исторические мифы, препятствующие объективному анализу и оцениванию характера и специфики взаимодействия России и горцев.¹ Здесь можно вспомнить и догмат о справедливой народно-освободительной борьбе горцев против «колониальной экспансии царской России», и продолжающиеся разглагольствования о России как о «тюрьме народов», о российских оккупантах, российском геноциде адыгов в XIX в.²

¹ Виноградов Б.В., Клочков О.Б. К проблеме мифологизированных построений в современном научном кавказоведении // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – П. Пятигорск, 2009. С.44-54.

² См., например: Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджин Б.Е. Земля адыгов. Майкоп, 2004; Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007.

и т.п. Интересно, что в ряде довольно взвешенных кавказоведческих исследованиях последних лет прослеживается стремление, наряду с признанием позитивного опыта российско-горского взаимодействия, обвинить именно Россию и только её в обострении отношений с местными народами в конце XVIII – начале XIX в. И здесь, как по заказу, вновь в ход идут обвинения России в колониальной экспансии, в захвате горских земель, в неуважении к местному традиционному укладу и т.п. При этом особенности самого горского традиционного уклада, в том числе в части набеговой экспансии не рассматриваются в качестве возможных причин эскалации напряженности между горцами и российскими властями. Обозначенная тенденция рельефно прослеживается в ряде обобщающих кавказоведческих изданий.¹

Таким образом получается, что горские этносоциальные сообщества были во всем и всегда правыми в контексте складывания и вызревания конфликтного потенциала между ними и российской стороной.

В современном российском кавказоведении обозначилась тенденция связывать специфику российско – северокавказских взаимоотношений с уровнем стадийного развития населения региона. При условии традиционной дискуссионности определения стадийного уровня горцев внутри данной условной тенденции проявились два направления. Первое из них наиболее ярко представляет М.М. Блиев, в исследованиях которого проводится мысль о немалой роли догосударственного уклада горцев в складывании их противоречий с местными российскими властями.² Представители второго направления позиционируют этнические группы и феодальные владения Северо – Западного, Центрального и Северо-Восточного Кавказа в качестве государственных образований³, что предполагает своеобразный ракурс исследования их контактов с Россией. Думается, что попытки завышения стадийного уровня северокавказских народов не могут спо-

¹ История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов кабардино-балкарии с Россией. Нальчик, 2007; История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик, 2003; Его же: Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П.Ермолова. 1816 – 1827 гг. Нальчик, 2003; Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик, 2008.

² Блиев М.М., Дигоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004

³ См., например: Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой трети XIX в. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 6,7. Майкоп, 2003. С. 51-59; Панеш А.Д. Общественно-политическое развитие западных адыгов в 30-40-х гг. XIX в. // Там же. Вып. 5. Майкоп, 2002. С. 141-147; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана XVIII – первая половина XIX в. Махачкала. 2006; История многовекового содружества... Нальчик, 2007.

способствовать уяснению характера российско-северокавказского взаимодействия, в том числе – и во внешнеполитическом контексте, и в плане обеспечения современной стабильности в регионе. Ведь всегда может присутствовать соблазн обвинить Россию в ликвидации того или иного «горского государства», отчего недалеко до сепаратистских призывов. Последние два десятилетия, к сожалению, давали примеры подобной взаимосвязи.

Нелишне заметить и то, что некоторые исследователи утверждают о цивилизационной несовместимости Северного Кавказа и России¹ и это также таит в себе своеобразную ревизию опыта российско-горского взаимодействия и вполне современные угрозы.

Приведенный историографический контекст предполагает необходимость дальнейшего исследования складывания и исторического бытия российского Северного Кавказа. В настоящее время кавказоведческой школой академика В.Б. Виноградова продолжает апробироваться концепция «российскости» как парадигмы северокавказского историко-культурного единства в составе России.² В рамках данной концепции Северный Кавказ является регионом, где в течение XVI–XIX вв. Происходил процесс вовлечения местных народов в сферу влияния, деятельности, а затем и власти России, проявлялись тенденции к взаимовыгодному партнерству, интеграции народов региона в рамках единого государства.

Вместе с тем, усиление позиций России на Северном Кавказе, проявившееся со второй половины XVIII в. привело к неизбежности столкновения со своеобразием уровня стадияльного развития горских этносоциальных сообществ, с которыми Российская империя в конце XVIII в. вступает в непосредственное «пограничное» соприкосновение. Россия начинает испытывать на себе тот конфликтный потенциал, которым традиционно отличался Северный Кавказ. Российские власти разочаровываются в своих северокавказских вассалах, амбиции и претензии которых далеко не соответствовали тому реальному вкладу, который они могли внести в совместную борьбу по обеспечению безопасности собственной территории и российского пограничья. И Петербург делает ставку на собственные силы, возводя на кавказском пограничье укрепленные линии и постепенно начиная казачье-крестьянскую колонизацию региона. Прежние методы интеграции горцев уже не могли дать должного эффекта, тем более, что в защите от Крымского ханства, ликвидированного Екатериной II для ряда ме-

¹ Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60 – 90-х годах XVIII века // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006. С. 208

² См.: «Российскость» в истории Северного Кавказа: Научный сборник. Армавир, 2002

стных народов больше не было нужды. Столкновение интересов горских сообществ (в том числе и мотива набеговой экспансии), российских государственных интересов, планов Турции и Ирана в регионе обусловили в совокупности такое неоднозначное и противоречивое явление как «Кавказская война». По его хронологическим рамкам, причинам и смысловому содержанию существуют значительные различия в трудах отечественных историков, что делает сам термин достаточно условным, не отражающим всего многообразия российско-северокавказского взаимодействия в конце XVIII – середине XIX в. Вследствие этого научной школой В.Б.Виноградова для обозначения перипетий российско-горских взаимоотношений начала-середины XIX века апробируется понятие «Северокавказский кризис XIX века»¹. Данный кризис, на преодоление которого ушло не менее полувека, был вызван и такими объективными обстоятельствами как «разноразность» субъектов российско-северокавказского взаимодействия, когда Россия представляла из себя феодально-абсолютистскую монархию, а горские этносоциальные сообщества находились в состоянии догосударственном или полугосударственном. Эта специфика во многом предопределяла неспособность и нежелание горских сообществ выполнять те обязанности и обязательства, которые были закреплены в подданных присягах и отражали российское видение перспектив дальнейших взаимоотношений сторон.

Дискуссионность проблемы путей и методов вхождения Северного Кавказа в состав России обуславливает актуальность панорамного исследования российско-северокавказского взаимодействия во второй половине XVI – середине XIX в., то есть в хронологическом диапазоне от усиления российской активности на Северном Кавказе при Иване IV до разрешения Северокавказского кризиса XIX века. Это и является целью настоящей монографии.

Из поставленной цели вытекают следующие задачи:

-проанализировать политику Московского царства на Северном Кавказе во второй половине XVI века;

-исследовать российскую политику на Северном Кавказе в XVII веке;

-показать специфику российско-северокавказских взаимоотношений в начале – середине XVIII века;

-отразить особенности российско-северокавказского взаимодействия при Екатерине II и Павле I (в1762-1801 гг.);

¹ Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействия, взаимовоздействия, синтез). Армавир, 2007. С. 49-53

-исследовать характер политики России на Северном Кавказе в начале царствования Александра I (1801-1816 гг.);

-дать анализ «силовому периоду» в освоении Северного Кавказа Россией (1816-1864 гг.).

Поставленные задачи предусматривают показ и анализ тех внешнеполитических обстоятельств, которые в немалой степени определяли нюансы российско-северокавказского взаимодействия. Контекст исследования предполагает и анализ тех процессов мирного интегрирования народов региона в российское государственно-правовое пространство, которые имели место на протяжении длительного времени.

В задачи данной монографии не входит развернутый показ всего обилия исторических событий в регионе в исследуемый период, так как для этого существуют специальные труды, посвященные конкретным социально-экономическим, политическим и прочим проблемам развития Северного Кавказа в целом и его составных частей. Поэтому главы монографии представляют собой очерки истории собственно российско-северокавказского взаимодействия во второй половине XVI – середине XIX в., то есть складывания российского Северного Кавказа.

Разделы данной монографии написаны следующими авторами:

Введение – д.и.н., проф. Б.В. Виноградов (Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт), д.и.н., проф. В.Б. Виноградов (Армавирский государственный педагогический университет)

Очерк I – д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычников (Пятигорский государственный лингвистический университет)

Очерк II – к.и.н., проф. В.П. Ермаков, д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычников (Пятигорский государственный лингвистический университет)

Очерк III – д.и.н., проф. Б.В. Виноградов (Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт)

Очерк IV – д.и.н., проф. Б.В. Виноградов (Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт)

Очерк V – д.и.н., проф. Б.В. Виноградов (Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт)

Очерк VI – к.и.н., доц. Ю.Ю. Гранкин (Пятигорский государственный лингвистический университет), д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычников (Пятигорский государственный лингвистический университет), к.и.н., доц. М.В. Клычникова (Есентукский филиал Ставропольского государственного педагогического института)

Заключение – д.и.н., проф. Б.В. Виноградов (Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт)

ОЧЕРК I. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПОЛИТИКЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Завершение процесса централизации Московского государства сопровождалось активизацией его внешнеполитического курса, в том числе и на южном направлении. Первоочередной задачей становилась борьба с осколками некогда могущественной Золотой Орды - Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, по-прежнему сохранявшими значительный военный и политический потенциал. В этом нелегком противостоянии естественным союзником России могли выступить народы Северного Кавказа, которые также были заинтересованы в защите своих земель от набегов беспокойных соседей¹.

Между тем, активным участником в борьбе за Кавказ была и Турция. После захвата Константинополя в 1453 г. Османская империя начинает экспансию в Крым, разорив и подчинив себе венецианские и генуэзские колонии, расположенные на побережье. Одновременно удар был нанесен по торговым факториям, находящимся на Черноморском побережье Кавказа. Под контроль султана перешли пролив, соединяющий Черное и Азовское моря, и устье Дона. Со временем на Черноморском побережье возникли турецкие укрепления Сухуми, Гагры, Суджук, Темрюк и др.² Таким образом, османы сделали монопольными владыками Черного моря и теперь могли вплотную приступить к захвату кавказских земель и подчинению их народов. По мнению Н.А. Смирнова, начало этих завоеваний относится к концу первой четверти XVI в.³ Показательно, что почти сразу была налажена торговля рабами, и ежегодно отсюда стали вывозить более 12 тысяч человек. Инструментом в осуществлении далеко идущих замыслов османов являлось Крымское ханство, для населения которого военные разбои являлись основным видом деятельности⁴. Получивший не без помощи турецкого султана престол хан Менгли-Гирей писал о своей

¹ Карданов Ч.Э. У истоков дружбы. – Нальчик, 1982. С.60-62.

² Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связь с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII века). - М., 1963. С.199-200.

³ Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. - Нальчик, 1948. С.6.

⁴ Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI-XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. - Ростов-на-Дону, 1989. С.143.

преданности этому владыке: «Мы подчинены и послушны падишаху», обещая «быть падишаха другу другом и его врагу врагом»¹.

Османское правительство торопилось создать под своей эгидой союз из Крыма, Казани и Астрахани, чтобы с его помощью остановить поступательное движение России на юг, но организованный Иваном IV в 1552 г. поход против Казанского ханства завершился его разгромом и присоединением к Московскому царству. Через четыре года настал черед Астраханского ханства, с ликвидацией которого Волга полностью перешла под контроль Российского государства². Это давало возможность напрямую установить связь с политическими объединениями Северного Кавказа, заинтересованными в покровительстве могущественного северного соседа, контакты с которым не прерывались даже в тяжелейшие годы золотоордынского ига³.

Еще в ноябре 1552 г. в Москву прибыли послы от западноадыгских племен, среди которых были бесленеевский князь Маашук Кануков, абазинский Татарук Езбозлуев, жанеевский Сибок Кансауков, с просьбой защитить их от крымских татар⁴.

В Никоновской летописи об этом событии говорилось следующее: «Того же месяца приехали к государю царю и великому князю черкасские государи князи Машук-князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их с землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»⁵.

Это предложение вызвало живой интерес у российских властей, видевших всю выгоду совместной борьбы с крымцами, от которых страдали и окраины русского государства. В 1553 г. черкесские князья в составе войск Ивана IV ходили в поход на южные окраины России, но, узнав о нашествии крымцев на «землю Черкасскую», просили царя отпустить их обратно, а перед отъездом еще раз подтвердили свою готовность верно служить русскому государю⁶. Как отмечал летописец, «крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою

¹ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.5.

² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. - М., 1962. С.508.

³ Карданов Ч.Э. Указ. соч. С.55-58; Мамаев Х.М., Голованова С.А. Освещение русско-северокавказских связей XIII-XV вв. в отечественной исторической литературе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции. - Грозный, 1985. Вып.3. С.163-164; Голованова С.А. Русско-северокавказские связи IX - первой половины XVI века (историко-археологические исследования по материалам Центрального Предкавказья.). Автореф. дис. канд. ист. наук. - Ростов-на-Дону, 1993.

⁴ Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. - Нальчик, 1956. С.39.

⁵ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. - М., 1957. Т.I. С.3. (В дальнейшем КРО).

⁶ Карданов Ч.Э. Указ. соч. С.69.

служити государю до своего живота: куды их государь пошлет на службу, туды им ходити»¹.

За верность своему новому покровителю черкесы заплатили дорожную цену. В поздравлении польского короля Сигизмунда-Августа крымскому хану Девлет-Еирею говорилось, что «з великим войском вашим тягнули есте из замку цесаря турецкого Озова до земли пятигорских черкас на княже Албуздуя, который лихий умысл на паньство ваше взял был, змовившись с княжем великим московским, и вы его землю за то воевали, а с помочью божею и самого его достали есте, и жону и з детьми, и теперь у везенью своем маете»². На следующий год крымцы вновь повторили свой поход на черкесов, сея смерть и разрушения³.

Для сбора дополнительной информации на Кавказ был отправлен посол Андрей Щепотьев. Он должен был на месте разобраться в ситуации и при подтверждении приверженности местных владельцев обещанию стать подданными русского государя принять их присягу. Возвратившись в августе 1555 г. в Москву, А Щепотьев привез известие о подданстве черкесов «всей землей»⁴. По мнению Е.Н. Кушевой, речь в данном случае шла о том, что «в принесении присяги участвовали не только князья и уздени, но и народ, крестьяне-общинники»⁵. Это позволяет говорить о наличии предпосылок для складывания долгосрочного стратегического объединения, отвечавшего задачам превращения Московского царства в ключевую силу для народов важного приграничного региона.

Сами черкесы (адыге), раздираемые междоусобицами, были кровно заинтересованы в поддержке Российского государства. В первой половине XVI столетия на их землях сформировались три группировки, которые, враждуя между собой, стремились опереться на иноземную силу. Это были Восточная группировка из владельцев Малой и части Большой Кабарды, Баксанской, состоящей из феодалов западной части Большой Кабарды и Западной (Закубанской) или Беспланийской. Закубанская группировка сделала ставку на турок и крымских татар⁶. Сторонником крымско-турецкой ориентации был и влиятель-

¹ КРО.С.3.

² Там же. С.6.

³ Кушева Е.П. Указ. соч. С.203.

⁴ Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. / Под ред. Г.Л. Бондаревского, Г.Н. Колбая. - М., 1998. С.22. (в дальнейшем ДИОМГР).

⁵ Кушева Е.Н. Указ. соч. С.204.

⁶ Кокиев Г.А. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. №10. С.45.

ный кабардинский князь Пшеапшоко Кайтукин, который породнился с возглавлявшим Малую Ногайскую Орду Казыем Ураковым¹.

Такой выбор дорого обходился черкесам. Крымцами на адыгов налагалась дань людьми, лошадьми и доспехами². При вступлении на престол очередного хана они обязаны были доставлять ему 300 мальчиков и девочек, и со временем эта цифра увеличивалась. Как писал в марте 1567 г. русский посол в Крыму А.Ф. Нагоев, «турский царь Селим прислал к крымскому царю Мааметя-чеуша, а писал деи ко царю, чтоб к нему прислал черкасских робят и девок чистых 300 человек. И царь деи турскому чеушу говорил, что деи робят и девок чистых зберу и яз деи к турскому пришлю с Мустофою с агою»³. Хан Селим-Гирей довел ее в 1577 г. до 700 человек, а его преемник Каплан-Гирей требовал уже 3 тыс. ясырей. Приезжавшего ежегодно за данью посланца крымского хана «должно было богато трактовать, и он имел вольность и с своею свитою забавляться их женами и дочерьми, сколько ему потребно было»⁴. Чинимые насилия не раз встречали вооруженный отпор, но полностью устранить крымскую угрозу не удавалось. Нужен был такой покровитель, который мог бы оказать реальную военную поддержку в борьбе с ханами и при этом не выдвигал собственных, куда более тяжелых условий подчинения. И здесь российское государство, отличавшееся терпимостью к народам, входящим в его состав, выглядело наиболее привлекательно. Сложились объективные предпосылки для дальнейшего, более тесного русско-северокавказского сближения, истоки которого можно проследить со времен возникновения древнерусской государственности⁵.

Вместе с А. Щепотьевым прибыла и представительная делегация, состоящая из 150 человек во главе с князем Сибоком. Он бил челом великому государю и предлагал организовать совместный поход против турок. Но Иван IV, не желая ссориться с могущественной державой, в этой просьбе отказал, хотя и заявил, что в борьбе с крымскими татарами готов их защищать и поддерживать⁶.

Царь в 1555 г. поспешил уведомить сопредельные государства о своих новых подданных, для чего отправил в Литву Савлука Турпева. Это свидетельствует о том немаловажном значении, которое Иван IV придавал установлению прочных связей с черкесами. Для оказания им

¹ Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI-XVII веков. - Нальчик, 2001. С.11.

² Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. - Черкесск, 1957. С.66.

³ КРО. С.14.

⁴ Цит. по: Кокиев Г.А. Указ. соч. С.46; Предания о Жабаги. / Сост., подг. текст., вступ. ст. А. Шортанова; Пер. с каб. М. Сокурова. - Нальчик, 1985. С.65-66 и др.

⁵ Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. - Нальчик, 2000. С.198-199.

⁶ Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 14.

реальной поддержки летом 1555 г. царь послал боярина И. В. Шереметева с войском, против крымских владений, что должно было сорвать татарский поход на пятигорских черкас¹. В 1556 г. набег крымцев не состоялся благодаря действиям отряда Дьяка Ржевского².

В декабре 1556 г. в Москве стало известно об успехах черкесов в борьбе с крымским ханством. Сообщалось, что «черкасы пятигорские взяли два города, Темрюк да Томан, а приходил черкасской Таздруй-князь да Сибок-князь с братьею, которые были у царя и великого князя»³.

Летом следующего 1557 г. «приехали князи черкасские служить государю и о устрое бити челом в прокы себе, Машук-князь Кануков да Себок-князь Кансауков... И царь и государь их пожаловал и устроил их»⁴.

Союз с западными адыгами продлился до 1560 г., когда под воздействием польской дипломатии и расчета получить большие выгоды от сближения с Турцией, владельцы Западной Черкесии прервали связи с Россией. Сказалось, видимо, и сближение Москвы с политическим конкурентом западноадыгских владельцев - кабардинским старшим князем Темрюком⁵.

Об этой незаурядной личности известный историк-кавказовед В.А. Потто писал, что «воинственный и предприимчивый, он являлся истинным представителем рыцарского народа и во многом напоминал собою русского князя Святослава. В походах он никогда не имел палатки, спал под открытым небом на войлоке, под изголовье клал седло и питался конским мясом, сам жаря его на углях. Народные барды сохранили для потомства и некоторые благородные черты его характера. «Князь Темрюк Идаров», говорили они, «никогда не пользовался выгодами нечаянного нападения, а всегда заранее объявлял войну, посылая предупредить о том неприятелей». Еще при жизни старшего брата князя Кемиргоко, управлявшего кабардинскими черкесами, Темрюк задумал восстановить древнюю славу адыгского народа и прославить себя боевыми подвигами. Он воевал на берегах Волги и Дона, громил старинных врагов Кабарды - калмыков и татар и наконец смело поднял оружие против сильного Крымского ханства»⁶.

¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С.207-208.

² Там же. С.208-209.

³ КРО. С.4

⁴ Там же. С.5.

⁵ Карданов Ч.Э. Указ. соч. С.71, 75-76, 88; Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (черты взаимной истории XVI - середины XVIII в.) / Под ред. Н.Н. Великой. - Армавир-Майкоп, 2003. С.70.

⁶ Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). - Ставрополь, 1991. С.18.

Вслед за западными адыгами Темрюк также стремился заручиться поддержкой русского правительства. Этот выдающийся политический деятель «провел ряд прогрессивных мероприятий по созданию и укреплению централизованной княжеской власти, которые были встречены враждебно ущемленными в своих правах удельными князьями, как это обычно бывает во всех странах в период ликвидации феодальной раздробленности. К середине XVI века Темрюку Идаровичу удалось в определенной степени сломить сопротивление удельных князей и добиться относительного единства во внешней политике Кабарды. Для Темрюка Идаровича и его сторонников стало очевидным, что в этой сложной обстановке (опустошительные набеги крымских ханов, непрерывная феодальная междоусобица, различная внешнеполитическая ориентация княжеских группировок и т.д.), создавшейся в Кабарде, невозможно вести собственными силами успешную борьбу с внешними и внутренними врагами. Темрюк Идарович понял, что можно рассчитывать в своей борьбе лишь на помощь Московского государства, ставшего к середине XVI века одной из могущественных стран Европы, способной не только противостоять турецко-крымской экспансии, но и помочь народам Северного Кавказа»¹.

Знаменательным в русско-кабардинских отношениях стал 1557 г., когда в Москву от его имени приехало посольство, выразившее готовность служить Ивану Грозному верой и правдой. Очевидно, зная о том, что Темрюк пользуется несомненным авторитетом среди соплеменников, со стороны русского правительства к нему был проявлен значительный интерес². Принято считать, что в состав посольства Темрюка входили и представители от гребенского казачества³.

Сведения, сохранившиеся об этом историческом эпизоде, говорят о широкой перспективе, открывавшейся в российско-кавказских отношениях. В Московском царстве горцы видели выгодного экономического партнера и военно-политического покровителя. Находящиеся на государственной службе в Астрахани Иван Черемисинов и Михаил Колупаев прислали «Ваську Вражского с черкасским мурзою с Кавкльчем Кануковым, а пришел от братии от кабартынских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьским воеводам велел помощь учинити. Да говорил Кавльч-мурза Черкаской. - Только их

¹ Нагоев А.Х. Указ. соч. С. 196.

² Бушуев С.К. Указ. соч. С.35-36.

³ История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. - Ростов н/Д, 2001. С.145.

государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братью пожаловал, черкасских жаженских князей Машука и Себока з братьею с их, и с карбатинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их по тому же пожаловал, как и тех всех». Кроме того Черемисинов сообщал, «что пришли многие гости из Шемахеи, из Дербени, из Шевкал, ис Тюмени, из Юргенча, из Зарайчика со всякими товары; и Иван и Михайло им торговати велели и пошлины у них на государя емлют; да из Асторохани же пришли послы от крымшевкала и от всей земли Шевкальские да от тюменского князя с поминки бити челом, чтоб государь пожаловал их и велел бытии в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы астороханским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людем дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велит к себе прислати, ино все то к государю присылати станут ежегод»¹. Инициатива последних была видимо связана с экспансией в Дагестан сефевидов и турок, для борьбы с которыми могущественный северный партнер был бы весьма кстати².

Хотя формально речь шла о холопстве, фактически кавказские владельцы сохраняли за собой значительную автономию. Они становились «служилыми князьями», за которыми сохранялись их уделы³.

Готовность служить русскому царю Темрюк подтвердил конкретными делами. На следующий год его воины участвовали вместе с русской ратью в походе против Крыма. И в дальнейшем без участия кабардинской конницы не обходилось большинство войн, которые вела Россия⁴. По существующей тогда традиции в качестве залога верности в Москве проживали кабардинские аманаты, многие из которых в дальнейшем влились в состав правящей элиты, став основателями знаменитых дворянских родов Кудашевых, Мансуровых, Алеуковых, Черкасских, Бековичей-Черкасских и др.⁵

В 1558 г. в Москве был крещен под именем Михаила сын Темрюка Салнук (Салтан), сделавшийся впоследствии близким Ивану Грозному опричником и даже вошедший в русский фольклор под именем Кострюка⁶. В 1560 г. к Темрюку были отправлены священни-

¹ КРО. С.5.

² История Дагестана с древнейших времен до наших дней. - Махачкала, 1997. С.138-139.

³ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С.516.

⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С.131.

⁵ Кокиев Г.А. Указ. соч. С.48-49.

⁶ Кобрин В.Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина // История Отечества: люди, идеи, решения. - М., 1991. С.162.

ки, чтобы крестить кабардинский народ. Вместе с ними на родину отравились и крещенные «московские» кабардинцы, чтобы своим примером привлечь соплеменников¹. Эта практика имела успех и христианство начало получать распространение среди местных племен².

В свою очередь русское правительство старалось всемерно поддерживать своего верного вассала. Не без поддержки Москвы он распространил влияние на значительную территорию, простиравшуюся от берегов Кубани и до устьев Терека. Контролируя проходившие здесь торговые пути, он получал значительные доходы, делавшие его одним из наиболее влиятельных владельцев на всем Северном Кавказе³.

О роли, которая придавалась союзу с Темрюком, свидетельствует факт женитьбы в 1561 г. Ивана IV на его дочери Гуаше (Гошаней, Кученей), принявшей при крещении имя Мария⁴. В августе 1560 г. «велел царь и великий князь митрополиту и владыкам и архимандритом и боярам всем у себя бытии и говорил митрополиту и архимандритом и бояром... хочет то дело о женитве совершите, а искати бы ему невесты в-ыных землях. И митрополит царя и великого князя благословил и мысль его возблагодарил, что государь то дело помыслил добро. И царь и великий князь Иван Василиевич всея Руси приговорил послати искати себе невесты в Литву к королю о сестре, да к свейскому королю дочерей смотрити, да в Черкассы у черкасских князей дочерей же смотрити»⁵. Выбор был сделан в пользу северокавказской красавицы и «лета июня в 15 день, в неделю, приехала к Москве из пятигорских черкас кабардинского княже Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей. А посылал царь и великий князь Иван Василиевич всея Руси в Черкассы для того Федора Васильева сына Вокшерина да подъячево Семена Мякинина. А со княжною же приехали ко царю и великому князю брат ее Темгрюков же княжой сын Доманук-мурза да Бекбулат-царевич, Тахтамышев царевичев родной брат, а Тахтамыш служит царю и великому князю, а за Бекбулатом Темгрюкова же княжая дочь Алтынчач-царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саил-царевичем, приехали государю служити. А встречал княжну на Волге Иван Андреевич Бутурлин и к Москве с нею приехал Иван же Бутурлин, и поставили княжну в городе старом у Ризположенских ворот на Игнатъеве дворе Вешнякова.

¹ Потто В.А. Указ. соч. С.18-20; Бушуев С.К. Указ. соч. С.42; Моков Б.М. Указ. соч. С.12, 16.

² Алексеева Е.П. Указ. соч. С.116.

³ Кокиев Г.А. Указ. соч. С.50.

⁴ Карданов Ч.Э. Указ. соч. С.82-85.

⁵ КРО. С.8.

Того же месяца царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси княжне черкасской велел бытии на своем дворе, смотрел ее и любил...

Того же лета августа в 21 день, на память святого апостола Фаддея, в четверг, царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси женился вторым браком, а взял за себя кабартинского из Черкасс Темгрюка-князя Айдаровича дочь, нареченную во святом крещении царевну Марию; а венчал его в соборней и апостольстей церкви Успения пречистыя богородицы преосвященный Макарий митрополит всеа Руси»¹.

Как вспоминал один из современников-иностранцев, английский путешественник Дженкинсон: «Его высочество будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец - посланник ли или иной - не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время празднества. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной. 6-го следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники и иностранцы»².

Эта женитьба способствовала росту авторитета тестя русского царя среди прочих владельцев. После того, как «посылал царь и великий князь в Черкасы Ивана Борисова сына Федцова да Никиту Казаринова сына Голохвастова посольством к тестю своему к Темгрюку-князю Айдаровичю свою радость сказати, как его пожаловал, дочь его Марию взял за себя, и с ними послал к нему и ко княгине его и к детям их и к племяни их свое великое жалование, платье и деньги и купки и ковши и иные суды серебряные... И Темгрюк-князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе. А которые черкасские князи Темгрюку-князю были непослушны, и те, слыша царское жалование к Темгрюку-князю, что царь и великий князь Темгрюка-князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темгрюку-князю учили бытии послушны и дани ему учили давати и во всей учинилися в Темгрюкове княжой воле»³.

¹ КРО. С.9-10.

² Цит. по: История КБР в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов / выявление, археология, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. - Нальчик, 2005. С.299.

³ КРО. С.10.

Ходили слухи, что московский царь внимательно прислушивался к советам своей супруги и даже решение об учреждении опричнины принял не без ее участия¹. Видимо поэтому отношение к царице среди простого народа было далеко не однозначным. В фольклоре сохранилось предостережение Ивану IV: «Не женись ты, царь, в проклятой Литве / На той ли Марье Темрюковне, / А женись ты, царь, в каменной Москве...» Но он не прислушался к совету «...И брал он Марью Темрюковну / И со тем со брателком родимым / Кострюком Темрюковичем...»². Подобные предубеждения разделял и Н.М. Карамзин, считавший, что «Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для государства, которое уже не могло с мыслью о царице соединить мысль о царской добродетели. Княжна черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Ивана в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда»³.

Мария Темрюковна умерла 1 сентября 1569 г. и была похоронена в московском Вознесенском девичьем монастыре. В народном сознании ее смерть была связана с расправой над ней свирепого Ивана Грозного: «Брал царь свою Марью Темрюковну / И вел он далече чисто поле, / Стрелял он ей в ретиво сердце, Тут ей и славу поют»⁴. Достоверность этой версии сомнительна, тем более, что Иван IV дорожил отношениями со своими кабардинскими родственниками, через которых породнился с Астраханским царевичем Бекбулатом, сыном хана Большой Ногайской Орды Тинехматом. Примечательной выглядит грамота царя старшей жене хана Давлет-Гирея Айшебрат Масалтан, датируемой декабрем 1570 г., в которой он, посылая ей деньги для поездки в Мекку, говорит: «...И в нашем законе христианском обычай и по смерти тело разлучаетца, а душа от любви духовнаго совета не отлучаетца. А мы спамятуя свою царицу и великую княгиню Марию и по смерти с кровных ее беречи и жаловати и впред ради есьмя к тебе с своим гонцом з Богданом Шапкиным 300 рублей, так бы еси ведала»⁵.

Против враждебного Темрюку дагестанского шамхала в 1560 г. действовал отряд под командованием воеводы Ивана Семеновича Черемисинова⁶. Он сжег столицу шамхальства Тарки и заставил его вла-

¹ Кобрин В.Б. Указ. соч. - С. 133; Аталиков В.М. Страницы истории. - Нальчик, 1987. С.51-52.

² Цит. по: История КБР в трудах Г.А. Кокиева. С.299.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб., 1830. Т.9. С.49-50.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI - конец XVIII в. - Нальчик, 1996. - С.270.

⁶ КРО. С.8.

дельца бежать в горы. В 1562-1563 гг. воевода Плещеев воевал с князем Пшеапшоко Кайтукиным и построил для Темрюка временное укрепление, опираясь на которое тот мог обороняться от своих недругов. В своем отчете царю Григорий Семенович Плещеев поведал, что «пришел он в Астрахань... а Темгрюк-князь был в то время от своих недругов приехал в Астрахань и с сыном своим Домануком. И Темгрюк-князь и сын его Доманук-мирза в Черкасы пришли декабря в 6 день, а Гигорей в Черкасы с ними же пришел, а с ним голова стрелецкая Григорий Вражской, а с ним стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек. И Темгрюк со государьскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скинских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Келишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добились челом Темгрюку-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил. И воевали землю их одиннадцать дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля. А отпустил Темгрюк Григория ко царю и великому князю»¹.

Летом 1565 г. в Москву приехал сын Темрюка «и бил челом царю и великому князю от отца своего от Темгрюка-князя, что Темгрюку-князю пришли многие тесноты от черкас, и ему непослушны во всем, и государь бы пожаловал, послал свою рать в Черкасы и от непослушных его велел обороните»². Вновь помогая родственнику Ивана IV в 1565-1566 гг. кабаки (деревни) Пшеапшоко громили воеводы Дашков и Ржевский³.

Помимо политических контактов крепили и экономические связи. По словам Е.П. Алексеевой, «в XVI в. кабардинцев можно было встретить на ярмарках в Москве и в других русских городах - вспомним сообщение Н. Варкоча о том, что кабардинцы в числе прочих «иноземных купцов», вели большую торговлю «многими превосходными товарами» в Москве. В Моевке кабардинцы покупали с разрешения русского правительства «заповедный товар» - пищали, сабли, панцыри, наручни, шлемы, а также железные и медные котлы, кубки, сукна, меха». Отмечается, что «обмен в Кабарде в XVI - XVII по сравнению с XIV - XV вв. стал значительно интенсивнее, что объясняется, прежде всего, установлением тесных связей с русскими. Торговля с

¹ КРО. С.11.

² Там же. С. 12.

³ Потто В.А. Указ. соч. С.22; Моков Б.М. Указ. соч. С.12-13.

русскими благопринято отражалась на экономике кабардинцев, так как русские поставляли кабардинцам все необходимое не за человеческие души, а за хлеб, скот и другие сельскохозяйственные продукты. Спрос на эти продукты содействовал быстрым темпам развития сельского хозяйства. Благодаря общению с русскими, платившими за товары и военную службу деньгами, в Кабарде наблюдались случаи денежной торговли»¹.

Следующим шагом, направленным на закрепление наметившегося сближения, стало решение возвести на Кавказе крепость с постоянным русским гарнизоном. Переговоры по данному вопросу велись с посланцами Темрюка в 1566 г.² Осенью следующего года в устье Сунжи воеводами Андреем Бабичевым и Петром Протасьевым был воздвигнут Терский городок, сыгравший вскоре важную роль в борьбе с турецко-крымской экспансией в крае³. Примечательно, что в 1567 г. в Москву прибыл посланец от шамхала, привезший царю дары от своего повелителя. А затем на Русь приезжает и внук этого влиятельного дагестанского феодального владетеля⁴.

Еще одним важным последствием строительства городка стало привлечение к союзу с Россией части вайнахов. В качестве вассала Московского царства выступил Ушаром-мурза - предводитель общества ококов, именуемых так по названию их главного аула Окуха, расположенного на р. Мичик⁵. Линии на сохранение верности России будет придерживаться и его сын, Ших⁶.

Неоднократные требования крымских ханов снести российское укрепление игнорировались русскими властями⁷. Иван Васильевич писал Девлет-Гирею: «А город есьмя на Терке-реке поставити велели по Темгрюкову-княжому челобитью, что есьмя его пожаловали, взяли дочь его за себя. И которые черкасы были ему послушны, и те черкасы многие ему досады и убытки юрту его поделили. И мы для своего имени его пожаловали, город для его береженья поставити есьмя велели на его земле и от недругов его велели есьмя Беречи. И будет вперед те черкасы с Темгрюком-князем Айдаровичем помирятца по его хотению, и от того города тем черкасом убытка некоторого не будет»⁸.

¹ Алексеева Е.П. Указ. соч. С.73, 76.

² КРО. С. 13.

³ Потто В.А. Указ. соч. - С.23; Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI - середина XVIII в.). - Армавир-Майкоп, 2003. С.70.

⁴ История Дагестана... С. 139.

⁵ Умаров С.Ц., Бадаев С.-Э.С. Заметки по средневековой этнической истории чеченцев // Научная мысль Кавказа. 1999. №1. С. 68.

⁶ Цит. по: Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 190.

⁷ КРО. С.14-17.

⁸ Там же. С.20.

Российскому влиянию в Кабарде не смогло помешать даже широко-масштабное вторжение сил Крымского хана, который со своими войсками «отлучая черкас от Москвы, всю землю черкаскую воевали, и жгли, и жены и дети имали, и животину и овцы, то все отгоняли»¹. Когда в 1569 г. турецкие и крымские войска под предводительством Касим-паши и Девлет-Гирея двинулись из Азова на Астрахань, стремясь установить контроль над этим имеющим стратегическое значение пунктом, в боях с ними принял участие гарнизон Терской крепости и отряды кабардинцев, сорвавшие замыслы неприятелей².

Выполняя волю султана Селима II, предводители его войска должны были на судах спуститься по Дону до переволоки и прорыть там широкий канал, который соединил бы Дон и Волгу, обеспечив постоянное водное сообщение между Крымом и Астраханью. Сохранились сведения о том, что «с самого начала пошли несогласия и распри между турками и крымскими татарами; предводители их также не ладили между собой, и вообще в войсках не замечалось того одушевления, того подъема духа, который только и служит залогом победы. Так дошли до переволоки. Здесь оба предводителя окончательно убедились в фантастичности возложенного на них поручения и, оставив всякую мысль о прорытии канала, на что потребовались бы целые годы, отпустили тяжелую артиллерию обратно в Азов, а сами двинулись дальше только с 12 легкими пушками. Но едва они подошли к Астрахани и стали укрепляться, готовясь начать осаду, как получилось известие о приближении сюда царского войска. Ни Касим-паша, ни Девлет-Гирей не имели желанья вступать в открытый бой, а потому зажгли свои деревянные укрепления и отступили с такой поспешностью, что царское войско настигнуть их не могло»³. Но скрыться без потерь осmano-крымские войска так и не сумели. Встреченные кабардинцами, среди которых возможно были и гребенские казаки, они лишились обоза и оставили в руках победителей большой полон.

Отступление турок имело огромный международный резонанс, т.к. вырисовывающиеся новые геополитические реалии затрагивали интересы не только азиатских, но и европейских государств, на первый взгляд, далеких от Кавказа. Забеспокоились правители Бухарского и Хивинского ханств, послы которых указывали в Стамбуле на опасность, грозившую их торговым интересам. Зато английские купцы, получившие от Ивана IV значительные льготы, в том числе и пра-

¹ Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI — XVII век) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII - начало XX в.). - Грозный, 1983. С.43-44.

² Вехи единства. - Грозный, 1982. С.24.

³ Потто В.А. Указ. соч. С.36-37.

во на транзитную торговлю по волго-каспийскому пути, начали строить амбициозные планы по подчинению себе экспорта персидского и шемахинского шелка, ввозимого в Европу. Это, в свою очередь, вызвало недовольство французских и венецианских негодников, не желавших потерять выгодный источник доходов.

На Россию стало оказываться серьезное давление с целью вытеснить ее с Северного Кавказа. Крымский хан Девлет-Гирей в ультимативной форме требовал срыть Терский городок, а в условиях затянувшейся войны в Прибалтике сил отвергнуть его притязания у Москвы не было. Хан писал московскому государю: «И мы слышали, что еси прислал людей тысячи две-три, да на Терке город поставил, того для промыслил еси, чтоб шевкальскую землю и черкасскую изневоить. А шевкальцы - мусульмане, а при отцах и при дедах наших от тех мест и по ся места меж нас с ними сылка живет, а люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви введемся. А черкесы ханскому величеству и нам подручны, и тем городом хочешь ты отлучити. И похочешь дружбы и мир. и ты тот город вели снести, а не похочешь так, и ты бы наших послов отпустил, и мы бы твоих отпустили. Так бы еси ведал: меж нас более того ссылки не будет. Кому что не даст бог милосердный - даст, и мы за свой сором учнем стоять»¹.

В феврале 1571 г. Иван IV отдал распоряжение о выводе русских войск из крепости. В письме турецкому султану он писал, что «памятуя прежних своих прародителей, великих государей, и с твоими, брата нашего, прародители дружбу и любовь и братство, а с тобою хотя вперед з братом своим бытии в братстве и в любви, показали есмя братские любви знамя, город с Терки-реки из Кабардынские земли снести велели и людей своих вывести в Азсторохань приказали есмя»². Столь серьезная уступка впрочем не привела к замирению с крымцами. Отряды Девлет-Гирея летом того же года разорили Москву³. Окрыленный успехом хан потребовал отказа России уже от Астрахани и Казани. Его поддержал в этом и турецкий султан, заявивший, что только ему, как халифу, могут подчиняться живущие здесь мусульмане. В свою очередь русская дипломатия апеллировала к исторической обоснованности претензий московского государя на эти земли, как некогда входивших в состав Тмутараканского княжества и, следовательно, принадлежащими ему по праву наследства. Кроме того, Боярская дума постановила «о городе на Терке отписать, что государь Темрюка князя пожаловал, взял у него дочь его за себя, и многие

¹ Цит. по: Кокиев Г.А. Указ. соч. С.48.

² КРО. С.28.

³ Там же. С.33.

черкесы-недруги его досады ему делают, и царь для недругов его и город велел поставить»¹.

Ситуация обострилась еще и поражением князя Темрюка в одном из сражений с татарами весной 1570 г. Он получил рану, от которой так и не сумел оправиться, а два его сына Мамстрюк и Беберк оказались в плену². Сохранилась старинная песня, повествующая об этом кровопролитном бое: «Протекло семь дней в ожидании неприятеля и не видно, и не слышно ничего в степи. Войско наше стоит празднo на водах Ахупса. / Спасибо доброму царю; он известил нас о приближении неприятеля, и доблестный князь Темрюк готов отразить общего врага. / Возгорелась сеча жестокая, и стрелы крымские летят в Темрюка, подобно зимнему инею, убеляющему поля и деревья. / Но одна роковая стрела отыскала путь для пронзения храброго князя, и так глубока была рана, что трудно было ее (стрелу) вынуть. / Пришел к нам из дальней стороны, из-за моря, через перешеек, воитель грозный с несметными силами и взял крепость нашу. / Пытались крепко крымцы перейти Ахупс и совершенно сбить наших: плохо было без Темрюка храброго, но наши отстояли. / И отличился мужеством кайдак Етлухов с золотыми усами (гегуоко хотел выразить - русые усы); герой из героев Темрюк только вздохнул от жестокой раны. / Идар Тамбиев, заметив робость наших, бросился в середину неприятеля; устуженные братья Седиевы повернули за ним коней. / От тугости луков их исходит гул, подобный пушечному, а от пущенной стрелы тетива издавала звук»³.

Иван IV вынужден был обратиться к Девлет-Гирею с просьбой отпустить шуринов. Он писал: «Слух нас дошел, слуги нашего, кабардынского князя Темгрюка, впали сыну твоему Адыл-Гирею царевичю в руки Темгрюковы княжне два сына, Мамстрюк да Беберюк, и ты б для любви Темгрюковых княжих детей Мамстрюка да Беберюка к нам отпустил с моим послом с Офонасьем с Нагим, не постоял бы еси за них для любви, отпустил бы еси их к нам, а у нас чего попросишь, и мы тебе против не постоим, зане же они слуги нашего Темгрюковы дети княжие»⁴. Чтобы поддержать пленников, русскому гонцу Богдану Шапкину, отправленному в Крым было поручено «видетися с княжими детьми черкасского Мамстрюком да з Беберюком на подворье у посла у Офонасья, и ему Мамстрюку и Беберюку от государя поклон отправить, и о здоровье воспросити, и грамота подати, и государева

¹ Цит. по: Кокиев Г.А. Указ. соч. С.48.

² КРО. С.23.

³ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. / Вступительная статья и подготовка текста проф. Т.Х. Кумыкова. - Нальчик, 1982. С. 106.

⁴ КРО. С.26-27.

жалованье платье и рухлядь, что с ним к ним послано, явити им по списку. А будет Мамструку и Беберюку видетися з Богданом у Офонасья и у Федора у них на подворье не дадут, и Богдану к ним государева грамота и государево жалованье к ним послати с служилыми таттары»¹. Обговаривая размер выкупа, русская сторона заявляла татарскому хану, что «чево у государя нашего попросишь, и что у государя нашего лучит, и государь наш тебе против не постоит»².

Воспользовавшись неудачей Темрюка и ослаблением России, часть кабардинских князей перешла на сторону крымцев. Только разгром войск Девлет-Гирея на реке Пахре в июле 1572 г., нападение донских казаков на Азов позволили окончательно отвергнуть крымско-турецкие территориальные претензии³. Астрахань и Казань оставались за Россией, но сохранить за собой Терский городок не удалось. Сил для борьбы за него явно не хватало, а потому в 1572 г. гарнизон покинул крепость.

Впрочем, попытки сохранить свое присутствие в регионе не прекращались. Когда началась война между Персией и Турцией и османы решили отправить отряды вассальной крымской кавалерии через Северный Кавказ, это вызвало серьезное недовольство со стороны кабардинских владельцев. В Москву за поддержкой приехал брат Темрюка, новый старший князь Кабарды - Камбулат (Канбулат) Идаров. Его идеи разделяли влиятельные владельцы князь Казый, сын давнего соперника Темрюка Пшеапшоко и Созоруко Тапсаруков из рода Таусалтановых. Перед лицом внешней угрозы феодалы забыли о былых распрях. Они просили среди прочего восстановить Терский городок, что и было сделано в том же 1577 г. воеводой Лукой Новосильцевым. В грамоте Ивана IV, адресованной «Мамструку мурзе Айдаровичу Черкасскому», по этому поводу говорилось следующее: «Приходили к нам от вас и ото все Черкасские земли бити челом дядя твой Канбулат князь Черкасской с своими детьми и с племянники, чтоб нам вас пожаловати взятии под свою царскою руку и жаловати бы вас и оберегать ото всех ваших недругов и город бы вам нам пожаловати на Терке реке Усть Сюенча поставити и воеводу своего и людей с огненным боем к вам послали, как вам в том городе от недрузей мочно бытии безстрашным, и жалаванную свою большую грамоту с своею золотою печатью о всем по вашему челобитью князю Канбулату Кабардынскому дали есмя, как вам в нашем жалованье всей Черкасской земле быти. А противень есмя с тое грамоты дали воеводе своему, котораго

¹ КРО. С.27.

² Там же. С.32.

³ Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 19.

послали есмя к вам в Терской город. И вы б, вычетчи нашу жаловальную грамоту, у воеводы нашего были в нашем жалованье и прямили есте нам и служили о всем потому, как в нашей жаловальной большой грамоте за золотою печатью написано»¹.

Такая активность Москвы не могла остаться незамеченной и вызвала резкую и негативную реакцию со стороны Порты. Был создан мощный антирусский союз в лице Турции, Крымского ханства и Речи Посполитой. Противостоять ему Иван Грозный не мог и в 1583 г. вновь отдал приказ вывести гарнизон из крепости, а ее саму разорить².

Таким образом «по условиям того времени удержать за собой передовое укрепление в столь значительном отдалении от Астрахани, без связующего промежуточного пункта между устьями Волги и Сунжи, оказалось невозможным. Главное затруднение встречалось в снабжении его съестными и боевыми припасами, особенно в зимнее время, когда закрывался морской путь из Астрахани к устью Терека. Таким образом городок был нами оставлен, но его тотчас же заняли Гребенские казаки...»³.

В 1582-1583 гг. Северный Кавказ был втянут в арену вооруженной борьбы между Турцией и Персией, что не могло не отразиться на безопасности южных рубежей Московского царства. Здесь перемещались значительные силы османских войск и только непрерывные нападения отрядов терских и донских казаков совместно с кабардинцами не давали возможность туркам беспрепятственно использовать местные коммуникации в своих целях и возвести собственную крепость на Тереке⁴.

Временные отступления не означали, что интерес к Северному Кавказу со стороны России ослабевал. Как только внешнеполитическая конъюнктура изменялась, московские государи настойчиво стремились восстановить свои позиции в регионе, без которого обеспечить безопасность южных рубежей было невозможно. В свою очередь многие народы Кавказа видели в России естественную союзницу и покровительницу и готовы были присягнуть на верность русскому царю. Об этом свидетельствует настоятельная просьба со стороны кахетинского посольства, прибывшего в Москву в 1586 г., вновь восстановить крепость на Тереке как гаранта устойчивой связи между Россией, Картлией и Кахетией. Это было тем более необходимо в связи с тревожной информацией, которую передавал отправленный в Дагестан Афанасий

¹ ДИОМГР. С. 101-102.

² Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С.33.

³ Потто В.А. Указ. соч. С.41.

⁴ Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 19-21.

Вантеев. По его сведениям турецкий султан намеревался поставить свой город на Тереке и снарядил для этого многотысячную армию¹. Видимо для обсуждения этой проблемы побывала в Москве и представительная делегация от феодальных владетелей Дагестана. В нее вошли представители от шамхала, сыновья эндереевского владельца².

Аналогичные пожелания звучали со стороны князей Кабарды. В начале 1588 г. «приехали к государю царю и великому князю в Москву (вместе с Кизылбашским гонцом Темрюков Канбулатов княжей сын Юкан Булата князя Черкасского и всей Черкасской Кабардинской земли государю) черкасы Мамструк князь да Куденек мирза бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукой в своем государеве жалованье во обороне от их недругов потому ж, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его... а они государю учнут служит всякие государевы службы, где государь велит, а к иному государю к Крымскому и к Турскому и к Шевкалскому не пристанут»³.

К 80-м годам XVI в. относятся первые упоминания чеченцах в русских источниках. Их аулы появляются и закрепляются на равнине, благодаря поселению на правом берегу Терека гребенских казаков, прикрывавших от набегов своих горских земляков и соседей⁴.

Осенью 1588 г. вместе с черкесами в столицу прибыла делегация из «Окоцкой земли», расположенной в Северном Дагестане⁵. Ее возглавлял Батай, племянник давнего сторонника России мурзы Шиха. Он «бил челом, чтоб государь дядю его Шиха князя и весь его кабак пожаловал и держал под своею царскою рукою; а он государю рад служит исо государевыми воеводами с Терскими на всякого государева недруга стоять хочет и где государь велит ему идти на свою государеву службу и он готов на государеву службу, да и сына своего хочет ко государю послати»⁶. За мурзу Шиха ходатайствовали и терские казаки, которые вместе с ним неоднократно рисковали жизнями, выполняя поручения Московского государя⁷. И хотя Батай представлял далеко не все вайнахские общества, которые к тому же были отнюдь

¹ Смирнов Н.А. Указ. соч. С.21.

² История Дагестана... С. 139.

³ ДИОМГР. С.102-103.

⁴ Блиева З.М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII веках // Вопросы истории. 2003. №12. С.47.

⁵ Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII - начало XX в.). - Грозный, 1983. С. 18-30; Магомадова Т.С. Ших-мурза Окоцкий - подвижник русско-вайнахского единства // Россия Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства) - Грозный, 1990. С. 118-126.

⁶ ДИОМГР. С.110.

⁷ Потто В.А. Указ. соч. С.49.

не доминирующей силой в регионе, ему были оказаны самые высокие почести и продемонстрировано уважение со стороны первых лиц государства. По сохранившимся сведениям, во время торжественного приема «государь сидел в Золотой в Подписной палате в царском платье; а бояре в золотном платье, а в сенех дворяне и приказные люди были в золотном же платье. А явил их государю челом ударити казначей Иван Васильевич Траханиотов»¹.

Есть предположение, что Ших-мурза по происхождению был не чеченским, а кабардинским феодалом². Но в любом случае он выражал мнение одного из вайнахских обществ, стремящегося с помощью России закрепиться на равнине. При посредничестве мурзы Шиха в 1589 г. возглавлявший посольство в Кахетию князь Семен Звенигородский принял шерть ряда горских владельцев. Среди присягавших был сын Черного (Гумбетовского) князя Гелей, который бил челом московскому государю за Гумбет и Аварскую земли³.

Вслед за Ших-мурзою о своем желании принять подданство заявил Султан-мурза, владелец ингушского селения Ларс, расположенного в Дарьяльском ущелье. Он принял активное участие в помощи русскому посольству, направлявшемуся в Грузию. Московским послам он заявлял, что готов «государю же служить по свою смерть, как государю вашему служит брат мой Ших-мурза Окуцкий. И на непослушников государевых со государевыми воеводами ходить готов и на то государю правду даю, шертую на коране, и вас провожаю до Грузинской земли и в заклад брата своего или сына пошлю в Терский город вместе с вами. А вы мою службу государю своему известите, чтоб государь пожаловал, велел дать мне свою государеву грамоту, какую послал он к брату моему к Шиху-мурзе Окуцкому. А до того как меня государь пожалует, свою грамоту ко мне пришлет, дайте мне от себя грамоту, чтоб мне было в государстве на жалованье надежным быть и иных бы кабаков князя меня не обидели»⁴.

Союза с Россией искал и персидский шах Аббас I, враждовавший с Турцией. Сумев вытеснить турок из Азербайджана, он готов был передать России Дербент и Баку в обмен на военную поддержку в борьбе против османов⁵.

¹ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в.: Сборник документов. - М, 1997. С. 19-20.

² Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. - М., 2004. С.65, 69-70.

³ Русско-чеченские отношения... С.270.

⁴ Цит. по: Вехи единства. С.25.

⁵ Смирнов Н.А. Указ. соч. С.21.

Разгоревшаяся в Крыму междоусобная борьба ослабила угрозу татарских грабежей русских земель и дала возможность уделить больше внимания внешнеполитическим шагам¹.

Завершившаяся Ливонская война позволила России активизироваться на Кавказе. В 1587 г. последовала присяга Кахетинского царя Александра на подданство Федору Ивановичу. Активный дипломатический обмен посольствами не обходился без участия Кабарды². Воспользовавшись благоприятной ситуацией, московское правительство в очередной раз возводит укрепления на Северо-Восточном Кавказе, на этот раз выбрав для него один из протоков в устье Терека - Тюменку. Вооруженный «огненным боем» гарнизон с 1588 г. начинает нести здесь свою службу. А в устье Сунжи вновь закладывается острог, контролирующий имеющий важное значение «Сунженский перевоз»³.

Терский городок был мощным для своего времени укреплением. Его основой был «кремль, окруженный сосновыми стенами высотой в 10 бревен; в проезжих воротах и по углам воздвигнуты были рубленые башни. В кремле находились две церкви, аманатная и приказная избы, воеводский двор, пороховой или зеленый погреб, в котором было три бочки пушечного, одна бочка ручного зелья и 8260 ядер. На четырех воротах, восьми башнях и четырех раскатах стояло 40 орудий»⁴. Вокруг него стали селиться представители различных кавказских народов, которые совместно с гарнизоном крепости противостояли крымско-турецкой угрозе. Они же и снабжали гарнизон продовольствием⁵.

Лишь только узнав об основании русской крепости, сюда тотчас прибыл Ших-мурза окоцкий и согласно грамоте Федора Ивановича «нам правду дал, что тебе бытии в нашем жалованье и нам служити и на нашего недруга с своею ратью готов еси. И Алкаса Шевкалова сына с людьми его к шерти привел еси, что ему нам служити, х Турскому и х Крымскому не приставать»⁶. После убийства в 1595 г. своего предводителя Шиха-мурзы «за то, что он честно служил московскому государю» сюда же переселились и вайнахи-ококи⁷.

Опасаясь недругов, на Терек в 90-х гг. XVI в. перебрались Куденет Канбулатов и Сунчалей Янглычев, для которых рядом с Терками была основана Черкесская слобода, укрепленная острогом⁸.

¹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. - СПб., 1887. С.443.

² Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 122.

³ История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С.301.

⁴ Бушуев С.К. Указ. соч. С.51.

⁵ Алексеева Е.П. Указ. соч. С.52.

⁶ Русско-чеченские отношения... С.22.

⁷ Вехи единства. С.26.

⁸ Алексеева Е.П. Указ. соч. С. 143.

В случае необходимости к обороне Терского города активно привлекались вассалы московского государя, которые давали соответствующую шерть. В грамоте Посольского приказа адресованной терскому воеводе А.И. Хворостину в августе 1588 г. говорилось, что нужно «привести вам Шолоха-князя и Тапшиука-князя з братьями и с племянники к шерти на том, что им, будучи в нашем жалованье, вместе с Канбулатом-князем и з Домануком-князем и с Мамстрюком-князем и со всеми черкасы кабардинскими нам служити и на нашего недруга с вами стояти, а х Крымскому хану не приставать. И которые наши недруги пойдут к Терскому городу, и они б нам служили и с вами на тех наших недругов стояли и с ними за наш город Терской с вами бились»¹.

Благодаря постоянному присутствию на Тереке, можно было поддерживать устойчивые связи с соседними землями. Отмечается, что «в XVI в. уже установился путь, по которому проходила связь России с Шемахой через Дарьял и пути через Кабарду, Дагестан в Кахетию. В это время Кахетия искала у России поддержки в борьбе против нападавших на нее Турции, Ирана и кумыков. Русские посольства в Кахетию обычно в XVI в. шли кружным, трудным и продолжительным путем через Дарьял. От Терского городка послы шли верх по Тереку и Сунже через земли Кабарды до того пункта, где верховья Сунжи подходят к Тереку. Отсюда начиналась горная часть пути. Миновав Ларе, с большими трудностями проходили Дарьял и попадали в «Сонскую землю» (Сванетию). Перевалив через горы и спускаясь по р. Арагве после Ананура, сворачивали влево от нынешней Военно-Грузинской дороги и по сравнительно удобному пути вступали в Кахетию с севера, со стороны верхнего течения р. Алазани»².

Весной 1589 г. российской администрации на Северном Кавказе стало известно о смерти старшего кабардинского князя Камбулата Идарова. Это событие привело к дестабилизации ситуации в крае. Как сообщал воевода А.И. Хворостин в Посольский приказ «смута была великая врось княжья, а на княжене де, государь, ещо не посадили нико»³.

В конечном итоге разногласия были преодолены и новым старшим князем избрали Янсоха Кайтукина. По его инициативе был созван съезд, на котором помимо князей Кайтукиных и Идаровых были и представители крестьянского старшинства. Участники этого пред-

¹ КРО. С.55.

² Смирнов Н.А. Указ. соч. С.25.

³ КРО. С.56.

ставительного собрания подтвердили свое подданство России, о чем принесли шерть в Терском городке.

Титул московского царя с середины 90-х годов XVI в. начинается среди прочего включать «Иверские земли картальских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь»¹.

Против враждебных пророссийской ориентации владельцев применялась вооруженная сила. Так, с целью наказания «ослушников Московского государства» князей Саулоха и Алхаза в 1589 г. в Кабарду был отправлен отряд ратных людей во главе с воеводой Григорием Полтевым. Действуя совместно с князем Янсохом Асланбековичем, они разорили владения мятежников и заставили их подчиниться. За свою верность князь Янсох Асланбекович был признан старшим князем Кабарды и получил жалованную грамоту с золотой печатью².

В свою очередь кабардинских владельцев привлекали к воинской службе для борьбы с внешним врагом. В 1589 г. Федор Иванович отправил грамоту в Астрахань, в которой объявлял, что «помыслили есмя послать рать свою в неметцкой поход на свейского короля», а потому повелевал «у кабардинских черкас взят бы нам у Шолоха князя брата или племянника, а с ним бы ратных людей Шелох князь послал на конех и в пансырех и со всяким служебным нарядом с копыи о дву кон 150 человек; да Канбалат бы и Мамстрюк князь Темрюковы послали з братом своим или с племянником с которым с мурзою с одним ратных людей до 50 человек и грамоты к ним о ратных людех от нас послали есмя, чтоб они черкас прислали з двумя мурзами до 200 человек черкас со всяким служебным нарядом на нашу службу»³.

Хотя кабардинские князья и называли себя подданными русского государя, но между собой у них оставались натянутые отношения. Свидетельством этому служат три самостоятельных посольства, которые прибыли в Москву в 1591 г. от Шолоха, Мамстрюка и Янсоха. Такое положение не способствовало обеспечению безопасности Кабарды в противостоянии с Крымом и Турцией, но действенного способа изменить ситуацию найти не удавалось⁴.

Поддерживая того или иного князя, приходилось делать нелегкий выбор, и здесь учитывалась верность русскому престолу, подтвержденная конкретными делами. Весьма примечательной в этой связи видится грамота, выданная царем Федором Ивановичем князю

¹ ДИОМГР. С.25.

² Кокиев Г.А. Указ. соч. С.52.

³ ДИОМГР. С. 115.

⁴ Моков Б.М. Указ. соч. С.21, 41, 60.

Мамстрюку. Она гласила: «Писали к нам из наше отчины из Терского города воеводы, что наш непослушник Шевкал князь тебя, поймав, держал у себя в полону и тебя от нашего жалования отводит; и ты, будучи у него в полону, всякую нужду терпел, а от нашего жалованья не отстал, и ныне еси по прежнему в нашем жалованье живешь и нам служишь.

И ты то делаешь гораздо, что нам служишь правдою, помня отца своего Темрюка князя правду и службу нашему блаженные памяти к в.г. и в.к. Ив. Вас. в. Р.; и вперед бы еси нам служит(л) правдою, а мы тебя за твою службу жаловать хотим свыше прежнего. И ныне к тебе наше жалованье с воеводами нашими со князем Григорьем Засекиным с товарищи послали же есмя. А воеводам князю Григорью с товарищи с нашими людьми и черкасским князем и мурзам всем велели есмя ити на нашего непослушника, на Шевкала князя, войною.

И ты бы, Мамстрюк князь, ныне нам совершенную службу показал, с батьями и с племянники шли на Шевкалского с нашими с терскими воеводами со князем Григорьем Засекиным с товарищи и ему свою недружбу метили и Шевкала князя под нашу царскую руку привели, чтоб он был впредь под нашею царскою рукою с вами Черкасскими князи вместе»¹.

Мамстрюк до конца дней оставался верным завету своего отца и сохранял преданность московскому государю. В начале XVII столетия он вместе с братом Домануко был предательски схвачен Кази Пшепшоковым и казнен².

Россия последовательно отстаивала кавказские интересы и во внешнеполитических переговорах. Отправленные в Стамбул в 1592 г. московские дипломаты заявили, что «пятигорские черкесы» (кабардинцы) давние подданные их государя, и отвергли все обвинения в неправомерности возведения русских крепостей в крае.

Весной 1594 г. начался поход против шамхала Тарковского, о чем настоятельно просил кахетинский царь Александр. Возглавил отряд князь Андрей Иванович Хворостин, по указанию которого на р. Койсу было возведено сильное укрепление, в котором разместился отряд князя Долгорукова. Это укрепление стало спасительным островком для многих пленных, которые бежали из горской неволи и находили приют и защиту у российского гарнизона³. Общая численность московской рати насчитывала около пяти тысяч человек. Преодолев

¹ ДИОМГР. С.123-124.

² Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С.35.

³ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Документы подобран, подготовил к печати и предпослал им исследование В.Н. Гамрекели. - Тбилиси, 1968. С.21.

сопротивление шамхала, русские войска заняли его столицу Тарки и стали ожидать прибытия обещанных сил царя Александра, который собирался посадить здесь своего свата.

Между тем наступила осень, а известий о грузинской рати так и не было. Все сложнее становилось проводить обозы к Таркам, т.к. уязвимые коммуникации сделались объектом нападений для дагестанцев. Видя, что дальнейшее нахождение в городе может закончиться гибелью его отряда, А.И. Хворостин отдал приказ пробиваться обратно на Терек. Это была непростая задача. Шамхал подтянул к городу значительные силы, а в русском отряде было много раненых и больных, ограничивавших его подвижность. Но медлить было нельзя, «и вот, выбрав темную ночь, русские скрытно покинули Тарки и выступили из них, бросив в добычу лукавому Шамхалу все лишние тяжести. Благодаря азиатской сонливости, нам удалось уйти не замеченными на довольно большое расстояние. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась и предательницей для его продолжения, - отряд сбился с дороги и зашел к болотистому низовью речки Озени. Казаки, поздно заметившие роковую ошибку, бросились разыскивать путь, но пока с их помощью мы выбирались на настоящую дорогу, наступил день, и нас стали настигать толпы неприятельской конницы. Скоро завязался бой, а вдали, в густых облаках поднимавшейся пыли двигались главные силы Шамхала. Отбиваясь на каждом шагу, русские ускоряли ход, бросали тяжелый наряд, повозки, бросали трудно больных и раненых. Шамхальцы накидывались на них, как голодные волки, и их отчаянные вопли производили замирение в сердцах Московских ратников. В полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападения вели муллы с поднятыми над головами священными свитками и с завыванием огненных стихов корана. Русские продолжали упорно отбиваться, то останавливаясь и строясь «в кольцо», то вновь двигаясь и устилая путь телами убитых. Только к закату солнца им удалось, наконец, добраться до речки Койсу, где Шамхал прекратил преследование в виду близости русского гарнизона, сидевшего в остроге с князем Долгоруким»¹.

Постигшая А.И. Хворостина неудача отнюдь не имела катастрофических последствий. Вплоть до начала «Смутного времени» Московское царство сохраняло свою активность на Кавказе. Таким образом, к концу XVI столетия Россия сумела закрепиться в регионе и даже в годы тяжелейших испытаний начала следующего столетия сохранила здесь свое присутствие. В этом безусловная заслуга пророссийски настроенного населения Северного Кавказа, без поддержки ко-

¹ Потто В.А. Указ. соч. С.57-58.

торого добиться такого результата было бы невозможно. Тогда закладывались основы РОССИЙСКОСТИ, взаимопольного партнерства народов в рамках общей государственности, объективно обусловленного совместной борьбой за свою безопасность и независимость. И в этом нам видится парадигма русско-северокавказской общей судьбы.

ОЧЕРК II. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVII ВЕКЕ

Смутное время начала XVII столетия привело к ослаблению позиций России на Северном Кавказе. Занятое решением внутренних проблем Московское царство не могло помешать активизации в регионе своих традиционных соперников в лице Турции и Крымского ханства. Последние предпринимали энергичные шаги по покорению, прежде всего, адыгских народов своей власти, организуя с этой целью многочисленные походы на Кавказ. В ходе длительной войны с Ираном (с перерывами с 1603 по 1639 гг.) крымское войско неоднократно огнем и мечом стремилось установить свой контроль над имеющим стратегическое значение северокавказским путем в Закавказье¹. Но добиться этого им не удавалось, хотя ряд владельцев и признали себя подданными крымского хана. Немалую роль в этом сыграла русская крепость на Тереке, служившая сдерживающим фактором для амбициозных замыслов агрессоров².

Не прекращались дипломатические сношения с Закавказьем. Тогда отправлялись русские посольства, которые сопровождали верные горские владельцы, обеспечивающие безопасность миссий³.

Неудачный поход Ивана Михайловича Бутурлина на Тарки привел к резкому ухудшению для России ситуации на Северном Кавказе. В 1604 г. он взял штурмом столицу шамхала, препятствовавшего налаживанию контактов между Россией и Грузией, но недостаток продовольствия вынудил воеводу отправить часть сил на зимовку в Астрахань. С остатком войск он был атакован многочисленным войском шамхала Султан-Мута, сумевшего собрать силы не только своего владения, но и других дагестанских земель. Большинство русского воинства погибло, и лишь немногочисленные остатки рати пробились на Терек⁴.

¹Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е - начало 1770-х гг.). - Нальчик, 2001. С. 104-105, 267-268.

²Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. - Нальчик, 1956. С.51-52; Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. / Под ред. Г.Л. Бондаревского, Г.Н. Колбая. - М., 1998. С.28. (В дальнейшем ДИОМГР).

³Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов. - М., 1997. С.41-46. (В дальнейшем РЧО).

⁴Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). - Ставрополь, 1991. С.62-66.

Среди участников этого предприятия были и давние вассалы Москвы Сунчалей Янглычев и Батай Шихмурзин. Будучи в декабре 1605 г. на приеме у Лжедмитрия I, который, не признавая легитимности Бориса Годунова, не отказывался от преемственности политического курса России на Кавказе, они удостоились высочайшей похвалы за свои действия. В обращении к ним нового царя говорилось, что ему ведома их верная служба Федору Ивановичу, которому они «служили и во всем прямили. А как Борис Годунов посылал на шевкала и на его детей на кумытцкую землю воевод, и вы и ваши уздени в том походе служили и с кумытцкими людьми на многих делех билися явственно, не щадя голов своих, и нашим делом над нашими непослушники промышляли с раденьем. И наше цесарское величество в том вас похваляем; хотя есте ходили и по Борисову веленью, только нашим же государствам прибавленья и розширенья искали»¹.

Но в дальнейшем пути российской власти и Батая Шихмурзина разошлись. В 1609 г. он бежал из Терского города и вместе с кумытцким владельцем Салтан-Мамутом начал нападать на своих соплеменников, сохранивших верность российскому престолу². О причинах подобного шага можно только догадываться. Вероятно, предводитель ококов счел, что его заслуги недостаточно щедро вознаграждаются русским правительством. Подобные жизненные «зигзаги» вполне соответствовали реалиям тех союзно-вассальных отношений, которые складывались между Москвой и местной региональной элитой, стремящейся закрепить свой привилегированный статус на службе у «щедрого» сюзерена. Если «щедрость» не устраивала владельца, он менял политическую ориентацию и искал себе более подходящего покровителя.

Сохранению российского присутствия в регионе способствовали дружеские отношения с населением Кабарды. Заинтересованность в совместных действиях против общих врагов позволяла сохранить военно-политический союз, который оформился в минувшее столетие. Но, как и прежде, положение осложнялось внутрикабардинскими противоречиями. По приказу Казыя Пшеапшокова были убиты сыновья Темрюка Идарова - Доманук и Мамстрюк, а их двоюродные братья Куденет Камбулатович и Сунчалей Янглычевич вынуждены были бежать в Терский городок, опасаясь за свою жизнь. Сам Казый Пшеапшоков погиб в битве с Шолохом Тапсаруковым, который в союзе с ногайцами в 1615 г. совершил поход на его владения. И таких приме-

¹ РЧО. С.48.

² Там же. С.55, 63-65.

ров средневековая история Кабарды, да и всего Северного Кавказа знает немало.

Князя в зависимости от политической ситуации нарушали взятые на себя обязательства, чтобы затем вновь присягнуть на верность в случае необходимости. По словам К.Ф. Дзамихова, в «борьбу различных кабардинских феодальных групп была втянута не только вся Кабарда, феодальные образования Дагестана и Ногайской Орды, но и Крымское ханство и Российское централизованное государство»¹. Царское правительство чаще всего делало ставку на клан Идаровичей, потомков легендарного Темрюка, которые традиционно придерживались пророссийской ориентации.

Согласно существующей в то время политической практике, князя давали присягу на верность - шерть. Она подкреплялась выдачей заложников - аманатов, которые размещались в Терском городке. Российская власть содержала их за свой счет, выдавая одежду и еду. Считалось, что владелец подтверждает свою верность, если дает своих собственных детей, в противном случае делался вывод, что вассал нарушает свою присягу. Старший кабардинский князь после присяги получал жалованную грамоту с золотой печатью и денежную сумму в размере 100 рублей ежегодно. Ему также выдавалось хлебное содержание. Но попытка Москвы ввести за правило по своему усмотрению назначать на эту должность успехом не увенчалась, и со второй половины XVII столетия от этого отказались².

Со смертью Бориса Годунова кабардинцам было непросто разобраться во всех хитросплетениях борьбы за престол, развернувшейся в Москве. Каждый раз посланцам с Кавказа приходилось иметь дело с новым царем. Посольство Сунчалая Янгличева, прибывшее в столицу Российского государства в декабре 1605 г., вело переговоры с Лжедмитрием I, делегация кабардинцев 1609 г. искала встречи с Василием Ивановичем Шуйским, а в 1614 и 1615 гг. верность давнему союзу северокавказские послы подтверждали уже Михаилу Федоровичу Романову.

О той непростой ситуации, в которой оказался посланный к царю кабардинским князем Шолохом Тапсаруковым Гордан Индороков он поведал дьякам посольского приказа. По его словам, «пришел он от Солоха-князя во 117-м году (1609 г. - Ю.К.) к царю Василью с кизылбашскими послы с Муштыкулы-беком вместе; а в те поры в московском государстве была смута, стоял под Московским государством вор Тушинской. И как он шел к Москве, и под Тулою ево переняли ка-

¹ Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С.112.

² Там же. С. 107-108.

заки, и ограбили, и грамоты, которые с ним были от Солоха-князя, отняли, и перевели его к вору в Тушино, и он был у вора в Тушине. А как вор от Москвы побежал в Колугу, и он с вором же был в Колуге. А как в Колуге вора убили, и он ис Колуги прибежал к Прокофью Ляпунову; и Прокофей сослал ево в Казань, и был он по ся места в Казани. А как на Московском государстве учинился великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, и про то ему подлинно ведомо, что Солох-князь и все кабардинские князи и черкасы государскому имени обрадовалися и все на государево имя шертовали и хотят государю служити по тому же, как и прежним российским государем служили. А он ныне приехал бити челом государю о своих нуждах, и чтоб ево государь пожаловал, велел ему видети свои царские очи и велел ево отпустите к Солоху-князю. И только государь ево пожалует, велит ево к Солоху-князю отпустить и с ним свое царское повеление о новых закладах отпишет, и Солох-князь и все черкасские мурзы пришлют новые заклады, а старые заклады возьмут; да и сверх закладов только государь поволит к себе бытии лутчим черкасским князем и мурзам, и они к государю будут тотчас и все будут служить государю головами своими»¹. Менялись правители, но неизменным оставался курс на сближение с Россией ряда северокавказских владельцев².

Когда в 1613 г. в Астрахани обосновался сторонник Лжедмитрия II И. Заруцкий, против него терским воеводой Петром Головиным и Сунчалеем Янгличевым был послан отряд местных казаков, кабардинцев и окочан под предводительством стрелецкого головы Василия Хохлова. Участвуя в разгроме сил самозванцев, они способствовали поимке «смутьянов», внося свой вклад в установление долгожданного мира на Руси. Как писал позднее царю князь Сунчалей: «И как по грехам была в Российском государстве смута и междоусобная брань и вотчина твоя государева город Астрахань царю Василию изменила, от нево отложила в воровство, - а я, холоп твой, в то время был в твоём государеве вотчине на Терке и терских людей от такого воровства удержал и их вору, которого они называли царским именем, креста целовать не велел»³. Так же поступили и князь Шолох Тапсаруков, мурзы Казый Пшеапшоков, Мудар Алкасов, Куденек Камбулатов, Нарчов Елбузлуков заявивших, что им «с вором с Ивашком Зарутским

¹ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. - М., 1957. Т. I. С. 83. (В дальнейшем КРО).

² ДИОМГР. С. 126-140; Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. - Нальчик, 1948 С. 26-27; Моков Б. М. Кабарда второй половины XVI-XVII веков. - Нальчик, 2001. С. 43.

³ Цит. по: Кокиев Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 55

и с Маринкою и с сыном ея ни на которое дурно, и нам того не слушать и к ним, к ворам, не приставать. А где будет наша мочь, и нам над Ивашкой и над Маринкою с сыном и над воры, которые государю непослушны, промышляти, сколько бог помочи подаст, и везде над ними поиск учинить, а государю и его государствам прибыли искать, а лиха нам отнюдь государю не хотеть и не думати о том ни с кем некоторыми мерами»¹.

В конечном итоге, как сообщалось в грамоте Посольского приказа, адресованной Сунчалею Янглычеву в августе 1614 г., «и ныне божиею милостию, а нашим царским счастьем и бояр и воевод наших и всяких наших ратных людей и вашею к нам, великому государю, службою и раденьем, отчина наша Астрахань от воров и изменников наших, от Ивашки Зарутцкого с товарищи, очистилась и учинилась под нашею царскою высокою рукою попрежнему. А вора Ивашка Зарутцкого и воров, которые к нему пристали, наши ратные люди побили и живых многих поймали и многих в воде потопили, а Ивашко Зартутцкой ушел не со многими воры на Яик. И боярин наш и воеводы князь Иван Никитич Одоевской с товарищи з головами многих наших ратных людей. И где такому вору и изменнику нашему Ивашку Зарутцкому ни бегати, а от нашии царские высокие руки укрытись негде. А к вам, к Сююнчалею-мурзе Янглычевичю, з братьею и з детьми послали мы, великий государь, за вашу к нам, великому государю, и ко всему нашему Московскому государству службу и раденье, с нашим царским милостивым словом и з жалованьем дворянина нашего Дмитрея Семеновича Погожего»².

Не без посреднической деятельности Сунчалея Янглычева на верность Михаилу Романову присягнули старший кабардинский князь Шолох Таусултанов, князья Гиляхстановы, Алдаровы и Казый Пше-апшоков³.

О том, насколько важным признавалась лояльность северокавказских вассалов, свидетельствует наказ, который получили в конце 1614 г. русские послы, действовавшие в Речи Посполитой. Им было поручено, в случае если «будет паны-рада или иные некоторые паны или приставы учнут Федора спрашивать про Большой Нагай, про Иштерека князя, и про казыев улус, и про кабардинских черкас, и про кумыцких князей и про иные некоторые земли: как они ныне послушны ль государю или нет. И Федору панам-радам или кто иной

¹ КРО. Т. I. С. 81.

² Там же. С. 83.

³ Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 103.

учнет его о том спрашивать, а будет его о том кто и не учнет спрашивать, и ему самому, пристав к их речам, о том говорити...

...Да и иные многие новоприбылые государства под великого государя нашего его царского величества рукою учинились: Окуки, Барагуни, Абаза, Эрпели, Мичкизы, Тюмени, Черного князя земля, Оварская и иные земли. Те все прежним великим государем нашим царям российским служили и в их царском жалованье и в повеленье были неотступны. А ныне они, слыша про его царского величества ко всяким иноземцом милость и жалованье, потому ж все учинились под его царскою высокою рукою в его царской милости и в жалованье крепки, навеки неотступны, и все его царскому величеству служат и прямят, и где его царского величества повеленье ни будет, и они по его царского величества повеленью на его царского величества недругов и на непослушников головами своими и со всеми своими ратными людьми идти и служить его царскому величеству готовы с радостью»¹.

Такая убежденность в верности своих северокавказских вассалов опиралась на опыт прошлых лет. В тяжелейших условиях Смуты «терской жилец кабардинской Сунчалей-мурза Янглычев с уздени своими и с черкасы и с окотцкими людьми и с новокрещены, что служат де они государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси на Терке всякие государевы терские и кумыцкие и кабардинские службы, и на заставах на отъезжих караулах стоят с городовыми людьми вместе», и это при том, что они «государевым денежным и хлебным жалованьем не пожалованы десятый год»².

Стремясь отблагодарить Сунчалей за службу, Москва расширяла его власть над населением Терского городка, а это, в свою очередь, приводило к недовольству тех пророссийски настроенных горцев, которые не желали считать себя слугами кабардинского князя. О той непростой, практически неразрешимой без ущерба для заинтересованных сторон ситуации свидетельствует письмо, которое отправили окочане государю Михаилу Федоровичу осенью 1616 г. В нем они напомнили свои заслуги перед престолом, поведав, что «преж, государь, сего мы, холопи твои государевы, жили в своей в Окоцкой землице. И в той, государь, в Окоцкой землице большой был над всеми окоцкими людьми Ших-мурза Ишеримов. И того, государь, Ших-мурзу Ишеримова убил кумыцкий князь Ахматкан з братьею за то, что он, Ших-мурза, прямил и служил блаженные памяти прежним московским государем. Да и мы, холопи твои, с окоцким с Ших-мурзою служили государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и сыну

¹ ДИОМГР. С.224-225.

² КРО. Т.1. С.80.

его, государю царю и великому князю Федору Ивановичю всея Руси и государю царю и великому князю Борису Федоровичю все Руси. И как, государь, Ахматкан-князь убил Ших-мурзу и нас почал к себе звати, а землицею хотел Окоцкою владети. Да и иные, государь, многие горские князи и мурзы нас призывали к себе. И мы, холопи твои, не хотя им, горским князем и мурзам, служить и под ними в век быти, покиня свои дома и живот весь пометав, з женами своими и з детьми из Окоцкие землицы утекли душею да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терской город под твою царскую высокую руку на житье навек, и живем, государь, в Терском городе». Своих детей и внуков челобитчики - соратники легендарного Шиха-мурзы, также вырастили преданными слугами русского царя. При этом в письме отмечалось, что «ведали нами и судили нас, холопей твоих иноземцев, и управы меж нами чинили в Терском городе твои государевы воеводы и дьяки». Поэтому известие о том, что отныне им придется подчиняться Сунчалею Янгличеву, было воспринято ими крайне отрицательно. Окочане жаловались на притеснения, которые творил по отношению к ним кабардинский князь, и просили и впредь «ведати и судити твоим государевым воеводам и дьякам»¹.

Рассмотрев челобитную, российское правительство решило все же сохранить зависимость окочан от Сунчалея. Но в случае возникновения разногласий оно брало на себя функцию третейского судьи, который должен был примирить стороны². В дальнейшем подобные конфликтные ситуации вновь повторятся, и будут негативно влиять на российско-северокавказские отношения³.

Кроме того были «и другие причины, осложнявшие развитие русско-чеченских связей. Продвижение чеченских поселений по р. Сунже и ее притокам, а также на территорию между Сунжей и Терском, то есть рядом с казачьими станицами, привело к противостоянию между гребенскими казаками и чеченцами. ... На русско-чеченские отношения повлияло и введение для чеченцев и других горцев, приезжавших на русскую границу, таможенных пошлин.

Существовали и иные причины, серьезно затруднявшие установление полнокровных русско-чеченских отношений. Сыграли свою роль особенности организации чеченских обществ. Чечня состояла из отдельных «землиц» и «обществ», и не было еще внутренних социальных предпосылок, которые бы могли привести к согласованным действиям и политически ясным целям; отсутствовала и собственная

¹ КРО. Т.1. С.94-96.

² РЧО. С.79.

³ КРО. Т.1. С.107, 260-261; РЧО. С.78-79.

общественная элита, способная сформулировать общечеченские задачи, в том числе и по вопросу отношений с Москвой. Это важное обстоятельство придавало русско-чеченским отношениям в XVII в. фрагментарность, лишало их устойчивости и системности»¹.

Как бы то ни было, если возникала необходимость консолидировать усилия в борьбе с общим врагом, все пророссийски настроенные северокавказские владельцы и общества готовы были объединиться под знаменами русского царя и вместе идти в бой. В этой связи вызывает интерес отписка терского воеводы Н.Д. Вельяминова в Посольский приказ, датируемая весной 1619 г., в которой упоминаются народы Дагестана, Кабарды, Чечни и Закубанья. В ней говорилось, что если государь позволит кабардинским князьям и мурзам «с своими государевыми ратными людьми ногайских мурз воевати. И оне де, государь, кабардинские мурзы, все и со многими горскими людьми ногайских мурз воевати и улусы их разоряти, и с ними де, государь, с кабардинскими князьями и мурзами, готовы все головами своими и безленейские и кумиргинские и жаньские черкасы, а безленейские, государь, и кумиргинские и жаньские черкасы под крымского царя рукою, а кумытцкие и мерезинские и шибущкие и тшанские и калканские и мулкинские и многих горских земель люди готовы все против ногайских людей заодин стояти»².

Впрочем, так было далеко не всегда. Уже через год царское войско участвовало в погромах шибутских, калканских, ероханских и мичкиских «непослушников», заставляя их переприсягать Михаилу Федоровичу Романову и выдать аманатов в Терский город³.

Как и прежде распространенной формой поощрения за верную службу оставались материальные вознаграждения⁴. В апреле 1622 г. государь повелел прибавить Сунчалею « годового денежного жалованья к прежнему ево окладу ко 100-у к 50-ти рублем - 30 рублей, да хлеба к прежнему ж окладу 10 чети муки, 15 чети овса. А детей его пожаловал государь, велел их своим государевым годовым денежным и хлебным жалованьем поверстать. А оклад им учинен: большому сыну ево Солоху-мурзе - 50 рублей, 30 чети муки ржаные да 5 чети круп и толокна; а меньшему сыну его денег 30 рублей да 20 чети муки ржаные да 3 четверти круп и толокна. Да Сунчалея же государь пожаловал, велел ему прибавить из неверстанных узденей в службу 20 человек узденей, а своево государева денежного жалованья велел им учи-

¹ Блиева З.М., Русско-чеченские отношения в XVII - XVIII веках // Вопросы истории. 2003. №12. С.49-50; Русско-чеченские отношения. С.111-112.

² РЧО. С.93.

³ Там же. С.96.

⁴ Там же. С.77-78, 80-92.

нить по 5-ти рублей человеку да хлеба против прежних служилых и верстанных узденей. ... А всего Сунчалею и детям ево и узденем доведца дать государева жалованья по нынешнему новому окладу и с прибавкою 360 рублей»¹. В феврале 1624 г. жалованье было выдано и кабардинскому князю Куденеку Камбулатову². Старались не обходить вниманием и служилых окочан³.

Подобное внимание и поддержка со стороны Москвы своих северокавказских вассалов являлась хорошим примером для других владельцев, которые, в свою очередь, старались заявить о своей преданности русскому царю⁴.

Еще одним способом поощрения было разрешение закупать оружие в Москве, в котором столь нуждались северокавказские владельцы. Сохранились сведения о том, что в 1616 г. «черкасские Куденек-князь Кенбулатов да Сунчалей-князь Янглычев да Шеганук-мурза Бузлуков... били челом государю, чтоб им государь позволил купить в Москве пансырей и шапочек и наручей и наколенков железных». В этой просьбе им не отказали, и Сунчалей Янглычев в 1622 г. приобрел еще одну партию оружия. А в начале 1631 г. царю бил челом «черкаской Наршов-мурза Ебузлуков, чтоб государь его пожаловал, поволит ему купить на Москве пансырей и ружья»⁵. За верную службу кабардинские владельцы получали право на беспошлинную торговлю в Астрахани и в Терском городе⁶.

Немаловажно и то, что российская власть, постепенно оправлявшаяся от вакханалии и анархии Смутного времени, старалась политически поддерживать верных себе владельцев, выделяя их среди прочих феодалов Кабарды. К Москве обращались кабардинские князья, стремясь закрепить свой лидирующий статус среди соплеменников⁷. В 1632 г. терские воеводы получили указание оберегать и всячески поддерживать Кельмамет-мурзу и Ильват-мурзу Куденетовичей Черкасских держа «их в чести, выше других мурз»⁸.

Далеко не однозначно складывались взаимоотношения с народами Дагестана. Тарковские шамхалы, против которых ранее неоднократно предпринимались походы русских войск, вместе с рядом кумыкских князей в 1610 г. принесли в Терках присягу на подданство. Это было обусловлено угрозой со стороны персидского шаха, проти-

¹ КРО. Т. I. С. 101-102.

² Там же. С. 106.

³ РЧО. С. 101-103.

⁴ КРО. Т. I. С. 103-105.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 142 и др.

⁷ Там же. С. 135-137.

⁸ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 28.

востоять которому дагестанские владельцы рассчитывали с помощью Москвы. Показательно, что с 1614 по 1642 гг. в Россию было отправлено 13 посольств, добивавшихся покровительства со стороны русского государя¹. К терским воеводам обращались за вооруженной помощью и во время междоусобных столкновений, которые происходили в Дагестане². Впрочем, с аналогичными просьбами владетели шли и к другим государствам, в зависимости от видения своей личной выгоды³.

Иранский шах Аббас, вытеснив из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербента османов, попытался захватить Дарьяльское ущелье. В Москву приходили тревожные сведения о том, что «ныне де шах Бас от Чорного моря хочет идти на Черкасскую землю войною; а из Черкасс идти де ему подом мимо Кумыцкую землю. А хочет де на Койсе и в Тарках ставити города; а поставя де города с воеводами хочет посадити людей своих»⁴.

Кабардинский князь Мудар Алкасов, чьи владения вплотную подходили к Дарьялу, счел для себя выгодным вступить в подданство к персидскому владыке. В 1614-1615 гг. он посетил Иран и, вернувшись с отрядом шахских войск, принялся укреплять подступы к Дарьялу. Но дальше продвинуться персы так и не смогли. Не последнюю роль в этом сыграла позиция других кабардинских владельцев, которые удалились в горы, но не признали власть Аббаса⁵.

Справившись с польско-шведской интервенцией, Москва вновь начинает укреплять свои позиции на южном направлении. По-прежнему ставка делалась на лояльных кабардинских владельцев, которые являлись значительной силой в регионе. Но непрекращающееся соперничество между князьями ограничивало их возможности в борьбе с внешней угрозой. Ревниво наблюдая за усилением своих политических конкурентов, они готовы были заключить союз со своими вчерашними врагами. Сохранились сведения о том, что враждующие князья готовы были отдавать по 200-300 рабов татарскому хану, если он обещал им поддержку⁶. Монах Доминиканского ордена Эмиддио Дортелли д' Асколи писал, что татары «воздерживаются ходить в Чиркасию, потому что там очень воинственный народ. Хан отправляется туда лишь в том случае, когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю. На-

¹ ДИОМГР. С.28.

² РЧО. С.65-71.

³ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. - Махачкала, 1997. С. 140.

⁴ ДИОМГР. С.151.

⁵ Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 104.

⁶ Аталиков В.М. Страницы истории. - Нальчик, 1987. С.52.

деюсь тоже, что московы, которые в настоящее время не воюют ни с кем, примут меры против татар, ибо московский государь весьма могуществен. Чиркасия разделена между многими владельцами, ими называемыми - бей. Они более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют из-за краж, так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата; враждуя по поводу судебных приговоров и убийств, что у них случается ежедневно, а иногда из-за вопросов чести, они дерутся без пощады. Всякий, кому не хватает сил собственных подданных, обращается за помощью к дружественному владельцу; дело доходит до того, что один из противников одерживает верх над другим. Этот последний, чувствуя себя оскорбленным, призывает на помощь хана, обещая ему 200 или 300 рабов. Хан более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тысяч воинов, с которыми идет к позвавшему владельцу. Тогда другой противник, видя, что ему приходится плохо, начинает обдумывать свои обстоятельства и для лучшего исхода решает сойтись с ханом на стольких-то невольниках; затем при посредстве того же хана обе стороны заключают мир. Правда, говорят, что когда двое ссорятся, третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов...»¹.

В XVII столетии Кабарда разделяется на Большую и Малую, в границах которых происходила междоусобная война. Усмирить подобную вольницу собственными силами не удавалось, а потому старший князь Кабарды добивался покровительства со стороны русского правительства, рассчитывая с его помощью обеспечить собственные лидирующие позиции среди прочих феодалов. Позиция русского правительства в этом вопросе была весьма прагматичной и выражалась в государевом приказе: «У татар и у черкес обычай таков: друг на друга ссорят и затевают не делом, за то стоять не за что, что у них меж себя ссора или задоры, только б от государя отступны не были и были под государевою рукою в прямом холопстве»².

Помимо политического интереса на повестку дня стал вопрос об использовании природных богатств края в интересах как местных народов, так и всего государства Российского. По инициативе князя Пшимахо Камбулатовича Черкасского в Москву отправился гонец Каншау-мурза Битемруков, который просил царя прислать на Кавказ специалистов «рудознатцев». По его словам, «есть в черкасских горах, где живут черкасской Ибак-мурза з братьею, серебряная руда и сви-

¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительная статьи к текстам В.К. Гарданова. - Нальчик, 1974. С.63.

² РЧО. С.113.

нец, и тое серебряную руды мочно ль, оттуды взяв, для опыта приве-сти на Терек»¹. Это предложение заинтересовало Михаила Федоровича, и в августе 1628 г. в Кабарду прибыли находящиеся на русской служ-бе немцы Самуил Фрич и Иван Геральд. Помощь в их геолого-разведочных изысканиях и общее руководство экспедицией возложи-ли на терских воевод И.А. Дашкова и Б.Г. Приклонского. На основа-нии сведений, собранных вернувшейся на следующий год в Москву экспедиции, был разработан план эксплуатации горнорудных богатств региона. Исследование добытых образцов показало, что «та руда, что привезена, чаять прибыльна будет как в глубину копать...». Но, преж-де чем приступить к ее разработке, «великие протори надобно, всякие немецкие мастера: топильщики, кирочники, плотники, каменщики, угольники и мастер, хто умеет мехи делать, и иные надобные желез-ные снасти и иное, что х тому надобно»². Однако нестабильная ситуа-ция в крае, необходимость возводить укрепление в случае разработки рудных залежей не дали возможность воплотить замысел в жизнь³. В дальнейшем была предпринята экспедиция в поисках месторождения селитры, необходимой для изготовления «порохового зелья»⁴.

Пока же экспедицией был решен вопрос снабжения населения Терского города водой. С этой целью был прорыт канал, в возведении которого участвовали все жители многонационального российского форпоста⁵. Саму крепость постоянно укрепляли. По указанию гол-ландского мастера Корнелия Класса в 30-х годах были возведены валы и устроены башни, что соответствовало новейшим требованиям тог-дашней военной науки⁶. Восторженные впечатления о Терках оста-вил турецкий путешественник Эвлия Челеби. По его словам, в городе было семьдесят церквей, три тысячи лавок и десять постоянных дворов. И при этом, признавался турок, «много тысяч любопытных вещей увидели мы в этой Терской крепости. Но, бедный Эвлия, лишь неко-торые из них ты должен описать подробно. Если же ты скажешь: «По-пробуем описать их все до единой», ты впадешь в многословие, что может помешать нашему путешествию»⁷.

¹ КРО. Т. I. С. 113.

² Там же. С. 119.

³ Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 56; Моков Б.М. Указ. соч. С. 46-47.

⁴ КРО. Т. I. С. 298.

⁵ Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. - Нальчик, 1957. С. 31-32.

⁶ Моков Б.М. Указ. соч. С. 99.

⁷ Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII ве-ка) Перевод и комментарии. Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. - М., 1979. С. 130.

Терки привлекали к себе все новых и новых переселенцев. Но этот процесс нес угрозу безопасности крепости, т.к. далеко не все желающие были искренними приверженцами Российского государства. Были известны случаи, когда только что присягнувшие на верность обществу и владельцы начинали заниматься грабежами и нападениями на русские пределы. Так было с шибутскими людьми, нарушившими свою шерть и организовавшими в 1628 г. набег на гребенские казачьи городки¹. Это заставляло местных воевод крайне осторожно и разборчиво идти на удовлетворение просьб о разрешении поселиться в городке. Это, в свою очередь, вызывало недовольство со стороны тех, кому в данной возможности было отказано. Так, в 1631 г. князь Шолох Сунчалеевич Черкасский написал Михаилу Федоровичу жалобу на то, что «приезжают, государь, к твоей царской милости на Терек на житье иноземцы кумычenea и черкасы и окоченя и мичкизеня и ногайские люди и изо всяких земель всякие иноземцы, и твои государевы воеводы с Терека их высылают, откуда хто приехал и на Терке жить им не велят, и от твоей царской милости их отгоняют. А от тех, государь, иноземцов, кроме их к тебе, государю, службы, дурна никакова не живет. А служат, государь, они со мною, холопом твоим, твои государевы службы всякие»².

На эту жалобу Посольский приказ дал государю следующее пояснение: «Приезжие де иноземцы черкасы и кумычenea и мичкизеня и крымские и ногайские люди приезжают в Черкасскую слободу ко князю Шелоху и ставятца в его слободах, а у них, у князя Василья и у князя Семена (местные воеводы. - Ю.К.), не являютца. Да с теми ж де приезжими иноземцы приезжают служилые и торговые люди и товаров своих не являют и государевых пошлин с товаров не платят, а емлют де те товары и в торгу продают князь Шелоховы и Каншовмурзины и Барук-мурзины уздени, а продают за свои товары. И они де, князь Василий и князь Семен, князю Шелоху и Каншов-мурзе и Барук-мурзе говорят беспрестани, чтоб они у себя в слободах никаких приезжих людей без их ведома не держали. И они де, князь Шелох и Каншов-мурза и Барук-мурза, не слушают, приезжих людей держат у себя в слободах беспрестани. И только де около князь Шелоховы слободы не зделать острогу и не выслать и [с] слобод неписьменных людей, и Терскому де городу и терским русским людям чаять большого дурна, потому что неписьменных людей множитца. А [ныне] де на Терке иноземцов перед русскими людьми больши втрое, а идут к ним в слободы беспрестани, потому что в Кабарде голод великой. Да у них

¹ РЧО. С.111-113.

² КРО. Т.I. С.138.

же была в Кабарде от крымских и от кизылбашских людей, которые с Шан-Гиреем, война. А только де государь укажет около князь Шелоховы слободы сделать острог своею государевою казною, и около князь Шелоховы слободы только 900 сажен, и вперед государевой пошине будет прибыль, потому что в зарецкие слободы приезжие люди приезжать не учнут, учнут приезжать на гостию двор. А для черкасского воровства в том остроге без русских ратных людей быть нельзе и осадить будет некем, потому что на Терке ратные люди немногие. И по государеву указу велено на Терке около князь Шелоховы слободы для всякого береженья поставити острог государевою казною, и ратными людьми и стрельцов в том остроге устроить, сколько человек пригож, чтоб Терскому городу порухи ото многих приезжих неписьменных людей не учинилось».

В конечном итоге было решено «людей, которые тут живут, з женами и з детьми и со всеми своими животы переписать, и будет в них дурна никаково ни чаят, и их не высылать, да о том ко государю отписать, и роспись прислать. А которые приезжают всякие люди неписьменные, и тех высылать, чтоб городу каково дурно не учинилось»¹.

О том, что Терки привлекали к себе все новых и новых поселенцев, свидетельствует и горская сторона. Неприкрытая обида звучит в письме к царю Михаилу Федоровичу от шамхала Ильдара в 1633 г. Он жалуется на то, что местные воеводы обещали отдавать ему «купленных и полоненных людей, кроме русских», но на практике «у многих людей покупные и полоненные люди черкасские и нагайские и кызылбашские и грузинские и бухарские и юргенские, кроме твоих государевых русских людей, бегают на Терек и тех твои государевы воеводы мне, холопу твоему, и людем моим с Терека не выдают». О масштабах побегов говорит тот факт, что, по словам шамхала, «многие мои люди негодуют, что им ставятца убытки великие и ставятца безлюдны»². Но русское правительство считало своим моральным долгом защищать единоверцев и отвергало домогательства дагестанских феодалов. Правда, давалось обещание не препятствовать возврату некрещеных ясырей³.

Ситуация на Кавказе резко обострилась в 1634 г. Заключив мир с Польшей, турецкий султан сосредоточил свое внимание на борьбе со своим персидским соперником. Одновременно участились нападения крымцев на южнорусские рубежи. Для урегулирования сложившейся

¹ КРО. Т. I. С. 138-139.

² Русско-дагестанские отношения XVIII - первой четверти XVIII в. Документы и материалы. - Махачкала, 1957. С.102.

³ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Документы подобрал, подготовил к печати и предпослал им исследование В.Н. Гамрекели. - Тбилиси, 1968. С.23.

ситуации в Турцию был направлен посол Иван Гаврилович Коробьин, который среди прочего должен был довести до сведения султана позицию Москвы по кавказскому вопросу. Российская сторона подчеркивала, что считает кабардинцев, горских черкесов и кумыков своими подданными, которые добровольно присягнули на верность еще Ивану IV¹. Нельзя считать подобные заявления исключительно дипломатическим ходом московских посланцев. Сохранилось немало свидетельств тому, что именно к авторитету русского правительства апеллировали местные владельцы, когда приходилось разбирать конфликтные ситуации, возникающие между ними².

Для укрепления своих позиций на Кавказе в Москве принимается решение расширить свое военное присутствие в регионе. Началось с того, что в 1635 г. «кумыцкой Салтан-Магмут да сын его Айдемир-мурза» обратились с просьбой к царю Михаилу Федоровичу, чтобы тот повелел «на Сунше-реке на Османовской дороге на перевозе быть своим государевым служилым человеком, чтоб их кумыцким человеком от терских и от гребенских атаманов и казаков тою данною дорогою ездить было в Кабарду и ис Кабарды через Суншу-реку безстрашно. А оне, Салтан-Магмут и Айдемир, с своими кумыцкими людьми ныне учинились под твоею государевою высокою рукою и холопстве по-прежнему, и оманаты в Терской город тебе, государю, дали, и их бы человеком на перевозе от терских и гребенских атаманов и казаков никакой шкоты не было».

Тогда терские воеводы «призвав в съездею избу терских всяких людей и терских и гребенских атаманов и казаков, допрашивали. - На данной Османовской дороге на Сунше-реке у перевозу городок устроить и перевозу у того городка через Суншу быть мочно ли, и вперед то будет постоянно ль?» Полученный ответ обнадеживал. Было сказано, «что в том месте городок и перевоз устроить можно», а польза от этого шага будет немалой.

Безотлагательно «на Османовскую дорогу на Суншинский перевоз» послали «сына боярсково Бессонна Неелова да сотника пеших стрельцов Ивана Мордвинова, а с ними служилых людей стрельцов и плотников. А велели им, Бессону и Ивану, приехав на Суншинский перевоз, против Асмановской дороги рассмотреть мест, где поставить на перевозе городок, у чево быть караулу, чтоб обрати место крепко и блиско дороги и лесу и воды. А рассмотря место, велели поставить городок бревеной, стоячей на сваях, а по углам за башон место велели вывести отводы и поделать бои, а около городка выкопати ров и по-

¹ Смирнов Н.А. Указ. соч. С.28.

² КРО. Т.I С.154-155.

ставить надолбы, а поверх городка покрыть лохом». Охранять строителей должны были специально мобилизованные для этого терские и гребенские казаки.

С Салтан-Магмутом и Айдемир-мурзою был заключен договор о том, что «кумыцким и кабардинским людям ездить тою одною данною Османовскою дорогою на Суншинской перевоз, а иными татинными дорогами не ездить и твоих государевых непослушников в корованех не провожать. А будет, государь, их кумыцкие и кабардинские и всякие люди поедут мимо того указного перевозу и данной Османовской дороги, и твоих государевых непослушников учнут в корованех провожать, а учинитца над теми людьми на татинных дорогах от терских и гребенских атаманов и казаков какая шкота, и им того не спрашивать и об сыску тебе, государю, не бить челом».

19 августа 1635 г. прибывший в Терский город Бессон Неелов доложил, что «под городок место обыскали у Сунши-реки на османовской дороге на Шихотном острове на верхней изголовьи и городок зделали на сваях на 4 угла - в стене 9 сажень, а в 3-х потому ж, и избу в нем поставили, и около городка ров выкопали и надолбы зделали и лесу около городка почистили. А за вычисткою, государь, по острову засекли засеку и объездные татинные дороги засекли накрепко, чтоб татинными дорогами вперед мимо перевозу и данной Османовской дороги объезжать было не мочно, и твою государеву перевозную пошлину с проезжих людей имать учили. И которые де проезжие люди, кумычане и кабардинцы, при нем, Бессоне, на тот перевоз проехали, и те де люди твоей государеве милости ради, что им на том месте для проездов городок и перевоз устроен, и вперед им то надобно, что ездить им по той данной дороге будет неопасно».

После этого терские воеводы у перевозу велели быть в Суншинском городке сотником стрелецким с служилыми людьми для береженья, а с ними для пошлинного збору целовальником по переменам помесечно»¹.

Как и прежде сохранялась практика крещения горцев, в том числе и крепостных, которые, при этом, получали свободу. Это не могло не вызывать недовольства со стороны их владельцев. В этой связи показательны письма, которые в разные годы приходили на рассмотрение в правительственные инстанции. Осенью 1634 г. мурза Кельмамет Куденетович Черкасский обратился в Посольский приказ с жалобой на «Терскова города на [кон]нова стрельца... Тита Васильева. ...купил я, ...есырку жонку с сыном ее с татарчонком... стрелец Тит ту мою купленную жонку и с сыном ее... велел подговорить жонке своей татар-

¹ КРО. Т. I. С. 159-161.

ке, а та ево жонка той моей купленной есырке сестра, и подговоря, государь, ту мою ясырку и с сыном крестил»¹. В 1637 г. кабардинский мурза Муцал Сунчалеевич Черкасский писал в Терскую приказную избу, что «подговорили из слободы моей дворовых моих людишек в город, жоночку Алтынку з детьми, с сынишком да з дочеришком. И тех. государь, подговорных моих людишек пречистенской поп Михайло той моей женочке сынишка крестил, а отец был крестной Семен Огородник. А преж, государь, сево тех наших людишек в город не подговаривали, а без отпускнуой попы не крещивали». Для того, чтобы разрешить возникший конфликт, но при этом не пострадали интересы новообращенных христиан, было решено «велеть откуп дать, взяв на тех людех, хто подговорил»².

Между тем Московское царство чуть было не оказалось втянутым в войну с Османской Портой. Причиной этому послужили действия донских казаков, которые в 1637 г. убили следовавшего в Москву турецкого посла Фому Кантакузина и захватили крепость Азов, бывшую главным форпостом Турции в регионе. Занятые войной с Ираном османы не могли сразу же предпринять шаги по возвращению своей твердыни. Первое время они ограничивались вербовкой союзников среди народов Северного Кавказа³, а в 1640 г. крымский хан даже совершил поход против черкесского князя Аджикумука, очевидно, стремясь предотвратить его возможную помощь донским казакам. Эти действия привели к тому, что все попытки засевших в Азове донцов получить поддержку у черкесов оказались безрезультатными. Несмотря на это, казаки выдержали трехмесячную осаду крепости в 1641 г., заставив многократно превосходящие силы неприятеля отступить. Но дальше удерживать Азов своими силами они не могли, а русское правительство, не желая начинать войну с Турцией, отказалось принять его у них. Разрушив крепостные укрепления, казаки отступили⁴.

Уже на следующий год усиливается военный нажим турок и их союзников на Дон и Северный Кавказ. Кроме того, влиятельный ма-локабардинский князь Кельмамет Ибаков стал склоняться в сторону Крыма. Возникла угроза потери контроля даже над Малой Кабардой, где позиции России были традиционно сильными.

Посольскому приказу, терским воеводам и князьям Сунчалеевичам пришлось приложить немалые усилия, чтобы вернуть в подданство князей Казыевой (Большой) Кабарды, ушедших на Кубань. Их уход

¹ РЧО. С.117.

² КРО. Т.I. С.164.

³ Там же. С.165-168.

⁴ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.29-31.

был связан с битвой на р. Малке в 1641 г. Тогда войска Алегуко и Ходокжуко Казыевых во время очередной междоусобицы разбили объединенные силы Шолоховых, Куденетовичей и помогавшего им стрелецкого головы Артемия Шишмарева и дагестанского шамхала Айдемира¹.

Опасаясь мести Москвы, Казыевы ушли на левую сторону Кубани, где влияние Крыма могло защитить их от неприятелей. Весной 1643 г. в Терский город прибыл их лидер, Алегуко Шогенуков и вместе со своими вассалами, абазинскими и ногайскими мурзами дал шерть на верность, переселившись на следующий год поближе к этому российскому укреплению. А в августе 1643 г. присягу на верность давал западноадыгский князь Базрука, который выполнял волю своего брата, старшего темиргоевского князя Мурзабека Канмурзина.

Следующий, 1644 г. был ознаменован очередным грозным испытанием как для Терского города, так и для союзников Москвы на Северном Кавказе. На этот раз к его стенам подошли отряды калмыков, которые также принялись нападать на кабардинские селения и улусы Малых Ногаев. Но совместными усилиями русские ратники, кабардинские и ногайские воины прогнали неприятеля, заставив его бежать на Волгу².

Одновременно русскому правительству приходилось разбираться с непрекращающимися жалобами своих северокавказских вассалов друг на друга. В качестве иллюстрации может послужить челобитная Муцала Сунчалеевича Черкасского, который летом 1644 г. доносил об обидах, причиненных ему Камбулатом Пшимаховичем Черкасским. По его словам, «тот Канбулат и мать ево и сноха прислали ко мне... в домишка узденей своих Шегануку Мекеева да Соха с товарищи, и пришед ко мне в домишка, те их уздени Шеганука да Ссох с товарищи учели меня, холопа твоего, заошно и женишку мою и сестру бранить всякою позорною бранью, и из домишка моево взяли насильством братьей моих людишек и моих 5 человек, и взяв, продовали тех наших людишек в горы и в Кумыки. И ныне я, холоп твой, приехав в твою государеву отчину в Терской город, уча ево Канбулатове матерее и снохе говорить, чтоб оне тех наших людишек сыскав, мне оддали. И оне, государь, людишек наших не сыскивают и мне не оддают. И преж, государь, сего мы, холопи твои, били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, чтоб нам по своему закону за насильство имать промеж собою боранта. И по твоему государеву указу нам, холопом твоим, боранта промеж со-

¹ КРО. Т. I. С. 203-205.

² Там же. С. 242-244.

бою имать велено. И ныне я, холоп твой, на Терке у него, Канбулата, у их узденей взял за тех своих людишек баранту и держу у себя, а продать не смею без твоего государева указа»¹. Аналогичные просьбы о взимании с обидчиков баранты поступали и в дальнейшем². Разобраться в столь сложных нюансах взаимных претензий было не просто, но Москва вынуждена была считаться с подобной укоренившейся практикой.

Несмотря на подобные происшествия, российская власть стремилась создать условия для мирного и бесконфликтного развития края, поощряло торговлю, в том числе и с соседними государствами. Летом 1644 г. терский воевода М.П. Волинский обратился в Посольский приказ с просьбой выстроить в городе новый тезичий (тезики - персидские купцы. - Ю.К.) двор. В письме он писал, что «в прошлых, государь, годах был в Терском городе на посаде по конец русских рядов к острогу к Тюменке-реке стоял твой государев гостин-тезичей двор, и на том, государь дворе были устроены для житья и приезду торговых тезиков избы с сеньми и анбары и с чердаками. И терские жилецкие тезики з женами и з детьми жили на том твоём государеве гостине дворе, и которые тезики из Кизылбаш и из Гиляни приезжали на Терек со всякими товарами, и те тезики ставили на том же гостине-тезичье дворе. А в Заречных в Черкасских и в Окоцких и в Татарских слободах, кроме твоего государева гостина двора, терские жилецкие тезики не живали, и приезжие торговые тезики ни с какими товарами нигде, кроме того же гостина двора, не ставили, и твоя государева таможенная пошлина и головщина в приездах и в отъездах нигде не пропадала, и прибыль тебе, государю, в том была немалая». Но вспыхнувший пожар привел к тому, что «острог и ряды и дворы всяких людей горели, и тот твой государев гостин-тезичий двор и лавки згорели». Теперь казна несла убытки, а иноземные купцы вынуждены были останавливаться у своих кунаков. В этой связи терские воеводы просили, чтобы «гостин-тезичей двор в остроге и избы и анбары устроены против прежнего, и терские жилецкие тезики з женами и з детьми жили б на том же тезичье дворе, и приезжие б торговые тезики, приезжая с товарами своими, ставились на том же твоём государеве гостине дворе»³.

¹ КРО. Т.1. С.247.

² Там же. С.254-255 и др.

³ КРО. Т.1. С.253.

Когда на престол в 1645 г. взошел новый царь Алексей Михайлович, на верность ему присягнуло большинство кабардинских владельцев, население Терского города и ряд дагестанских владельцев¹.

Успехи России на Северном Кавказе болезненно воспринимались в Стамбуле и Бахчисарае. Крымский хан грозил кабардинцам расправой за то, что они перебрались с Кубани в Пятигорье. Убедившись, что без вооруженного вмешательства обойтись не удастся, Москва летом 1646 г. отправляет на Дон своих воинов под командованием князя Семена Пожарского. Последующие события доказали оправданность этого шага. Уже 6 июля 1646 г. разгорелось кровопролитное сражение за казачий городок Черкасск, в котором совместно с донцами и московскими ратниками действовали терские казаки, черкесы и кабардинцы во главе с Муцалом Сунчалеевичем Черкасским. Союзникам не только удалось отразить натиск неприятеля, но и, двинувшись за отходящими силами татар, нанести им 7 августа 1646 г. сокрушительное поражение². Последствием этого стал приказ турецкого султана хану Ислам-Гирею прекратить нападения на русские пределы и держаться оборонительной тактики³.

Такие примеры русско-кабардинского боевого сотрудничества все же не давали оснований приуменьшать влияние турецко-крымского фактора на некоторых влиятельных в регионе феодалов. Жившие близ турецких крепостей Темрюк и Тамань черкесы нередко привлекались османами и крымцами в свои военные походы. Западноадыгские племена упоминаются среди тех, кто осаждал в 1641 г. Азов. В 1647 г. они в составе войска азовского бея Мустафы осаждали Черкасский городок.

Когда русское правительство обратилось к князьям Большой Кабарды Алегуко Шогену и его двоюродному брату Хатохшоко Казиеву с призывом прислать тысячу ратников для совместных действий против Крыма, они ответили отказом. Это объяснялось родственными связями между ними и крымским ханом, женой которого была сестра князя Хатохшоко. В сопровождении отряда охраны она приехала в 1653 г. к брату, и татары потребовали от кабардинцев собрать для них ясак, куда помимо скота, оружия и различного имущества вошли и 130 пленяников. Москва убеждала князей отказать притязаниям крымцев, но они отвечали, что платят дань из опасения разорения своих селений степняками⁴.

¹ КРО. Т. I. С. 261-269; Моков Б. М. Указ. соч. С. 52-53.

² КРО. Т. I. С. 270, 273-276.

³ Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 269-270.

⁴ Там же. С. 270-271.

Турки пытались привлечь выходцев с Северного Кавказа и для войны с Речью Посполитой. Последняя, в свою очередь, «испытывающая потребность в высокопрофессиональных военных кадрах, стимулировала военную эмиграцию с Кавказа, особенно с территории адыгов»¹. Неоднократно сюда приезжали польские агенты, вербовавшие на службу польскому королю.

Помимо турецкого и крымского факторов ситуация на Кавказе осложнялась еще и угрозой со стороны Ирана, правитель которого добивался уничтожения русских укреплений на северо-востоке региона. Для этого активно использовались подвластные шаху дагестанские владельцы. Для противодействия им к лету 1651 г. был восстановлен Сунженский острог. Сохранилась «ропись» этого укрепления, составленная стрелецким головой Сергеем Протопоповым. В ней сообщалось, что он представляет собой «острог четверугольной об одной башне, стенам длина по 25 сажен, всего в четырех стенах по мере 100 сажен и з башнею. Под башнею ворота, мерою у башни длиннее стены 3-х сажен, а сторонние стены полу 3 сажени, вышина 4 сажен и с обламы. А для стенного очищения от приходу воинских людей зделано у того Суншинского острогу по углом 4 вывода троеугольные стоялы-мострожным лесом, и ис тех выводов зделаны исподние бои. И в тех угольных выводах и среди острожной стены от степи против дороги для верхнево бою и вдаль для стрельбы и стенного очищенья зделано на столбах рубленые бревенные обламы, вышина сажени, и в обламах мост бревенной и бойницы средние и верхние, и в приходе воинских людей ис тех обламов мочно острог очищать из ружья из лехково наряду на все стороны. А крепостей у того острогу зделано бой нижней да верхней, острогу з дву сторон выкопан ров, в ширину и в глубину по сажени, а з других з дву сторон копать было рву нельзя, пришли реки, с одну сторону река Терек, от острога 7 сажен, а з другую сторону река Сунша, от острогу 8 сажен»².

Как показали дальнейшие события эти меры были не напрасны. В ноябре того же года персы и их дагестанские союзники попытались сжечь Сунженский городок, и их отряды устремились громить кабардинские поселения в районе Терека. Усилиями терского гарнизона совместно с казаками и кабардинской конницей неприятель был остановлен и отступил³.

В 1653 г. вновь «шли кумыцкие и кизылбашские ратные люди з большим собраньем на государев Суншинской острог... И кумыцкие и

¹ Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 119.

² КРО. Т.1. С.314.

³ Там же. С.302.

кизылбашские ратные люди, пришед под государев Суншинской острог, приступали 5 ден по вся дни и ночи жестоким приступом. И божеею милостию, а государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси счастьем, на приступех кумыцких и кизылбашских ратных людей многих побили, и в те дни государев Суншинской острог от них отстояли». Однако успех омрачался тем, что «баргунские Илдар-мурза з братьею и своего владенья со всеми людьми, сидя в осаде в государеве Суншинском остроге, от кумыцких и кизылбашских ратных людей видя жестокой приступ, учили государю изменять, умысля тайным своим умыслом, переслався в кумыцкую и в кызылбашскую рать...». Переход на сторону неприятеля части гарнизона привел к тому, что сил оборонять острог больше не оставалось. Поэтому было принято решение оставить укрепление. Воеводы «с стрельцами и с казаками, забрав из государева суншинского острогу государевы пушки и зелье и свинец и колокола, вышли и приехали в Терской город со всем здорово». За все время осады российские воины «марта с 7-го числа да марта ж по 18 число, на приступех и на вылосках кумыцких и кизылбашских ратных людей человек з 200 и больше побили». За проявленное мужество при обороне острога кабардинские мурзы, стрельцы и гребенские казаки заслужили «милостивое слово» Алексея Михайловича¹.

Следует отметить, что позиция российской администрации на Кавказе в отношении шамхала еще долго оставалась настороженной и даже враждебной. Впоследствии он жаловался, что «терские воеводы нашего челобитья государю не доносят, и грабежного взятого живота моего и убекских [убеглых] холопей не отдают, дружбы не чинят, и листов наших государю не доносят»².

Но не только военные реалии определяли особенности жизни на северокавказском пограничье России. Как видно из отписки астраханского воеводы И.П. Пронского, датируемой весной 1653 г., еще в августе 1652 г. терские воеводы «по государеву указу на Терке в приказной избе про виноградное кустье всяких чинов людей допрашивали: в скольких верстах от Терка виноградные кустья растут, и то виноградное кустье, выкопывая из земли, на Терк привезти и розвести в садах мочно ли, или с тех виноградных кустов ягоды на Терк привозить?» Собранные данные показали, что виноградные промыслы были уже хорошо знакомы местным казакам, но изготавливаемое вино высоким качеством не обладало. И тогда решено было «в Астрахани вы-

¹ КРО. Т. I. С. 304-306, 311-312, 318-319.

² Цит. по: Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI - конец XVIII в. - Нальчик, 1996. С. 283.

брать из русских людей одного или двух человек, которые русские люди были питейного дела у мастеров у немец для ученья и работы и которым бы питейное дело было за обычаем, и прислать... на Терек, и велеть им из терского винограду сделать виноградного питья, на опыт, сколько доведется, примеряясь к астраханскому питейному делу»¹.

На Терекке искали специалистов и для занятия шелководством. Если возникала необходимость, их выкупали из числа пленных, как это было с грузином Томадом, приобретенным вместе с женой у окочанина Чурыха².

Активно привлекался военный потенциал северокавказских вассалов и в ходе войны с Польшей 1654-1667 гг., которая разразилась после воссоединения Украины с Россией. Небезосновательно опасаясь угрозы военного союза Речи Посполитой и Крыма, царское командование предусмотрительно начало готовить поход против последнего. В 1665 г. князь Каспулат Муцалович Черкасский совершил успешный поход на крымчаков. В нем помимо русских ратников и людей самого князя приняли участие калмыки, с которыми Черкасский по поручению московского правительства провел успешные переговоры³.

Делая ставку на Кабарду, Москва одновременно должна была воздерживаться от чрезмерного покровительства тем горским народам, которые находились в зависимости от кабардинских владельцев. Показательный разговор состоялся между русскими послами Толочановым и Иевлевым, которые в 1650 г. по пути в Кахетию встретились с осетинскими феодалами Смаилом и Чибиркой. Последние предлагали платить дань московскому государю, а не кабардинским князьям, если он решит основать крепость «близ гор». Но пойти навстречу таким просьбам в сложившихся политических реалиях Москва в тот момент не могла.

Пророссийская ориентация укреплялась и среди вайнахских обществ, которые все активнее начинали переселяться на равнинные земли. Начало XVII столетия стало временем установления контактов российской администрации с «чеченской метрополией». В этот период «в русско-кавказских отношениях создавалась специальная служба, состоявшая из чеченцев, которой принадлежала немалая роль в организации этих отношений»⁴. В русских письменных источниках упоминаются шибутьяне и окочане, раньше остальных сумевшие закре-

¹ КРО. С.317-318.

² РЧО. С.176.

³ Моков Б.М. Указ. соч. С.54-55.

⁴ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. - М., 2004. С.68.

питься на плоскости. В 1627 и 1658 гг. ряд горских обществ Аргунского ущелья дали присягу на подданство и выдали аманатов¹.

И здесь Москве вновь приходилось выбирать, кто из новых союзников более отвечал ее интересам в крае, отдав предпочтение кабардинским феодалам, стремящимся распространить свою власть на соседние горские племена и объективно препятствующим освоению ими плоскостных земель². Сказывался и тот факт, что царское правительство не всегда могло получить от вайнахов надежного гаранта их верности. Если у кабардинцев брались аманаты из числа знати, то, как писал терский воевода в отношении чеченского общества мичкизов, «а оманата, государь, у них мичкизен взяти не у ково, потому что у них в Мичкизской земле владельцев нет - живет всяк сам собою»³. Вновь, как и прежде, в 1661 г., кабардинец Касбулат Муцалович Черкасский за верную службу был жалован властью над жителями Терского городка, среди которых были и вайнахи-окочане⁴.

Тогда же Касбулат Муцалович получил приказ «Терской город со всяким городовым строением перенести на новое место на Копань». В строительстве укреплений приняли участие московские «горододельцы», которых возглавил английский полковник Т.Бейлис. Переселение было завершено к 1669 г. и на новое место перебралось около 1000 дворов кабардинцев, окочан и тезиков, а также 500 казаков и 500 русских служилых людей⁵.

К началу последнего десятилетия XVII века, несмотря на перенесенный пожар, Терки попрежнему будут мощнейшей по местным меркам крепостью, являвшейся не только военно-административным, но и культурно-экономическим форпостом России в регионе. Как свидетельствовал росписной список за 1689 г.: «Кремль город сосновой, забран в столбы в вышину в десять бревен, проезжие ворота, а в проезжих и в малых воротех башни рублены о трех стенах, да четыре башни наугольных о трех стенах, в вышину в 10 венцов, без верхов, на городе рогатки. Да в земляном городе в Богоротских воротех до обломов башня с вороты о четырех стенах, да в Никольских воротех малые вороты, забрав острогом сделаны малые вороты»⁶.

¹ Русско-чеченские отношения. С.111-113, 184-185; Вехи единства. - Грозный, 1982. С.28.

² Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (черты взаимной истории XVI - середины XVIII в.) / Под ред. Н.Н. Великой. - Армавир-Майкоп, 2003. С.79.

³ ДИОМГР. С.232.

⁴ КРО. Т.I. С.327.

⁵ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII - первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. - Махачкала, 2007. С.43, 328, 421.

⁶ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.34.

Внушительно выглядело и вооружение гарнизона, насчитывавшее десятки пушек и значительное число ручного огнестрельного оружия и боеприпасов¹.

В 1662 г. были достигнуты новые успехи, усилившие позиции Москвы в крае. Летом в Астрахань прибыла представительная делегация князей Большой Кабарды, которая подтвердила стремление остаться «холопями» великого государя. Через кабардинских князей удалось привлечь к сотрудничеству и часть Малой Ногайской Орды.

Помимо военно-политического сотрудничества, Москва была заинтересована в привлечении местных ремесленников-оружейников для изготовления своих заказов. Остро нуждаясь в такого рода специалистах, российское правительство привлекало «самых добрых мастеров» как непосредственно для изготовления оружия и брони, так и для обучения этому других ремесленников².

Летом 1667 г. в Турцию было направлено посольство во главе с Афанасием Нестеровым и дьяком Иваном Вахрамеевым. Среди прочих вопросов оно должно было решить и проблему подданства ряда народов Северного Кавказа. Отстаивая интересы Московского царства, русские послы по этому поводу недвусмысленно заявили, что «кабардинские и горские черкесы и кумыцкие князья издавна служили великим государям, царям российским и ныне е.ц.в. служат. Многие горские земли служат великому государю своей волею и бьют челом е.ц.в., чтоб их государь пожаловал, велел держать под своею царскою высокою рукою в своей государской милости и от недругов их, и от калмыков, и от ногайских людей в обороне и защищенье»³.

Но на практике обеспечить такую защиту удавалось далеко не всегда. Всего за столетие историками было зафиксировано четырнадцать крупных вторжений крымцев и их союзников на территорию Северного Кавказа⁴. Об одном из таких погромных нашествий писал Шора Ногмов, сообщая, что после ожесточенного сражения «много кабардинцев пало, а остальные покорились. Хан принуждал их принять магометанскую веру, умертвил древних шогенов, палки их разбросал, а книги истребил огнем... Войско свое хан расположил по квартирам, в каждый дом по четыре человека, велел кормить и поить их лошадей, в каждом ауле поставил по одному мулле для обучения народа исламу и взял несколько княжеских детей к себе в аманаты. Сверх того для утверждения своей власти он наложил подать по одной

¹ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.377-379.

² Там же. С.322-325.

³ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.34.

⁴ Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С.221-222.

душе с каждого аула, что в год составляло 120 человек»¹. О том, как татары обходились с подвластными народами, наглядно демонстрирует одно из преданий, посвященное жизни известного кабардинского общественно-политического деятеля Жабаги Казаного: «Крымские войска наводняли Кабарду, а сам хан восседал на вершине Кызбуруна. Князьям приходилось являться к нему с повинной, отправился и Хатокшоков. В тот момент, когда он стоял на коленях с опущенной головой, хан посасывал свой неразлучный кальян. Вдруг он вынул кальян изо рта и опрокинул горячую табачную золу на бритую голову князя.

- Пойди домой, - добавил хан, - и приведи ко мне свою жену. Говорят, она красавица...

В таком духе и бесчинствовали крымцы, и, казалось, не будет конца их злодеяниям»².

Когда в 1671 г. крымский хан вторгся в Кабарду, местные жители не имея возможности в открытом бою изгнать неприятеля, вынуждены были искать спасения в горах, оставив равнины на восемь месяцев в руках врага³.

Тем временем отношения России и Оттоманской Порты все более обострялись. Разгромив в 1672 г. Польшу, турки начинают выдвигать претензии на земли Украины. В Москве осознавали, что война может начаться в любой момент, и решили перехватить инициативу, нанеся удар по вассалу султана - Крымскому ханству. Для этого были мобилизованы силы калмыцкого хана Аюки и кабардинского князя Муцала Черкасского, которые должны были действовать совместно с донским атаманом Корнилой Яковлевым⁴.

Поход начался летом 1674 г. На подступах к Азову был разбит полуторатысячный турецкий отряд, но дальнейшее продвижение было остановлено. Воспользовавшись отсутствием Касбулата, крымские татары неожиданно нанесли удар по его владениям и заставили князя поспешить на защиту собственных земель. Но уже в августе следующего года Касбулат вновь ведет войско к Перекопу и, прорвавшись в Крым, громит неприятельские улусы.

В ходе начавшейся осmano-российской войны 1676-1681 гг. выходцы с Северного Кавказа в составе московской рати участвовали в боях под Чигирином, у Харькова, Чугуева, осуществляли охрану через

¹ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. / Вступительная статья и подготовка текста проф. Т.Х. Кумыкова. - Нальчик, 1982. С.125.

² Предания о Жабаги. / Сост., подг. текст., вступ. ст. А. Шортанова; Пер. с каб. М. Сокурова. - Нальчик, 1985. С.65.

³ Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С.271.

⁴ КРО. Т.1. С.337-338.

Днепр у Киева. Тогда за заслуги перед российским престолом и доблесть, проявленную в сражениях, князь Касбулат Муцалович Черкасский даже получил от царя Алексея Михайловича право собирать таможенную пошлину, взимаемую на Тереке¹. Проявил себя князь и на дипломатическом поприще, став посредником на переговорах с крымским ханом и турецким султаном и внеся свою лепту в заключение Бахчисарайского мира.

Но и после этого договора отношения России с Турцией и ее крымским вассалом оставались отнюдь не безоблачными. Набеги на русские пограничные земли не прекращались. Участие в них принимали и отряды «горских черкас» совместно с ногайцами и азовцами, находящимися под влиянием Крыма². Русские воеводы в Терках неоднократно получали предписания не терять бдительности и проявлять «великое бережение» на случай нападения неприятелей.

Неудивительно, что Россия вскоре вновь вступает в антитурецкую коалицию европейских государств и отказывается от бахчисарайских договоренностей. Армия под командованием В.Д. Голицына весной 1687 г. двинулась в Крым, при этом попытки хана привлечь на свою сторону дагестанского шамхала и кабардинских князей оказались безрезультатными. Но неудача князя сильно ударила по авторитету русской власти на Северном Кавказе. Во время второго похода В.Д. Голицына 1689 г. в армии Селим-Гирея уже находился многочисленный отряд, состоящий из кумыков, черкесов и ногайцев, в то время как в рядах русского войска было чуть больше двухсот выходцев с Терека³.

Лишь со взятием Петром I крепости Азов в 1696 г. ситуация на Кавказе претерпевает серьезное изменение. Открывались новые перспективы в укреплении российско-северокавказского единства.

¹ ДИОМГР. С.31.

² Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С.273-274.

³ Гарунова Н.Н. Указ. соч. С.45, 274.

ОЧЕРК III. СПЕЦИФИКА РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ – СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

В начале XVIII в. над народами Северного Кавказа по-прежнему нависала угроза иноземного нашествия и поглощения. Начавшийся в конце XVII в. «период отступления» Османской империи не исключал того, что она оставалась одним из сильнейших военно-феодальных государств, и неудачи в европейской экспансии османские власти стремились компенсировать завоеваниями на Востоке, и, в частности, на Кавказе¹.

Вместе с тем, условия Карловицкого конгресса в 1698-1699 гг. де-факто закрепляли прорыв России в Северо-Восточном Причерноморье после овладения Азовом. Данный фактор не мог в перспективе не отразиться на возможностях и России, и Османской Порты в противоборстве за Кавказ. Завоевание Россией Азова разъединило территорию Крымского ханства – основного проводника османской политики в регионе, изолировав Кубанскую Орду и Западную Черкесию от остальных причерноморских владений ханства. В тексте Карловицкого перемирия содержались и те взаимные гарантии сторон по сохранению стабильности в приграничных областях, которые способствовали большей безопасности южных районов России от крымских набегов.² Впервые Порта гарантировала прекращение враждебных действий крымских татар против соседних государств, что привело к осложнению крымско-османских вассально-союзнических отношений и переориентации набеговой системы ханства от походов против России и Речи Посполитой к вторжениям в периферийные области своих же владений в Приазовье и на Северном Кавказе.

Карловицкое перемирие стало основой для заключения 3 июля 1700 г. Константинопольского трактата между Россией и Османской империей, в котором Порта на международном уровне признала переход Азова под юрисдикцию России. Предусмотренные в трактате «барьерные территории» между российскими, крымскими, и собст-

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. С.407. (В дальнейшем ИНСК)

² ПСЗРИ. Т. III (1689-1699) №1660. - Спб, 1830. С.528.

венно турецкими владениями в Западном Приазовье¹ также, как представляется, не отражали стратегические интересы Турции и Крыма. Следовательно, несмотря на декларативную длительность Константинопольских договоренностей, для османских властей пересмотр их был весьма желанной целью ближайшего времени.

Приведенный внешнеполитический контекст позволяет утверждать, что степень активности России на северном Кавказе в начале XVIII в. определялась не только очевидным фактором Северной войны, но и соответствующими соглашениями с Османской империей.

Между тем, уже в 1703 г. османы завершили строительство крепости Еникале, укрепили Керчь, усилили свои позиции на Северо-Западном Кавказе. Султан Ахмед III потребовал, чтобы Россия срыла крепость Каменный Затон, уничтожила корабли в Азове, прекратила строительство кораблей на Воронежских верфях, отказалась от «барьерных» зон и согласилась на строительство турецкой крепости выше Очакова. Порты добивалась признания своей полной монополии на судоходство в Черном море². И чтобы привлечь на свою сторону народы Кавказа, османы направили в Ширван, Дагестан, Кабарду, Черкесию и другие места своих эмиссаров.

Вместе с тем, в то же время российская и османская сторона в 1704 г. согласовали вопрос о разграничении владений между Азовом и Кубанскими владениями Порты и Крыма, определив пограничную черту по реке Ея³.

Но при внешнем стремлении к миру между Россией и Портой, ситуация и на Северном Кавказе, и в Северо-Восточном Причерноморье оставалась в первые годы XVIII в. весьма напряженной.

В 1707 г. крымско-османское войско вторглось в Кабарду, предъявив владетелям Кабарды ультиматум, предусматривавший не только изъявления покорности, но и выдачи трех тысяч юношей и девушек в качестве дани. Так как кабардинцы заняли «крепкие места» в горах, крымцы потерпели сокрушительное поражение. В связи с этим турецкий султан сместил Каплан-Гирея, а ханом Крыма утвердил Давлет-Гирея. Известно, что последний вступил в контакт с гетманом Украины Мазепой и одновременно разослал на Северный Кавказ эмиссаров с целью поднять антироссийское выступление горцев. Продолжались и ранее не типичные непрерывные набеги крымцев на Северный Кавказ.

¹ ПСЗРИ. Т.IV (1700-1712) №1804. С.68

² РГАДА. Ф. Турецкие дела. 1704 Д.9 Л.3.

³ ПСЗРИ. Т.IV (1700-1712) №2322. С.634

Естественно, что в данных условиях народы Северного Кавказа не могли самостоятельно отвратить агрессию крымцев и османов. Отсюда проистекало желание ряда владетелей региона «себя и подданных своих из-под ига султана ... и от налог и разорения хана крымского освободить» посредством принятия российского подданства¹.

Российское правительство, нуждаясь, кроме прочего, в обеспечении безопасности южных границ государства, было заинтересовано в привлечении народов Северного Кавказа на свою сторону, тем более, что опыт XVI – XVII вв. давал позитивные примеры подобного взаимодействия. Однако, начавшееся в XVI в. соперничество за Кавказ прошло через весь XVII век и перекочевало в XVIII, что конечно предполагало значительную разницу во взглядах России, а с другой стороны, Порты и Крыма на особенности статуса северокавказских народов. А это, в совокупности с конкретными перипетиями российско-османских дипломатических взаимоотношений первого десятилетия XVIII века предопределяло известную осторожность русского правительства.

И вновь, возможности российской стороны на Северном Кавказе необходимо анализировать неразрывно с нюансами ситуации в Северо-Восточном Причерноморье, где, кроме прочего был не исключен вариант внешнеполитической переориентации калмыцкой верхушки с России на Порту и Крым².

Добавляла остроты в непростые политические расклады и необъявленная «степная война», которую в Приазовье и Причерноморье постоянно вели между собой донцы и калмыки с одной стороны и крымско-ногайские подданные Порты с другой, что грозило обострением осmano-российских отношений³.

Так или иначе, степень вовлеченности калмыков в российскую политику периода ее войны с Портой 1710-1713 гг. зависела от статей «подданнического» договора 1710 г, которые регулировали в новой обстановке некоторые миграционные и военные вопросы⁴.

Следует признать, что все более прогнозируемая война с Османской империей объективно способствовала большей определенности позиции России в отношении северокавказских народов. Так, в феврале 1709 г. Петр I предписал азовскому губернатору И.А. Толстому вы-

¹ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. - М., 1957. Т.2. С.4,5. (В дальнейшем КРО)

² Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII в./ Дис. ... канд.ист.наук. - М.,2005. С.28-29.

³ Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. - М.1941. Т.10. С.264.

⁴ ПСЗРИ. Т.IV (1700-1712) №2291. С.548.

яснить позицию кабардинских князей на предмет совместных действий против турок¹.

...В некоторых новейших кавказоведческих изданиях характер взаимоотношений России и кабардинских князей в данное время (как, впрочем, и в XVI – XVII вв.) преподносится, как «союз, выгодный не только для России, но и для Кабарды»². Действительно, взаимовыгодность отношений сторон во внешнеполитическом контексте трудно переоценить. Однако наличествующие попытки представить российско-кабардинские отношения военно-политическим союзом между двумя странами³, не выдерживают критики по целому ряду позиций. Во-первых, данная конструкция исходит из презумпции о наличии в Кабарде государственности в XVI – XVIII вв., что само по себе не лишено априорности (любопытно, что схожая тенденция «поисков и находок» государственности у ряда этнических сообществ региона в целом характерна для некоторых современных кавказоведов). Во-вторых, не следует забывать, что в документах XVI – XVII вв., речь шла о подданстве кабардинских владетелей по отношению к российским царям. Конечно, в подобном «подданстве» было не так уж много общего с системой взаимодействия власти и населения внутри самого российского государства. Однако, если оценивать взаимоотношения России и Кабарды, как вассально-союзнические (где кабардинские князья, естественно, являлись вассалами), это все равно заметно отличается от некоего «военно-политического союза», который предполагает равноправность и равновеликость договаривающихся сторон.

Общеизвестно, что специфика российско-кабардинского взаимодействия на протяжении XVII в. обуславливалась комплексом внешнеполитических и сугубо внутривнутрирегиональных факторов. Кабарда фактически оспаривалась как зона политического влияния и воздействия между Крымом и Турцией с одной стороны, и Россией с другой. Сам факт данного соперничества не может свидетельствовать в пользу «военно-политического союза» России и Кабарды, так как проступает «объектность» последней в рамках соперничества за Северный Кавказ России и Османской империи.

Обстоятельства российско-кабардинских контактов в 1711 г. подтверждают специфический характер подчиненности сторон взаимодействия. Грамота Петра I от 4 марта 1711 г. гласила о том, что принимает Кабарду «к себе в подданство и оборону». В этом же докумен-

¹ РГАДА. Ф.9 Отд. II., кн.14., Л.164 и об.

² История многовекового содружества. К 450-летию союза и единению народов Кабардино-Балкарии с Россией.- Нальчик, 2007. С.137-138.

³ Там же. С.47-91,113-139.

те подчеркивалось в отношении кабардинцев: «ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалование определим»¹. В данном контексте весьма спорно говорить о том, что «русское правительство обязывалось выплачивать кабардинским князьям ежегодное жалование» в обмен на их участие в борьбе против Крымского ханства и Османской империи².

Так или иначе, миссия в Кабарду Александра Бековича-Черкасского и присяга кабардинцев на верность Петру I нейтрализовали влияние Порты в Кабарде.

Летом-осенью 1711 г. кабардинские князья со своими ополчениями приняли деятельное участие в кубанском походе Ф.М. Апраксина, действуя на крымском направлении³.

Неудача Петра I в Прутском походе 1711 г. обусловила возвращение туркам Азова и невозможности для России иметь флот в Азовском море. Естественно, что османские власти стремились использовать данные удачные для себя обстоятельства для усиления своего влияния на Кавказе в целом. Порта потребовала от народов Северного Кавказа подчиниться власти султана. Турецкие эмиссары отправлялись к ряду кумыкских владетелей с расчетом склонить феодалов Дагестана к подчинению воле крымского хана⁴. Одновременно Османская империя вела подготовку к вторжению на Кавказ, османские войска собирались захватить Азербайджан и Грузию. Шахский Иран как одна из сторон противоборства за Кавказ, в тот момент был не в состоянии противостоять османам, раздираемый внутренними противоречиями и междоусобицами. К тому же в Ширване и Дагестане вспыхнуло антишахское восстание, возглавляемое Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом Казикумухским. В 1711-1712 гг. повстанцы заняли ряд населенных пунктов в Северном Азербайджане. Восстания против шахского владычества в этот период происходили в Грузии и Армении⁵.

Между тем, позиции Прутского договора 1711 г. фактически выполнялись не в полном объеме и Россией, и Турцией, что обуславливало возможность скорого возобновления войны между ними. В этих условиях Россия осуществила меры по укреплению своих юго-восточных границ. В 1711-1712 генерал Ф.М. Апраксин переселил на правый берег Терека гребенских казаков, которые построили здесь

¹ РГАДА. Ф.115. Д.1. Л.1-1об.

² История многовекового содружества... - С.118.

³ КРО. С.9; ИНСК. Т.1. - С.408.

⁴ КРО. С.11.

⁵ ИНСК. Т.1. С.409.

станции Червленную, Шадринскую, Новогладковскую и Старогладковскую.

Предпринимались усилия по привлечению на российскую сторону влиятельного дагестанского феодала тарковского шамхала Адиль-Гирея. Его посланцам разрешалось приобретать в российских пределах необходимое вооружение и боеприпасы, ставился даже вопрос о возможности «построить фортецу» в его владениях и прислать к шамхалу российских солдат¹.

В ходе своей миссии на Северном Кавказе А. Бекович-Черкасский, анализируя степень османского влияния на народы региона, приходит к выводу о том, что привести народы Северо-Восточного Кавказа в подданство России не будет никакой трудности, так как с давних времен шамхалы и другие владетели Дагестана находились в подданстве России «и детей своих в аманаты давали». Кроме того, необходимость присоединения Северо-Восточного Кавказа к России А. Бекович-Черкасский видел в том, что «много обретается разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы прибыток немалый быть государству Российскому»².

Однако представляется, что данные утверждения сподвижника Петра I были отмечены излишним оптимизмом. Они не учитывали того, что неудачи османских эмиссаров и зыбкость позиций Ирана в Дагестане не означали автоматически однозначно благоприятные перспективы приведения народов Северо-Восточного Кавказа в российское подданство. Это можно обосновать и довольно традиционной практикой лавирования ряда местных владетелей между Россией, Турцией и Ираном, и чрезвычайно сложной обстановкой в самом Дагестане, ведь российским властям и в более поздний период было весьма трудно брать на себя функции арбитра в междоусобицах здешних феодалов, логично приводивших к поиску отнюдь не только российского покровительства.

В 1712 г. вместе с А. Бековичем-Черкасским в Москву прибыло кабардинское посольство, принятое Петром I с почестями. Царь передал кабардинскому народу грамоту, в которой отмечал его храбрость и преданность престолу. В то же время астраханский губернатор А. Волинский получил указание помогать кабардинцам в случае угрозы со стороны османов и крымцев (о чем неоднократно просили российскую сторону сами владельцы)³.

¹ Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. - Махачкала, 1958. С.27, 28. (В дальнейшем РДО).

² РГАДА. Ф.9 Отд. II., кн.54., Л.641.

³ РГАДА. Ф.115. Д.1. Л.1-3; Д.2. Л.36-43об.

Действия кабардинских владельцев, направленные на освобождение от осmano-крымской зависимости, вызвали уже в 1713 г. негативную реакцию в султанском правительстве. Кабардинцев обвинили в измене единоверцам и под угрозой разорения предложили принести повинную за Кубанский поход. Однако, от похода на Кабарду турки и крымцы воздержались, действуя через своих эмиссаров, которые угрозами и обещаниями пытались повлиять на кабардинских владетелей¹. Думается, что известная осторожность Порты и Крыма объяснялась здесь не только печальным для них опытом похода 1707-1708 гг., но и фактором российской поддержки Кабарды.

В 1718 г. в Петербург от владельцев Большой Кабарды прибыло новое посольство. Кабардинцы хотели добиться гарантий договора 1711 г. и выплаты жалования. Однако внешнеполитический контекст не позволял России высказываться в отношении статуса Кабарды столь определенно, как в 1711 г., когда война с османами была реальностью и терять в этом смысле было нечего. На тот момент активность на южных границах не входила в планы российского правительства, стремившегося завершить Северную войну. Предложенный кабардинской стороной вариант организации совместного похода на Кубань тем более не соответствовал интересам России, так как неизбежно спровоцировал бы новую войну с Турцией и Крымом. Зато само подобное стремление со стороны кабардинских владетелей может свидетельствовать о том, что удачные действия против крымцев 1708 и 1711 годах стимулировали элементы уже наступательной активности кабардинцев в отношении кубанской части Крымского ханства. А в этом может просматриваться уже не мотив самообороны, а стремление кабардинских феодалов к военной добыче, что в принципе соответствовало их традиционному жизненному укладу.

С конца 1718 года обостряется внутривосточная обстановка в Кабарде. В данных условиях кумыкские владельцы стремились завладеть кабардинскими зонами контроля в низовьях Терека. Они, в частности, обращались к Петру I и с просьбой о передаче им права на княжение над нерусским населением в Терском городе. Однако, делая ставку в регионе на Бековичей, Петр I не давал согласия на претензии шамхала тарковского².

Между тем, в 1717 г. шамхал Адил-Гирей уверял Петра I в своей верности в служении российскому престолу. Подобное же обращение шамхала последовало и в 1719 г., причем в этот раз «русской службы» искали уцмий Кайтага, эндереевский, аксаевский и некото-

¹ История многовекового содружества... С.119.

² Там же. С.120.

рые другие владельцы Дагестана¹. Следует признать, что Россия была объективно заинтересована в усилении соответствующей политической ориентации дагестанских владельцев. И, таким образом, российские власти постепенно становились своеобразным арбитром между различными северокавказскими народами, феодальными владельцами. Сложность обстановки в регионе предопределила и сложности для российской стороны в данном качестве.

В 1719 г. Петр I вновь подтверждает готовность защищать Кабарду от возможного нападения крымцев, делая соответствующие распоряжения казанскому губернатору П. С. Салтыкову².

В начале XVIII века и на российские, и на кабардинские поселения совершались набеги со стороны некоторых чеченских обществ, что обусловило в 1720 г. совместный поход в Чечню кабардинцев под руководством Асланбека Кайтукина и донских казаков атамана И. Краснощекова³.

В 1715-1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование Восточного Кавказа производил А.П. Волынский, который, заключая, что «малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно», разделял, как представляется, подобный же оптимизм, присущий чуть раньше А. Бековичу-Черкасскому. В то же время подмеченная им перспектива опоры в регионе на шамхалов тарковских была не лишена оснований.

Все же следует признать, что на заключительном этапе Северной войны российское правительство было не в состоянии действовать на Северном Кавказе столь же решительно, как в период предшествующего столкновения с Османской империей в 1710-1713 гг., и к тому были вполне понятны резоны. В данном контексте и с учетом вскоре последовавшей активизации России в регионе такое положение вещей вряд ли правомочно оценивать как ослабление позиций России⁴. Скорее можно говорить о специфичной динамике российской политики на Северном Кавказе, с присущей ей внешнеполитической и внутрирегиональной обусловленностью. Причем представляется, что внутрирегиональные нюансы местами оказывали существенное влияние на вектор внешнеполитической ориентации местных социальных элит.

Так, известно, что к концу второго десятилетия XVIII века внутриполитическая ситуация в Кабарде резко обострилась вследствие поляризации сил и появления двух соперничавших княжеских группиро-

¹ ИНСК. Т.1. С.410

² КРО. Т.2. С.22.

³ История многовекового содружества... С.120

⁴ Там же.

вок. Основным содержанием междоусобицы между членами княжеских фамилий Большой Кабарды стала борьба за земельные владения, главным образом по реке Баксану. В ходе столкновений на этой почве Асланбек Кайтукин из Джамбулатовой фамилии убил Пшиапшоко Казиева из Мисостовой фамилии. Пользуясь этим, князья Мисостовой фамилии вытеснили всех князей Джамбулатовых с земель по р. Баксан на земли р. Черек, в район горы Кашкатау («Кашкатав»).

В результате образовалось два враждующих лагеря и собственно две политические группировки. В одной оказались Мисостовы и Атажукины под предводительством Атажуко Мисостова, в другой – Джамбулатовы во главе с Татарханом Джамбулатовым. То есть образовались соответственно баксанская и кашкатавская «партии». Некоторые князья занимали в противоборстве нейтральную позицию, наблюдались также случаи перехода из одной «партии» в другую¹.

Военный потенциал противоборствующих группировок оказался в целом равным. В этих условиях Мисостовы и Атажукины решили привлечь к участию во внутрикабардинской междоусобице крымцев, то есть ликвидировать руками последних своих противников². Следовательно, крымско-османский поход на Кабарду в 1720 г. надо оценивать не как следствие какого-либо ослабления России в регионе и невозможности оказать помощь кабардинцам, а как результат кабардинских же междоусобиц, в ходе которых представители баксанской «партии» сделали ставку на Крымское ханство. Вместе с тем, Бекмурзины и Кайтукины придерживались российской ориентации довольно традиционно.

Военное сопротивление кашкатавской «партии» вызвало негодование крымцев, которые теперь пожелали подчинить себе всю Кабарду силовыми методами. В начале июня 1720 года крымский хан Саадет-Гирей III потребовал от кабардинской знати признать подданство Порты, переселиться на Кубань, возместить убытки от неудачного похода 1707-1708 гг., выплатив «4000 ясырей, да сверх того, как войско ханское побили, и взяли добыч коней и ружья, и панцирей, и прочего»³.

Подобные требования Крыма не входили в планы Мисостовых и Атажукиных. Однако баксанцам пришлось выразить готовность частично удовлетворить притязания крымцев, при условии, если их войско не перейдет Кубань.

¹ История многовекового содружества... С.120-121.

² АВПРИ. Ф.115. Кабардинские дела. Оп.1. 1720 г., Д.1., Л.95,96.

³ Там же. С.95.

В то же время кашкатавцы готовились к отражению нападения. Кроме того, они направили в Посольский приказ письмо с просьбой о помощи¹. А накануне, в ответ на требования карымцев, они заявили, что «исстари, как деды их и отцы, так и они служат его царскому величеству и у его величества прибывают всегда в верности»². Асланбеку Кайтукину удалось также заключить союз с шамхалом Тарковским и калмыкским ханом Аюкой, о чем он уведомил крымского коменданта В.И. Заозерского³.

Показательно, что в попытках овладеть оплотом кашкатавцев – Черкесским городком участвовало не только крымско-турецкое войско, но и ополчение баксанцев, лидеры которых клялись, что будут сражаться с крымцами «пока живота их не станет», если те перейдут через Кубань...

Междоусобица баксанской и кашкатавской группировок продолжалась до 1721 г. Причем Мисостовы и Атажукины весной 1721 г. вновь призвали в Кабарду войска крымского хана.

Российские власти в данных обстоятельствах не могли оставаться безучастными к нуждам кашкатавцев. Еще в конце 1720 г. в указе Коллегии иностранных дел А.П. Волынскому давалось распоряжение оказать военную помощь сторонникам Кайтукиных, однако так, чтобы «не подать туркам причины к нарушению между его царским величеством и Портою Оттоманскою мирных трактатов»⁴, то есть без совершения экспедиций в собственно крымские владения.

В апреле 1721 г. лидеры кашкатавской партии вновь обращались к России с просьбой о помощи в отражении нападения крымского хана, а также о постройке для защиты Кабарды крепости⁵.

В конце 1721 г. с дипломатической миссией на Северный Кавказ прибыл А.П. Волынский, и его деятельность, в частности включала в себя попытки примирения противоборствующих кабардинских группировок. В результате этой миссии кабардинская знать, ранее выступавшая в союзе с Крымом, вновь подтвердила свою верность России присягой. В знак верности кабардинский верховный князь Исламбек обязался отдать сына своего и племянника в аманаты⁶. Вместе с тем, А.П. Волынский подчеркивал, что перемирие между двумя враждующими группировками в Кабарде не будет долговечным. И, действительно, к изначальному мотиву борьбы за земли теперь присовоку-

¹ КРО. С.25

² Цит. по: ИНСК. Т.1. С.410.

³ РГАДА. Ф.115. кн.93. Л.224.

⁴ АВПРИ. Ф.115. 1720-1721 г., Д.5., ЛЛ.135-136.

⁵ КРО. С.32-33.

⁶ КРО. С.34-35.

пился фактор избрания верховным князем того же Исламбека Мисостова, без учета интересов и прав Джамбулатовой фамилии.

Вряд ли можно согласиться с точкой зрения, что успех миссии А.П. Волинского «подтвердил действенность и жизнеспособность русско-кабардинского военно-политического союза»¹. Ведь противостояние группировок продолжалось, и четкая ориентация кашкатавцев на Россию предполагала на перспективу поиски баксанцами других покровителей. Отсутствие в Кабарде политического единства стало долговременным фактором, и показательно, что верховные князья были не в состоянии прекратить столкновения, хотя бы уже потому, что сами прямо или косвенно участвовали в междоусобице.

Кстати, факт отдачи Исламбеком Мисостовым сына и племянника в аманаты тоже ставит знак вопроса под концепцией равноправного военно-политического союза России и Кабарды, ведь аманатов российские власти никогда не брали у равноправных и суверенных союзников. К тому же родственники русских царей в аманатах у кабардинских князей никогда не держались.

События в Кабарде 1720-1721 гг. показывают, что внутренний раскол в местных социальных верхах предшествовал поляризации внешнеполитической ориентации противоборствовавших группировок. Следовательно, именно междоусобица предопределила вектор притяжения баксанской партии. Примеры, подобные данному, не единичны в столкновениях северокавказских владетелей на протяжении XVIII века. Однако, опора участников усобиц на разных покровителей как правило не предполагала их существования в рамках единого этнополитического образования. Так или иначе, раскол в кабардинских социальных верхах ставит под вопрос наличие военно-политического союза между Кабардой и Россией. Другое дело, что вовлечение в усобицы внешних сторон нелишний раз доказывает то, что статус Кабарды оспаривался между Турцией и Крымом с одной стороны и Россией с другой. Сама Кабарда представлялась здесь, как объект оспаривания, а не субъект действовавших военно-политических союзов. С «внутренней» же точки зрения характер и специфика междоусобиц кабардинских князей, в совокупности с явным разделением Кабарды на Большую и Малую – не лучшие свидетельства существования в Кабарде государства как такового.

Нюансы позиции российского правительства в отношении событий 1720-1721 гг. в Кабарде и вокруг нее необходимо анализировать в контексте заключенного в ноябре 1720 г. в Константинополе (Стамбуле) «Трактата вечного мира» между Россией и Османской империей.

¹ История многовекового содружества... С.123.

По своей сути и содержанию он повторял основные положения Адрианопольского мира 1713 г. Вполне логично предположить, что по заключению данного трактата Россия не стремилась обострить отношения с Портой, то же можно сказать и об османских властях. Тем не менее, довольно скоро проступит несостоятельность «вечного» мира 1720 г., представлявшего собой скорее рамочное соглашение о намерении России и Порты сохранять статус-кво в зонах соприкосновения своих интересов в Северо-Восточном Причерноморье. Она проявилась на уровне непосредственной реализации заявленных обеими державами имперско-государственных, централизаторских подходов в решении калмыцкого, ногайского (кубанского) и черкесского (кабардинского) вопросов. Признание вышеперечисленных проблем актуальными для двухсторонних отношений России и Порты не означало преодоления неразрешимых осmano-российских противоречий в реализации, по сути дела, несовместимых геополитических устремлений обеих держав. Отсюда внешнеполитический аспект калмыцкого, ногайского или кабардинского вопросов в османской политике одновременно определялся российскими внутривосточными проблемами, и наоборот.

То, что по приказу Петра I астраханский губернатор А.П. Волынский в конце 1720 и в начале 1721 гг. направлял к «гребенским городкам» по Тереку, для защиты от крымцев отряды казаков и калмыков и стремился сорвать крымские вторжения в кабардинские земли, лишний раз свидетельствует о зыбкости «вечного» мира между Россией и Турцией. Кстати, крымский хан с негодованием писал в Стамбул о недопустимости вмешательства России в дела подвластной ему Кабарды¹, и данный эпизод не вписывается в ряд современных конструирований характера кабардино-российских и кабардино-крымско-турецких взаимоотношений.

Превращение кубанской части крымского ханства в плацдарм для осуществления набегов в земли Кабарды способствовало переносу острия набегов кубанских ногайцев из зоны степного Предкавказья (с находившимися там российскими приграничными поселениями и кочевьями калмыцких улусов) в сторону областей Центрального Кавказа. Это способствовало затуханию «степной войны» между Кубанской ордой Крымского и улусами Калмыцких ханств, в рамках нормализации двусторонних отношений кочевых государств Юго-Восточной Европы. Сближение Крыма (Кубанской орды) с Калмыцким ханством, осуществлявшееся с одобрения Порты в условиях роста напря-

¹ Налоева Е.К. К вопросу о политическом положении Кабарды в составе России// Ученые записки КБГУ. - Нальчик, 1968. Вып.40. С.18-36.

женности между калмыками и Россией грозило вновь обострить и калмыцкий вопрос, и внутривосточную ситуацию на Северном Кавказе в контексте крымско-османско-русских отношений.

В начале 20-х гг. XVIII в. довольно неоднозначной была обстановка в Дагестане. С одной стороны, ряд местных владетелей накануне подтвердил свое российское «подданство». Однако в борьбе за Северо-Восточный Кавказ активным «игроком» являлась (наряду с Россией и Турцией) Персия (Иран). И, пользуясь антииранскими настроениями жителей ряда областей Дагестана, владельцы Хаджи-Дауд и Сурхай-хан осуществили успешное вторжение в Закавказье и летом 1721 г. заняли важный торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана город Шемаху. В нем были захвачены значительные богатства, дома знатных горожан и купцов были разграблены. Разграблению подверглись и русские купцы¹. Это свидетельствует, что данный поход носил не только освободительный характер и был направлен против гнета иранского шаха, но еще имел и вполне конкретную «коммерческую» цель – захват добычи.

Вблизи Шемахи повстанцы разбили войска гянджинского и эриванского ханов. Многие ставленники шаха, в том числе и правитель Дербента, бежали в Иран. Сообщая об успехах Хаджи-Дауда и Сурхай-хана, А.П. Вольтер писал Петру I, что те «...теперь с двух сторон имеют себе смертельный страх», как со стороны Ирана, так и со стороны России и «конечно будут искать протекции турецкой»².

И действительно, осенью 1721 г. астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан обратились к турецкому султану через крымского хана с просьбой, чтобы он принял их под свое покровительство и помог бы войсками. Любопытно, что в апреле того же 1721 г. Хаджи-Дауд просил протекции России³, однако при этом нельзя упускать из виду ориентацию Хаджи-Дауда и Сурхай-хана на Османскую империю, обусловленную спецификой интересов этих феодалов (в том числе – и религиозным фактором).

Вместе с тем, немалая часть населения Северного Кавказа, как об этом свидетельствуют многочисленные письма-обращения к Петру I, ориентировалось на Россию, в том числе и ряд владетелей Дагестана. Учитывая данные обстоятельства, Петр еще в марте 1720 г. поручил А.П. Вольтеру начать изучение пути вдоль западного побережья Каспийского моря. В тайне началось строительство морских су-

¹ РДО. С.31.

² РГАДА. Ф.9. Кабинет Петра I. Отд.2., кн.54., Л.641.

³ РДО. С.240-241.

дов для транспортировки войск и необходимых грузов. Были приняты усилия по созданию военно-политической коалиции из народов Закавказья, придерживающихся пророссийской ориентации. Картлийский царь Вахтанг VI заверял российскую сторону о своей готовности выступить против общего врага и писал Петру I: «Мы все христиане с землями нашими и войском покорились вашему величеству и готовы положить головы свои, чтобы отклонить от вас несчастья»¹.

Следует помнить о том, что в первой четверти XVIII в. Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. Пользуясь сложившейся ситуацией (в том числе и соответствующими обращениями Хаджи-Дауда и Сурхай-хана) Османская империя решила завладеть Восточным Кавказом. Намерения Порты хорошо знали российские власти. Представляется очевидным, что наметившееся столкновение стратегических интересов России и Турции на Восточном Кавказе делало «вечный» мир между ними еще более призрачным.

Между тем, с победой над Швецией и подписанием 30 августа 1721 г. Ништадтского мира Россия была в состоянии сосредоточить внешнеполитическую активность в южном направлении. И А.П. Волынский предлагал Петру I опередить османов на Восточном Кавказе, а в качестве повода использовать инцидент с русскими купцами в Шемахе. Совершенно очевидно, что утверждение османского владычества в Прикаспии намного ослабило бы позиции России на Кавказе и создало бы реальную угрозу юго-восточным границам империи. Следовательно, основной задачей Петра I на Кавказ было предотвращение овладения Османской империей Закавказьем и Прикаспием.

Подготовка Каспийского похода была сопряжена для России с решением тесно переплетающихся проблем внешнеполитического и внутривнутриполитического свойства. Так, в начале 1722 г. крымский хан дезинформировал османское правительство о характере военно-дипломатической миссии А.П. Волынского в Кабарде. В частности, он сообщал о том, что будто бы Асланбек Кайтукин пообещал России покорить кубанских ногайцев и черкесов и тем самым открыть ей «сообщение» с Черным морем. И уже в феврале 1722 г. чрезвычайный посол Порты вручил российскому императору ноту протеста, где требовалось: запретить российским подданным помогать Асланбеку Кайтукину, и, главное, не строить крепости².

¹ Цит. по: Гаспаров М.М. Каспийский поход Петра I — важнейший этап в истории российско-кавказских взаимоотношений// Россия и Кавказ: история и современность. - Владикавказ, 2005. С.105.

² История многовекового содружества... - С.124.

Накануне Каспийского похода Петр I был не заинтересован раньше времени обострять отношения с османами и 20 марта 1722 г. вручил послу ответную грамоту, где сообщалось, что российским подданным не давалось приказа вмешиваться в кабардинские междоусобицы и нападать на Крым. Подчеркивалось также, что крепостей на кабардинской земле строить не предполагается, а казаков и калмыков кабардинцы нанимают друг против друга самовольно. Были отвергнуты и обвинения в готовящемся «проекте» «сообщения» России с Черным морем. Что же касается обычаев брать аманатов у кабардинских владельцев, то российское правительство, признавая его существование, оставляла право на сохранение такой практики российско-кабардинских отношений за собой, как издавна существующее у обоих государств России и Турции¹.

Представляется, что не отражавшая действительности османская претензия породила не вполне адекватный реалиям ответ российской стороны, особенно по части самовольного нанимания кабардинцами казаков и калмыков. Определенные специфические дипломатические приемы можно обнаружить и в трактовке практики взятия аманатов у кабардинцев. Ведь не брала же Россия аманатов у кубанских ногайцев, подвластных Крыму, а та же Турция не брала аманатов у донских или терских казаков. Следовательно, традиционное взятие аманатов у кабардинцев со стороны России и Турции важный и дополнительный признак соперничества данных держав за преобладание в Кабарде, в конечном итоге – оспаривание ими принадлежности последней, которой отводилась роль объекта в затеянной борьбе за Кавказ.

Одновременно с ответной грамотой османскому правительству, послам Джамбулатовых, находившимся в Петербурге, было указано немедленно возвратиться и готовиться к походу российских войск в Прикаспий.

Асланбек Кайтукин еще раньше, по своей инициативе выступил на соединение с русскими войсками, весте с дружинами Эльмурзы Бекмурзина и Асланбека Кельмаметова. Таким образом, кашкатавская «партия» была готова поддержать Россию, ожидая, естественно, поддержки и от России. Весьма интересно, что лидер кашкатавцев, совершенно собственным интересам на власть, предлагал вариант переселения кабардинцев на Терек, ближе к границам России, с помощью казаков и калмыков. Кроме прочего, Асланбек Кайтукин весьма настоятельно просил оставить правление над нерусским населением Терско-

¹ АВПРИ. Ф. Крымские дела. Д.6., Л.8.

го города одному из кабардинских князей, вопреки аналогичному желанию со стороны кумыкских владетелей¹.

Однако ситуация в самой Кабарде оставалась для кашкатавской партии предельно неоднозначной на перспективу и в связи с борьбой с «баксанцами», и в контексте особенной динамики российско-османских взаимоотношений.

Нелишне будет заметить, что побудительные причины и характер событий в Кабарде и вокруг нее в 1720-1721 гг. вряд ли позволяют именовать их «кабардино-крымской войной 1720-1721 гг.», как то делается в некоторых новейших кавказоведческих изданиях².

Наряду с перипетиями положения в Кабарде, перед российской стороной стояли и проблемы разрешения конфликтных ситуаций в Дагестане, в частности — между владетелями Адиль-Гиреем и Муртазали, оспаривавшими шамхальское достоинство³. В ситуациях, подобных этой (равно как и в известной степени и в случае с распрями кабардинских феодалов) одна из сторон конфликта оказывалась «обиженной» Россией, что было чревато поиском иных покровителей.

Так или иначе, к маю 1722 г. подготовка российского похода в Прикаспий была завершена. В Астрахани было сосредоточено 46 тыс. войск, построен флот, состоящий из 47 парусных и 400 галерных судов.⁴

На аудиенции турецкому посланнику в Петербурге было объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и «не для войны с шахом», а только для «отмщения той обиды», захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам» и для «получения достойной сатисфакции».

Накануне выступления 15 июля 1722 г. был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском языках», а для распространения его в Дагестан и Азербайджан был направлен А. Лопухин с 30 всадниками. Манифест сообщал, что поход предпринимается только с целью наказания «возмутителей и бунтовщиков», и всему населению гарантировал безопасность⁵. Одновременно в Грузию был послан князь Б. Туркестанов, отвозя петровское предписание Вахтангу VI «напасть на лезгинов в их земле и дать о том нам знать в Астрахань к Теркам или Дербенту, где будем, и ждать приказа».

Поход начался 18 июня, и через две недели русская флотилия подошла к устью Терека, а затем отправилась к устью Сулака. 27 июля

¹ История многовекового содружества... С.125.

² Там же. С.124.

³ РДО. С.31-33.

⁴ ИНСК. Т.1.С.412

⁵ АВПРИ. Ф.89. Сношение с Турцией. 1722 г., Д.4., Л.33.

1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Показательно, что именно в это время Порта объявила о принятии в подданство Хаджи-Дауда, что свидетельствовало о недвусмысленной перспективе распространения османского влияния на Северо-Восточный Кавказ.

В конце июля 1722 г. шедшая из Астрахани сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан. К ним присоединились от Большой Кабарды Эльмурза Бекмурзин и от Малой Кабарды Асланбек Кельмаметов. Эндереевские владетели Айдемир и Чапалав «причинившие в минувшем 1721 г. толико вреда окрестностям города Терки, а теперь ожидая российского мщения» с «частью чеченцев» попытались оказать сопротивления русской кавалерии, но были опрокинуты¹. 2 августа 1722 г. русская кавалерия, а также 10 тыс. донских и малороссийских казаков и 5 тыс. калмыков хана Аюки прибыли в Аграхан. В то же время к Петру I прибыли посланцы эндереевцев с просьбой «прощения и принося свое подданство, на которое дали присягу, включив в оное и подданных своих чеченцев».

5 августа, оставив в аграханском укреплении 300 человек регулярного войска и 1500 казаков, российские войска направились морем и сушей на юг. Петр I с армией прибыл на Сулак и расположился лагерем, куда 6 августа явились владетели Костековский, Аксаевский и шамхал Тарковский. Они выразили покорность и изъявили верность России. Кроме того, шамхал передал Петру I 1600 быков, запряженных в «телеги, и 150 — на пополнение провианта и три персидских лошади», 6 лошадей и 100 быков на содержание войск подарил аксаевский владетель. Так как на путях перехода от Сулака на каждой стоянке по приказу шамхала приготавливались фураж и другое необходимое снаряжение, то без задержки и затруднения для войска 12 августа Петр I прибыл «под Тарки», и на следующий день посетил резиденцию шамхала. Адиль-Гирей предложил к услугам Петра I «все свое войско», но царь взял в поход лишь несколько отборных наездников и оставил шамхалу 12 солдат, которые в виде почетного караула остались в Тарках. К этому времени из Дербента были получены 3 письма: «одно — от Юзбаши Имам-Кули-бека, два от жителей города». В них говорилось, что манифест ими получен «со удовольствием и покорным благодарением» и что дербентцы ждут прихода русских войска в их город, а «которых чем явятся е.в. противны, тех они признают изменников»².

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. — СПб., 1869. Т.1. С.21-23.

² АВПРИ. Ф.77.Сношения России с Персией 1722 г. Оп.77/1. , Д.18., Л.37, 67.

15 августа русские войска двинулись к Дербенту. Султан-Мачмут Отемышский пытался оказать сопротивление передовым отрядам войск, но без особого труда был разбит. 23 августа войско, предводительствуемое Петром I, подошло к Дербенту. Наиб Имам-Кули-бек приветствовал Петра I и вручил ключи от городских ворот, после чего российские войска вошли в Дербент, где между ними и жителями города сложились довольно доверительные отношения. Комендантом города был поставлен полковник Юнкер, а Имам-Кули-бек за мирную сдачу города и покорность был представлен к чину генерал-майора и получил щедрое содержание из казны¹.

В Дербенте к Петру I обратились уцмий Кайтата и майсум Табасарана, владетель Бойнака и другие с просьбой принять их в подданство России. Народы Кавказа, писал современник событий, историограф шахского двора Мирза-Мехти-хан, «опасаясь владычества турок как непримиримых врагов, без разрешения шаха» явились к Петру I «с покорностью»².

Появление российских войск на Северо-Восточном Кавказе привело к освобождению многочисленных невольников-христиан, которые пребывали в рабстве у горских владетелей. Это была целенаправленная политика русских властей. Император, «следуя с армией к Дербенту, освобождал грузинцев и армян, которые были в плену у лязгинцев и других тамошних народов. Будучи в Дербенте, Петр требовал от дербентских бусурман известия о полоняниках – о грузинцах, армянах и русских. Избавленные от неволи, грузины и армяне были доставлены в Астрахань»³.

На первый взгляд, обстановка благоприятствовала продолжению похода. Однако из-за внезапно возникших трудностей в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, а также - с ростом заболеваний среди солдат и падежом лошадей, 29 августа было решено приостановить поход. Оставив гарнизон в Дербенте, ретраншементах Рубас, Бойнак и др. Петр I с основными силами вернулся в Аграхан, где велел заложить крепость Святого Креста. После этого, поручив командование генералу Матюшкину, Петр I отбыл в Астрахань.

В связи с возведением новых укреплений прежняя крепость Терки упраздняялась – она находилась в месте, часто подвергавшемся

¹ Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI-XVIII веках. - Пятигорск, 2008. С.74.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. - М., 1965. С.113.

³ Цит по: Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Подг. В.Н. Гамрекели. - Тбилиси, 1968. С.26. (Далее — ДВГСК).

наводнениям. Но недалеко от ее расположения был возведен небольшой редут с гарнизоном из 150-200 солдат, усиленных артиллерией¹.

Образование крепости Святого Креста привело к массовым побегам пленников из горского рабства. Теперь им было, где укрыться от посягательств бывших владельцев, а российская администрация получала верных и благодарных подданных, которые пополняли число жителей разраставшейся крепости. Они не только занимались хозяйственной деятельностью, но и привлекались к воинской службе. Сюда же поселялись и те грузины, которые в июле 1724 г. выедут в Россию со своим царем Вахтангом VI. Был даже замысел учредить здесь резиденцию и самого грузинского государя, но впоследствии от него отказались².

Между тем, Порты приказала Хаджи-Дауду, «чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих тамошних краев». А вскоре и османские войска вторглись на Кавказ. «Так как водворение русских в тех краях противно было интересам Турции» - признавал Джевдет-паша, то весной 1723 г. она поспешила «завладеть столицей Гюрджистана – Тифлисом, посадила от себя правителя в Шемахе»³. В связи с этим генералу Матюшкину дан был приказ принять надлежащие меры для защиты Дербента и Баку.

Действия турецкой стороны не исчерпывались только присылкой войск на Восточный Кавказ. Еще до военных акций в регионе эмиссары султана пытались поднять мятеж в Тарках и Дербенте, рассылая их владетелям письма угрожающего содержания.

Представляется, что изменившиеся обстоятельства содержали известную проблему для шамхала Тарковского: являясь довольно стабильным сторонником российской ориентации, он, как покажет самое ближайшее время, был не готов к фактору долговременного и конкретного российского военно-политического присутствия в Прикаспийском Дагестане.

В сентябре 1723 г. Иран, оказавшийся не в состоянии противостоять вторжению османских войск, подписал с Россией договор. По условиям Петербургского договора шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. К России отходили такие крупные ремесленные центры, как Дербент, Баку, Гилян, Мазандаран, Астрабад. Пятая статья договора предусматривала создание оборонительного союза, направленного против Османской Порты, и, таким образом, даль-

¹ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. - Махачкала, 2007. С.47-48.

² ДВГСК. С.101-103, 136-137, 108.

³ Цит. по: ИНСК. Т.1. С.414.

нейшие захваты иранских территорий султаном становились затруднительными¹.

Однако достигнутые с персами в Петербурге договоренности турецким правительством не признавались, и османо-российские взаимоотношения еще больше обостряются. Султан объявил о принадлежности Порте всего Ирана и о своем намерении присоединить Дербентское ханство, как якобы давно ему принадлежащее, а также распорядился, чтобы пограничные паши и крымский хан были готовы к войне с Россией. Враждебность Порты к России по-прежнему поддерживали Англия, Австрия и другие западноевропейские государства. Лишь благодаря усилиям российской дипломатии удалось миром разрешить конфликтную ситуацию. Российский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев на заявление турецкой стороны о том, что все мусульманские народы находятся под властью и покровительством султана, заявил, что вера не может считаться убедительным доказательством для определения границ, напомнив, что под властью Турции находятся многие христианские народы. И.И. Неплюев заявил, что Россия не допустит к побережью Каспия другую державу². Турки были вынуждены пойти на раздел сфер влияния в регионе. По условиям Константинопольского договора июля 1724 г. за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузия и Армения отходили к Турции. Ширван был объявлен особым Шемахинским ханством под протекторатом Турции.

Временное отступление Ирана, и компромисс между Россией и Османской империей не принесли, тем не менее, спокойствия на Кавказ. Так, народы Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана отказывались признать власть Порты. Не подчинился власти султана Сурхай-хан Казикумухский и другие владетели Дагестана. Сурхай-хан был недоволен османами из-за того, что последние «предпочли ему, природному князю, мужика Дауда». «Возымев смертельную ненависть» к Хаджи-Дауду, Сурхай-хан «действовал против него и всячески досаждал туркам». В частности, он побудил джаробелоканцев напасть на турок и разрушить крепость, которую те начали строить в Грузии.

И османское, и российское правительства стремились привлечь Сурхай-хана на свою сторону. Но тот, умело используя сложившуюся обстановку, выжидал. Волнения в Ширване в это время не прекращались, а османы предъявляли Хаджи-Дауду все большие требования,

¹ Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г.// Русско-дагестанские отношения в XVI-XIX в. - Махачкала, 1988.

² Клычников Ю.Ю. Указ соч. С.78.

которые он был не в состоянии выполнить. В этих условиях Хаджи-Дауд обратился к России с просьбой принять его в подданство. Однако Россия отклонила эту просьбу, так как не хотела нарушать условия Константинопольского договора¹.

Приведенные обстоятельства лишней раз подчеркивают то, что ряд северокавказских владетелей пытался использовать внешнеполитическую ориентацию на ту или иную сторону противоборства за Кавказ преимущественно с точки зрения собственной выгоды. При этом фактор подданства России, Османской империи или Ирана использовался с точки зрения собственной защиты от тех или иных внешних вызовов без придания ему сколь-нибудь конкретных очертаний в плане соблюдения обязательств.

Не менее запутанной оставалась обстановка и в Кабарде. Причем контекст междоусобицы кабардинских «партий» вновь оказывал влияние на внешнеполитическую ориентацию их лидеров. 1724 год оказался для Джамбулатовых тяжелым. Асланбек Кайтукин стремительно терял своих союзников. Российское правительство в условиях неопределенности статуса Кабарды и в связи с необходимостью стабильности отношений с османами не могло помогать кашкатавцам в том объеме, который гарантировал бы им победу над баксанской группировкой.

Кроме того, Асланбек Кайтукин лишился союзника в лице шамхала Тарковского Адиль-Гирея. Последний был недоволен строительством Россией крепости Святого Креста, к тому же против русских его поддержали османы. В течение 1725 г. Адиль-Гирей дважды штурмовал российские укрепления на Сулаке, в том числе и крепость Святого Креста, но был разгромлен, а его резиденция Тарки была разорена. Осенью того же года шамхал явился в лагерь русских войск, где был арестован, а затем сослан в Астраханскую губернию. Подобные перипетии политической ориентации шамхала свидетельствуют о том, что он до этого стремился использовать российское «подданство» в собственных интересах, не будучи готовым к расширению военно-политического влияния России на Северо-Восточном Кавказе. Показательно, что поражение шамхала привело к «учинению» присяг России ряда владетелей Дагестана². Можно, таким образом утверждать, что многократные присяги за сравнительно короткий исторический период были взаимосвязаны с динамикой внутрирегиональных и внешнеполитических обстоятельств.

¹ ИНСК. Т.1. С.415.

² Там же. С.416.

В сложившихся условиях Джамбулатовы стремятся любой ценой наладить отношения с Крымским ханством. Однако новый крымский хан Менгли-Гирей II, приняв благосклонно послов кашкатавской группировки, от вмешательства в кабардинские междоусобицы уклонился. Но Кайтукину удалось заручиться поддержкой претендента на ханский престол Бахты-Гирея, который в помощь ему весной 1725 г. совершил набег на Большую Кабарду. Басканцы, не вступая в столкновение, укрылись в горах, и уже в апреле 1725 г. помирились с Бахты-Гиреем, и вскоре он покинул Кабарду. Очередная попытка Кайтукина изменить соотношение сил в Кабарде провалилась¹.

После этого Асланбек Кайтукин решает переселиться в верховья Кумы и Кубани, населенные абазинами и находившимися в зоне наибольшего политического влияния Крыма и Турции. И хотя это и привело к временной консолидации в Большой Кабарде, Джамбулатовы в скором времени возобновят с крымской помощью попытки разгромить противоборствующую группировку.

Следовательно, недавняя, казавшаяся четкой, российская ориентация Джамбулатовых (кашкатавцев) была во многом связана с их интересами в контексте междоусобицы группировок кабардинских князей. И отход от российской ориентации и подчинение Крыму Кайтукина и его сторонников необходимо рассматривать именно в разрезе внутрикабардинских распрей, а не через констатацию приостановки Россией выполнения достигнутых ранее договоренностей с кабардинскими князьями².

Так или иначе, к середине 20-х гг. XVIII в. выраженной пророссийской «партии» в среде кабардинских князей более не существовало. Принятие присяги 1722 г. Исламбеком Мисостовым не может здесь выступать в качестве определяющего фактора. Кабардинская знать была сосредоточена на междоусобной борьбе и внешнеполитическую ориентацию готова была использовать для достижения победы в ней, пусть даже навлекая на Кабарду крымские войска.

Приведенные обстоятельства позволяют утверждать, что приобретение Россией прикаспийских провинций Дагестана и Азербайджана не означало автоматически усиления российского влияния на Северном Кавказе в целом. Представляется, что для некоторых местных владетелей необходим был известный баланс в позициях России, Турции и Ирана в регионе, и в данной своеобразной «системе противовесов» они чутко находили вектор своей внешнеполитической ориентации. В данном контексте для них явные перспективы угроз со стороны

¹ История многовекового содружества... С.127.

² Там же. С.126-127

Турции и Ирана стимулировали заинтересованность в российском покровительстве, и, напротив, действительное усиление России в регионе могло обусловить соответствующий разворот в сторону той же Османской империи.

В мае 1724 г. был разработан план широкого политического и экономического освоения Прикаспия. Среди прочих мер на перспективу предусматривалось «стараться всячески, чтобы армян призывать и других христиан... а басурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять, а именно – турецкого закона. Также ... сколько возможно там русской нации на первый раз поселить»¹. Подобные стремления объяснялись острой необходимостью иметь в стратегически важном регионе однозначно лояльное и надежное население, без которого все замыслы по закреплению за собой Кавказа оставались пустым звуком. Тем более, что местные владельцы, даже, как казалось, самые склонные к России, действительно могли демонстрировать непостоянство в своих политических симпатиях.

И все же ряд народов и владельцев Восточного Кавказа предпочитал подданство России – оно гарантировало им внешнюю защиту и обеспечивало хозяйственное развитие края. Правда, в нюансах путей и методов хозяйственного развития могли быть и те расхождения, которые в недалеком будущем обострят взаимоотношения российских властей с северокавказскими этническими сообществами: последние были весьма склонны к набегам и «пленопродавству». Не имея изначально возможности сколь-нибудь решительно повлиять на данное проявление традиционного уклада местных народов, российские власти будут стремиться хотя бы не допустить захвата в рабство армян и грузин. Однако тщетность подобных российских устремлений будет обнаруживаться весьма долго, да и сами коммуникации России в регионе и казачьи станицы по Тереку были совсем не застрахованы от горского «наездничества».

Тем не менее, на данном этапе Россия оказывала населению Восточного Кавказа известную материальную помощь, что лишней раз располагало к ней. Известен факт, когда по личному распоряжению Петра I бедным семействам в Дербенте единоразово была оказана помощь выдачей муки². Вскоре, в конце 1722 г. наиб Дербента в связи с продовольственными затруднениями официально обратился к России за помощью. В ответ на это из Астрахани было отправлено 5 тыс. четвертей хлеба, а также масло, соль, и другие продукты. Тогда же жители Дербента были извещены о том, что «они могут свободно по-

¹ РДО. С.53.

² ИНСК. Т.1. С.417.

лучать хлеб из Гиляна». В сентябре 1723 наиб Имам-Кули-бек доносил о получении 300 кулей муки. В то же время разрешен был отпуск шамхалу Тарковскому из крепости Св.Крест «пороха, свинца и кремня», и даны были разрешения «для посылки за товарами в Дербент и другие места». Стоит заметить, что предоставление шамхалу пороха, свинца и кремня свидетельствует о том, что российская сторона рассматривала его как надежного своего сторонника. Однако, видимо, реальное усиление России в Прикаспии в планы Адиль-Гирея не входило.

Стремление российского правительства обеспечить русскую мануфактурную промышленность сырьем Прикаспия объективно способствовало развитию экономики края. Стало увеличиваться производство шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана, обращалось особое внимание развитию виноградарства, садоводства, огородничества. Уже в 1723 г. винный завод Дербента произвел 2 тыс. ведер вина.

Пытаясь расширить волжско-каспийскую торговлю, Россия поощряла к ней дербентцев и других жителей Прикаспия. С этой целью в 1723-1724 гг. проводились работы по строительству гавани в Дербенте. Тогда же на р.Сулак была построена плотина, позволявшая проводить средние суда по Аграхану почти до самой крепости Святого Креста. Все это позволило установить более регулярное сообщение с Астраханью, что, в свою очередь, способствовало развитию торговли края. К развитию местной торговли стали привлекать армян, которых поселили в Дербенте, у крепости Святого Креста и в других местах. Армяне и другие жители Кавказа из Астрахани «для купечества и нужд их в Тарки, в Дербент и Гилян» отпускались свободно¹.

Определенную роль в развитии русско-кавказской торговли сыграла учрежденная в 1723 г. в Астрахани кампания по торговле с Персией (Ираном), так как она вела торг с народами Северо-Восточного Кавказа. Важное значение для торговли имел указ Петра I 1724 г., по которому разрешалось вывозить из России в Дагестан железо, свинец, порох, а также дозволялся беспошлинный провоз (и свободная торговля) вина, табака и «всяких хлебных и мясных припасов» и скота в Дербенте, в крепости Св.Креста и в других местах новой провинции. По указу местным торговцам предоставлялись льготы. Принятые меры сказались и на росте внутренней торговли.

Важную роль в закреплении российского присутствия играли возведенные крепости и укрепления. Показателен один из указов Петра I властям крепости Святого Креста, где указывалось: «...дабы жителям утеснения отнюдь не было, обходились бы зело приятельски и не сурово, кроме тех, кто будет противен, но ласково, обнадеживая их

¹ АВПРИ. Ф.77.Сношения России с Персией 1723 г., Д.6., Л.58.

всячески»¹. Здесь налицо образец т.н. политики «ласкания», которая представляла собой целую систему экономических и политических мер, используемых российскими властями в отношении народов Северо-Восточного Кавказа. Стремясь завоевать расположение и доверие феодальных владетелей, российские власти в лице комендантов крепостей и далее будут проявлять внимание к их просьбам и стремиться удовлетворить их, предоставляя некоторые льготы².

Большое значение имело и начатое еще до похода русских войск изучение природных ресурсов, истории и этнографии народов Северо-Восточного Кавказа. Описания края, составленные А.П. Волынским, А.И. Лопухиным, А. Бековичем-Черкасским, И.Г. Гербедем, Л.Ф. Еропкиным, Д.К. Кантемиром, Ф.И. Соyleоновым и многими другими являются ценным источником для изучения его истории и этнографии.

Итак, усиление России на Восточном Кавказе, обусловленное рядом внешнеполитических и внутренних факторов, не привело механически к какой-либо стабильности на Северном Кавказе в целом. Дестабилизирующими моментами являлись междоусобицы в Кабарде и Крымском ханстве, зыбкость политической ориентации некоторых владетелей Дагестана. Важно и то, что борьба России и Османской империи за Кавказ, несмотря на подписанные договоры, была далека от завершения. К 1725 году обнаружились и субъективные дестабилизирующие моменты – это смерть калмыцкого правителя Аюки (1724 г.), чей авторитет был значителен в поддержании «системы противовесов» на Северном Кавказе и вокруг него, и смерть самого российского императора Петра I (1725 г.).

Вместе с тем, обладание Россией Прикаспием и после смерти Петра I стимулировало принятие российского подданства рядом дагестанских владетелей. Так, в 1726 г. подданство России принял кубинский Хусейн-Али-хан, в 1727 г. присягу в крепости Св.Крест принес владетель Аварии. Тогда же на верность России присягали кюринские старшины, но в подданство они приняты не были, так как Кюра находилась под властью Сурхай-хана. Велись переговоры о вступлении в подданство России и других владетелей и союзов сельских общин Дагестана. Объединив подвластные России территории Кавказа, В.В. Долгорукий доносил Екатерине I: «Во всех провинциях... с великой радостью меня встречают... не только которые в нашей порции, но и которые по трактату не в нашей порции, все желают быть в подданстве в.и.в. и просят меня, чтобы я их принял в протекцию Российской империи... И так весь здешний народ желает в.и.в. протекции, с вели-

¹ ЦГАРД. Ф.18., Оп.1., Д.167. Л.68.

² Гарунова Н.Н. Указ. соч. С.52.

кою охотою видя, какая от нас справедливость, что излишнего ми с них ничего не требуем, и смотрим крепко, чтобы отнюдь ни мало им обиды от нас не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом»¹.

Конечно, подобные заявления приукрашали действительность, которая не была столь радужной. Гарнизоны российских укреплений не раз подвергались опасности нападения, и их содержание было весьма обременительно. Сам В.В. Долгорукий рассказывал, что «некоторые плуты из горских владетелей показали пакости и немалые противности в отгоне скота и во взятии нескольких человек»². Но при этом, воздвигнутые крепости оставались важным сдерживающим фактором, стабилизирующим ситуацию на Кавказе. Как указывал картлийский царь Вахтанг VI, спасавшийся в России от турок, оккупировавших его владения, султан не хотел ограничиваться землями Закавказья, а стремился завладеть еще и Северным Кавказом. Соединив свои владения «от Кубани до Баки», он, таким образом, надеялся на то, что «многие прибыточные места останутся без владения и от того у него интерес и воинские люди умножаются»³. В этой связи Вахтанг VI предлагал возвести на Тереке «близ чеченцев у теплых вод» крепость и привлекать горцев к себе на службу, так как, в частности, с их помощью можно было обеспечить безопасный путь в Империю и Картли. Особо подчеркивал Вахтанг VI значение кабардинских владетелей, считая их одной из наиболее могущественных сил в крае.

О возможности использовать военный потенциал населения Северного Кавказа говорили и русские полководцы. Так, ген.-л. А.И. Румянцев сообщал о возможности использования кумыков и других жителей Дагестана «сунцакого закона» против персов «ежели те возволнуются». Причем здесь учитывалась склонность горцев к захвату «пожитков», которой здесь придавалась положительная для России редакция⁴. Однако это был только проект, а разорительные набеги дагестанских владетелей на Грузию были реальностью. Приказы не пропускать и наказывать тех, кто «воруют и разоряют Грузию» не давали эффекта. Захваты людей не прекращались и на высочайшее имя приходили известия о том, что очередных несчастных «полонили лезгины и чачанцы, которые состоят под высокою протекциею» России, и тому подобные сообщения⁵.

¹ Цит. по: ИНСК. Т.1. С.416.

² РДО. С.57.

³ ДВГСК. С.105.

⁴ РДО. С.61.

⁵ ДВГСК. С.117.

Весьма показательно, что воинственные горцы¹ нередко совершали грабительские набеги друг против друга, а российские власти начинали выступать в роли посредников в урегулировании подобных конфликтов.

Обстановка на Восточном Кавказе определялась и нюансами внутри проосманской «партии». Между тем, в 1727 г. османы предложили Сурхай-хану чин двухбунчужного паши и жалование в 3 тыс. руб. в год. Сурхай-хан склонился на сторону Турции и дал присягу на верность. В 1728 г. султанские власти увезли арестованного Хаджи-Дауда, а владельцем Шемахи утвердили Сурхая. Так на данном этапе разрешились внешнеполитические метания «возмутителей спокойствия» Дагестана и Азербайджана.

Уже в период правления в России Петра II с новой силой возобновились междоусобицы в Кабарде, причем вновь с привлечением крымских войск. Весной 1729 г. крымцы во главе с ираскером Имеат-Гиреем, его братом Бахты-Гиреем и Асланбеком Кайтукиным вторглись в Кабарду, но потерпели сокрушительное поражение. В сражении погибли оба крымских султана, что стало причиной резкого ухудшения кабардино-крымских отношений. В этот раз сопротивление крымцам возглавил верховный князь Исламбек Мисостов, от рук которого погиб один из царевичей – Бахты-Гирей, зять Асланбека Кайтукина.

В 1730 году крымским ханом вновь стал Каплан-Гирей – давний враг Кабарды. Один из его соперников – Салих-Гирей, бежал к своему тестю, Исламбеку Мисостову. Каплан-Гирей, в свою очередь, признал Асланбека Кайтукина, находившегося в Крыму, единственным законным претендентом на власть в Кабарде и предоставил ему 19-тысячное войско. На этом же фоне в Кабарде, среди лидеров баксанской группировки возобновляются пророссийские настроения.

Летом 1731 г. крымские войска во главе с Арслан-Гиреем (братом убитых в 1729 г. кабардинцами царевичей) и Асланбеком Кайтукиным подошли к Кабарде и потребовали выкуп «за кровь» двух султанов (царевичей) из расчета по одному ясырю с каждого двора. В этих условиях, в соответствии с решением императорского двора, комендант крепости Святой Крест генерал Д.Ф. Еропкин выдвинул в направлении Кабарды русские войска. Крымцы и их кабардинские сторонники начали отступление и были разбиты объединенными силами баксанцев и ногайцев, подвластных Салих-Гирею.

В августе 1731 г. кабардинские владельцы, стремясь заручиться поддержкой России перед лицом крымцев отправили в Петербург по-

¹ См. : Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции народов Кавказа. - СПб, 1996.

сольство во главе с князем Магометом Атажукиным (род Мисостовых). 5 марта 1732 г. на аудиенции у императрицы Анны Иоанновны послы вручили ей письмо с упоминанием о службе кабардинцев России со времен Ивана Грозного, с просьбой о помощи против нападающих врагов и о выдаче кабардинским князьям жалования. Интересно, что под письмом подписались известные князья от обеих кабардинских «партий»¹.

Для обороны от неприятеля князья просили передать им 20 пушек и оказать помощь русскими и калмыкскими отрядами. Просили послы и поддержки в деле подчинения абазинов верховья Кубани, чья деревня была под крымским владением. Любопытно, что кабардинские князья называли эту «деревню» своей². Представляется, что они стремились с помощью России расширить зону своего политического доминирования, которая, нелишне будет заметить, зависела от внешних обстоятельств на протяжении долгого времени.

Совершенно безосновательной в данной связи выглядит современная попытка выдать этот эпизод письма Анне Иоанновне как просьбу от помощи в возвращении земель Западной Кабарды (с абазинским населением)³, так как оспариваемые зоны доминирования не стоит путать с собственно кабардинскими землями начала – второй четверти XVIII века.

В письме-прошении подчеркивалось, что кабардинские владельцы желают иметь с Россией такие отношения, чтобы им было «давано» жалование и чтобы они могли сохранять свое владение, а не для того, чтоб войска свои мы в иную какую сторону отправить могли, ибо и без того много неприятностей имеем». В данной связи непонятно, какое обязательство «верно служить России» имеют ввиду некоторые современные авторы?⁴

Кабардинские владетели напоминали российской императрице, что «прежнее жалование было каждому владельцу по 1000 рублей, итого пяти владельцам по 5000 рублей в год» и объявили, что «нас, владельцев, умножилось»⁵.

Таким образом, кабардинские князья желали такой системы взаимоотношений с Россией, при которой на них бы, по возможности, не накладывались никакие конкретные обязательства при наличии использования благ от российского покровительства. Что же касается множества неприятностей у кабардинских владете-

¹ АВПРИ. Ф.115., Кабардинские дела .1731-1732 г., Д.2., ЛЛ.113-118.

² Там же. Л.115-115об.

³ История многовекового содружества... С.128.

⁴ Там же.

⁵ АВПРИ. Ф.115., Д.2., Л.115об-116.

лей на тот момент, то следует заметить, что ряд крымских вторжений в Кабарду в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. был спровоцирован самой же кабардинской знатью в ходе борьбы между баксанской и кашкатавской группировками.

Вряд ли российское правительство не замечало этих «подводных течений». Но оно принимает Кабарду в свое подданство и обещает военную помощь против общих «неприятелей». Показательно, что в 1731 г. произошел обмен мнениями между верховным визирем Порты и российским резидентом в Стамбуле И.И. Неплюевым: на утверждение первого о турецко-крымской принадлежности Кабарды, И.И. Неплюев предоставил Порте копию архивного документа о добровольном присоединении всей Кабарды к России еще в конце XVI века¹.

В 1732 г. обстановка в Кабарде вновь обостряется в связи со смертью Исламбека Мисостова и выборами нового верховного князя. Вновь возникает угроза новых столкновений, что по привычке кабардинских князей, привело бы к привлечению к усобице внешних сил. В этих условиях следует Указ Коллегии иностранных дел командующему крепости Святой Крест Г.Дугласу, в котором напоминается ему, что помощь кабардинцам необходимо оказывать лишь в случае нападения на них крымских татар и ногайцев, а не их междоусобных войнах на стороне той или иной партии².

Если учесть, что предыдущие распри кабардинских группировок изобиловали привлечением на той или иной стороне крымских войск для вторжения в Кабарду, региональные российские власти оказывались в довольно сложном положении.

Дальнейшее развитие междоусобной борьбы в Кабарде происходило на фоне общего обострения политической ситуации на Кавказе и вокруг него.

Вторая четверть XVIII в. ознаменовалась новыми внешнеполитическими явлениями и факторами, объективно дестабилизирующими обстановку на Кавказе. Так, Франция берет курс на сдерживание Австрии и России, провоцируя Османскую империю на открытый конфликт с обеими державами в обмен на помощь модернизации страны по европейскому образцу. Дестабилизируется ситуация в Крымском ханстве, в результате чего только вмешательство Порты предотвратило отложение Кубанской орды от государства Гиреев. И, наконец, кризисом крымско-османского вассалитета и стремлением Порты, при поддержке Франции, к «ужесточению политики сдерживания России» был окончательно нарушен статус-кво в осmano-российских отноше-

¹ ИНСК. Т.1. С.427

² КРО. С.77.

ниях, подорванный попыткой бывшего кубанского Бахты-Гирея, воспользовавшегося покровительством Порты, вывести калмыков и ногайцев из-под российского протектората, создав на Кубани некое государственное образование из ногайцев, калмыков и черкесов. Проект Бахты-Гирея по созданию за счет слабеющего Крымского ханства на Северо-Западном и отчасти Центральном Кавказе сепаратистского анклава под эгидой Порты представлял собой последнюю попытку Порты, руками ногайцев и калмыков расширить сферу своего влияния в регионе, избежав прямого столкновения с Россией. Однако с крушением планов Бахты-Гирея закончился этап османского продвижения в Северо-Восточном Причерноморье, ознаменовав для Стамбула начало северокавказского «периода отступления».

В начале 30-х гг. XVIII в. произошло очередное обострение калмыцкого, ногайского (кубанского) и черкесского (кабардинского) вопросов. В отличие от предшествующих периодов в межгосударственных отношениях Юго-Восточной Европы возобладала тенденция, ориентированная на силовое разрешение проблем Северо-Восточного Причерноморья. Дестабилизирующую роль в регионе играла и междоусобица в Калмыцком ханстве, где за власть боролись Дондук-Омбо, опиравшийся на поддержку Крыма и Порты, и провозглашенный Россией ханом Церен-Дондук. Уход Дондука-Омбо с подвластным населением на Кубань заметно ослабил позиции России в регионе, спровоцировав, одновременно, напряженность между Россией и Портой¹.

Вместе с тем, в Иране, от политики которого также традиционно зависело положение на Северном Кавказе, после долгого перерыва появилось дееспособное правительство Надир-хана – будущего шаха Ирана (1736-1747). Надир, став после продолжительных неурядиц фактическим правителем Ирана, начал борьбу с Османской империей за возвращение ранее принадлежащей Ирану территории. Население, находившееся под властью османов, было готово подняться на борьбу с ними. К тому же, 1730 г. в Стамбуле был свергнут султан Ахмед III, после чего начались привычные усобицы. Это благоприятствовало действиям Надира. К сентябрю 1730 г. он овладел Тавризом, а затем занял Ардебил. Окрыленный успехами, Надир отправил в Ширван Сурхай-хану «подарки и указ, чтобы Сурхай пребывал в его верности, за что учиняет везиром, над Шемахою командиром и дает ему Тарковское шамхальство и над всеми горцами учиняет его владельцем»².

¹ АВПРИ. Ф.77.Сношения России с Калмыцким ханством Оп.1., Д.4., Л.19 об; Д.5., Л. 48об.

² АВПРИ. Ф.77.Сношения России с Персией 1730 г., Д.2., Л.30.

Таким образом, Иран возвращается к борьбе за Кавказ, явно затрагивая и османские и российские интересы в регионе.

Правда, нельзя сказать, что 1731 год был для Ирана особо успешным в плане возвращения своих сфер влияния на Кавказе. В апреле иранские войска потерпели поражение от османов под Эриванью, после чего войска султана двинулись в Южный Азербайджан. Не захотел быть «владельцем над всеми горами» по иранскому разрешению и Сурхай-хан. В то же время он был плохо подконтролен и турецким военным властям и в результате возникшего с ними конфликта возвратился назад в Шемаху, прервав свое участие в войне на стороне османов. Предпринять против Сурхай-хана какие-либо решительные меры турки не могли «дабы он совершенно от них не отложился». Более того, в конце 1731 г. во избежание такой перспективы султанское правительство прислало ему щедрые подарки¹.

Интересно, что Надир аннулировал подписанный шахским правительством в январе 1732 г. невыгодный для Ирана договор, низверг шаха Тахмосиба II и стал регентом при его сыне-младенце Аббасе III. Война с Портой была решительно продолжена. По приказу султана для борьбы с Ираном в Закавказье были направлены крымские войска под командованием Фаты-Гирея. Однако Россия, заинтересованная в мире с Ираном, оказывала ему поддержку в борьбе с Портой. Русские войска, сосредоточенные в крепости Св. Креста, нанесли серьезный урондвигающимся крымским войскам, и лишь части этого отряда удалось проникнуть в Дагестан².

Между тем, горцы Северо-Восточного Кавказа не могли понять истинных намерений османов, тем более, что те распространяли слухи о том, что султан направил войско, чтобы защитить их от «кызылбашских еретиков» (то есть персов-шиитов). Османы и крымцы щедро финансировали соответствующие настроения среди владетелей и духовенства Дагестана и начинали смещать неудобных: так, в Тарках от власти был отстранен Хасбулат и назначен шамхалом Ильдар. Тем временем Надир одерживал победы над османами, что склоняло последних к миру.

Обстоятельства 1732 года, как внешнеполитические, так и внутрорегиональные, обусловили для России необходимость заключения с Ираном Рештского договора, по которому последнему возвращались прикаспийские провинции на условиях совместной борьбы с османами.

В феврале 1733 г. между Ираном и Турцией был заключен мирный договор. Границы между ними определялись в рамках ирано-

¹ Там же. Д.7, Л.13.

² ИНСК. Т.1. - С.419.

турецкого договора 1639 г. Между тем, когда турецкое правительство сообщило о передаче Ширвана Ирану, Сурхай-хан отказался подчиниться воле султана.

Персы решают наказать Сурхай-хана. Летом 1734 г. Надир во главе огромной армии вторгся на Кавказ, в конце августа занял Шемаху и велел разрушить ее. В битве с иранскими войсками Сурхай-хан потерпел поражение и отступил в горы Дагестана, однако преследование его иранскими войсками продолжилось. Был разорен Казикумух и Сурхай-хан бежал в Аварию.

Тем не менее, углубляться в Дагестан в этот раз Надир не стал, и назначив шамхалом Хасбулата, вернулся в Закавказье, где вскоре начал решительные военные действия против турок. А на то были основания. Используя уход русских войск из Прикаспия, Османская империя решила подчинить себе Дагестан и с этой целью направила крымского хана с 80-тысячным войском. Однако Россия решительно заявила, что она «никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портою в подданство дагестанцев». Канцлер А.И. Остерман сделал посланнику И.И. Неплюеву внушение, что уступки Ирану касаются городов «Баку и Дербента, а не дагестанских народов»¹. Впоследствии Россия сделает многое, чтобы воспрепятствовать османам в осуществлении их захватнических планов на Северном Кавказе. В данном контексте надо оценивать и побуждение Надира к непрерывному продолжению войны с турками.

Между тем Надир, нарушив условия Гянджинского договора, заключил с Портой договор о передаче Ирану Грузии и Восточной Армении и приступил к покорению Дагестана. Свои военные победы Надир использовал в 1736 г. для провозглашения себя шахом Ирана, после чего назначил своего брата Ибрагим-хана правителем Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана.

Но не успел Надир-шах уйти из Закавказья, как в Азербайджане и Дагестане начались антииранские выступления². Борьба горцев Дагестана против иранской экспансии продолжалась до лета 1739 г. с переменным успехом. Как только персы покидали оккупированные территории, их население поднимало восстание. В войне с дагестанскими горцами был убит даже брат Надира Ибрагим-хан³.

Середина 30-х годов XVIII в. ознаменовалась новым обострением обстановки в Кабарде и вокруг нее. В рамках продолжавшейся

¹ АВПРИ. Ф.77.. 1735 г., Д.6., Л.7-8, 39.

² ИНСК. Т.1. С.420-421

³ Там же. С. 421-422.

войны с Ираном, османские власти стремились вести наступательные операции, проходя войсками через Северный Кавказ. Летом 1735 г. Каплан-Гирей во главе большого войска занял Кабарду. Кабардинцы формально обязались «по 100 всадников с одним князем» во главе выставить от каждого княжества, но фактически от участия в походе уклонились. Интересно, что подобная относительная стоворчивость кабардинских князей была согласована с российским командующим на Кавказе В.Я. Левашовым. В конкретно-исторических условиях лета 1735 г. план генерала В.Я. Левашова, по которому Россия временно воздерживалась от военных действий с противником, а кабардинцы формально признавали протекторат Крыма, был правильным тактическим решением. Он позволил выиграть время и сохранить силы до того момента, когда под рукой у российского командования оказалось достаточно войск, чтобы начать боевые действия. Кроме того, кабардинские князья М. Курчакин и К. Атажукин, пользуясь своими родственными связями с калмыкским ханом Дондук-Омба, кочевавшим в Крыму, убедили последнего перейти в пределы России и принять ее сторону в предстоящих боевых действиях.

В октябре 1735 г. 40-тысячное русское войско под командованием В. Леонтьева двинулось в Крым. И хотя данный поход не привел к успеху, Каплан-Гирей был вынужден спешно вернуться из Ирана. События осени 1735 г. были фактически началом османо-русской войны, хотя формально она была объявлена весной 1736 г. В этой войне Россия добивалась отмены Прутского договора 1711 г., выхода к Черному морю и обеспечения безопасности своих южных рубежей.

13 апреля 1736 г. императрица Анна Иоанновна призвала кабардинцев подняться на борьбу с крымцами и османами. Кабардинские князья изъявили готовность вступить в войну на стороне России. Временно были прекращены распри противоборствующих в Кабарде группировок.

Однако почти одновременно с грамотой российской императрицы в Кабарду прибыл посланец Крыма Айдемир-мурза с письмом от Каплан-Гирея, в котором хан выражал полную надежду, что кабардинцы, согласно данной ему в 1735 г. поднимутся на борьбу против России. Ответ кабардинских князей был весьма показательным в контексте особенностей их отношений с Крымом и Россией: «Ныне русские сильны калмыками, для того мы к ним и перешли... А ежели вы будете сильны против них, то и мы будем ваши»¹.

¹ АВПРИ. Ф.115, 1737 г., Д.2., Л.11.

Тем не менее, события османской войны 1736-1739 гг. дали примеры участия кабардинцев на российской стороне¹. Тяжелая, хотя и успешная для России, война осложнилась в 1739 г. перспективой раскола действовавшей антиосманской коалиции и создания коалиции антироссийской. В такой обстановке правительство Анны Иоанновны отвергло планы о продолжении боевых действий и заключило в сентябре 1739 г. Белградский мирный договор. Его условия не соответствовали успехам русских войск, так как Россия не получила ни выхода в Черное море, ни права держать на нем свой флот, а взятый штурмом Азов был объявлен с его окрестностями нейтральной зоной. Белградский договор еще больше обострил российско-османское соперничество на Северном Кавказе, и, в частности, в Кабарде. Объявив Кабарду нейтральной, «барьером» между Турцией и Россией, он серьезно осложнил внешнеполитическое положение народов Северного Кавказа.

По поводу «нейтрального» или независимого статуса Кабарды по Белградскому трактату 1739 г. в современном кавказоведении существует немалая дискуссионность. Так, можно прочесть, что «Россия, подтвердив свою прежнюю позицию по вопросу о Кабарде, объявляла ее «вольной», т.е. независимой, принуждая согласиться с этим Турцию, которая до этого никогда не признавала суверенитет Кабарды и Черкесии в целом»².

Между тем, не существует достоверных свидетельств, где бы Россия до 1739 г. обозначила бы свою позицию по вопросу о Кабарде, представляя ее независимой. Скорее напротив. Так, в 1732 г. Анна Иоанновна рассматривала кабардинцев в качестве своих подданных³. Не менее интересно и то, что Турция еще в начале 30-х годов XVIII в. настаивала на провозглашении Кабарды нейтральной территорией, с чем Россия не соглашалась, настаивая на пребывании Большой и Малой Кабарды в «протекции или же подданстве Российской империи»⁴.

Можно заметить и то, что предлагаемая современная конструкция о каком-то «суверенитете Черкесии в целом» не может не вызвать множества вопросов и в контексте стадийного уровня адыгов, и в плане наличия какого-либо политического единства среди них.

Для определения действительного статуса Кабарды важно адекватно оценить VI статью Белградского договора 1739 г., в которой указывалось: «...быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими

¹ ИНСК. Т.1. С.429-430; История многовекового содружества... С.131-132.

² История многовекового содружества... С.132

³ Клычников Ю.Ю. Указ соч. С.83.

⁴ Киняпина Н.С. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. - М.1984. С.19.

империями служить имеют. И чтоб от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оные не вступать и оных не беспокоить також и от Всероссийской империи оные в покое оставлены будут. Но что, однакож, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от них, от кабардинцев, для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте такоже позволяется, для такой же причины, брать от них таких же аманатов. А ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»¹.

Таким образом, Кабарда здесь рассматривается не как субъект, а как объект международного права, и лишь при большом желании в данном контексте можно найти признаки независимого статуса кабардинского государства. Да и наличие в документе упоминания «об обеих Кабардах», а не о, к примеру, Кабардинском княжестве, кабардинской стране и т.п., наталкивают на соответствующие размышления.

Вместе с тем, следует признать, что благодаря Белградскому миру в течение нескольких десятилетий Кабарда, в отличие от остальных черкесских владений, оказалась избавленной от грубого вооруженного давления извне². Действительно, благодаря российскому оружию и дипломатии крымско-турецкая опасность Кабарде ослабла, и это позволило кабардинским социальным верхам активизировать собственные усилия по достижению доминирования над народами Центрального Кавказа. И здесь проступают первые признаки меньшей заинтересованности кабардинских князей в российской военной помощи и политической опеке, что не могло не оказать влияния на перспективы последующих кабардино-российских взаимоотношений.

Однако относительная безопасности Кабарды от внешних вторжений привела к углублению раскола в кабардинских социальных верхах. С новой силой возобновляются междоусобицы противоборствующих группировок, и, как следствие, неизбежно проявляется борьба протурецких и пророссийских сил, которые, как видно по предшествующему времени, не раз менялись местами. В ходе распрей часть кабардинцев покинет земли в бассейне р.Сунжи, впоследствии заселенные ингушами и карабулаками³.

В связи с непрекращающимися усобицами кабардинских князей, уместно вспомнить слова Шоры Ногмова, который в «Истории адыгейского народа» писал: «Сами князья были причиной бедствия своей

¹ ПСЗРИ. - Спб., 1830. Т.Х. №7900. С.899-900.

² История многовекового содружества... С.132.

³ Виноградов В.Б. Шаова С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (черты взаимной истории XVI — середины XVIII в.) - Армавир; Майкоп, 2003. С.103.

родины, спор за владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отстаивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам¹.

Условия Белградского договора не соответствовали интересам Российской империи. Не устраивали они и Турцию. Было очевидно, что борьба за Кавказ будет продолжена.

Довольно показательным фоном противоборства в регионе являлось то, что крымцы продолжали свою практику набегов на Северо-Западный Кавказ, то есть на те земли, которые им были формально подвластны. Это не могло способствовать прочности удержания под контролем соответствующих народов. И, по свидетельству русских документов, «от крымского хана отложились темиргоевцы, абазыки, бжедуки, сапсыки, убыхи, которые временно бывают ему послушны, и, объединившись с другими народами, готовы были оказать сопротивление хану²».

Весьма сложной оставалась обстановка и на Северо-Восточном Кавказе. Летом 1741 г. Надир-шах во главе огромной армии вторгся в Дагестан, вновь пытаясь подчинить местных народа посредством жестокости. Объективно это способствовало усилению ориентации горцев Дагестана на Россию. Так, прибывшие в Кизляр посланцы горцев просили, чтобы Россия приняла их «под свое могучее покровительство». К тому же российское правительство из достоверных источников знало, что Надир вынашивает планы нападения на Россию³. В Петербурге были осведомлены и о том, что Надир старался склонить султана к совместному выступлению против России, чего добивались и западные державы. Естественно, что в таких условиях Россия не могла принять в свое подданство владения Дагестана или оказать им вооруженную помощь⁴. Однако к кумыкским, черкесским и кабардинским владельцам писано в утверждение их верности: а тайно сделаны были засылки к признанию в верное и вечное подданство горских владельцев: шамхала, усмия и прочих, сходно с присланными прошениями их о том⁵.

В то же время русское правительство стало укреплять кавказские границы государства, что не могло не оказать воздействия на иранского шаха. Однако это не могло остановить агрессию Надира в Дагестане, где ему удалось выиграть ряд сражений, занять Табасаран, Кайтаг, Мехтули, Акушу и достигнуть Казикумуха. В этих условиях ряд вла-

¹ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. - Нальчик, 1959. С.134-135.

² Земля адыгов. - Майкоп, 1996. С.67.

³ АВПРИ. Ф.77. Сношение России с Персией. 1741 г., Д.7. Л.227.

⁴ ИНСК. Т.1. С.422.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. - Т.1. С.223.

детелей Дагестана изъявил покорность Ирану, и шах уже чувствовал себя победителем.

Однако жители Дагестана навязали иранцам партизанскую войну, методы которой, кстати, вполне соответствовали специфическим набеговым навыкам народов региона. Столь победоносная первое время война стала для иранских войск затягиваться с неясными перспективами. И силовые акции, и попытки подкупа местных социальных верхов были не в состоянии обеспечить господство Надир-шаха в Дагестане. К тому же антииранское освободительное движение горцев было хронологически синхронно схожей борьбе народов Закавказья, что создавало для Ирана дополнительные проблемы. В конечном итоге Надиру не удалось поставить Дагестан под свой контроль, а 9 мая 1747 г. Он будет убит в результате заговора¹, что на несколько десятилетий предопределило резкое ослабление иранского участия в противоборстве держав за Кавказ.

В условиях сохранения угроз со стороны Османской империи и Крыма, а до мая 1747 г. – и со стороны Ирана, для северокавказских народов была достаточно естественной ориентация на Россию. Правда, в ряде случаев ситуация осложнялась наличием «разноориентированных» противоборствующих группировок, как то было, например, в Кабарде. К тому же, условия Белградского мира 1739 г. не позволяли России придать усилению своих позиций в регионе сколь-нибудь конкретные очертания.

В 40-е годы XVIII века в Петербурге нередко можно было встретить посольства от различных народов Северного Кавказа, которые просили принять их в российское подданство (разумеется, в том его понимании, которое было им доступно и соответствовало их интересам). С аналогичными просьбами обращались и к представителям российской власти на Кавказе. Среди ищущих подданства или покровительства были дагестанские владельцы, кабардинские князья, чеченские и ингушские старшины, представители от осетинских обществ. Показательно, что антироссийски были настроены те горские феодалы, которые активно занимались работоторговлей и через это поддерживали с Турцией тесные торгово-экономические связи².

В данных обстоятельствах российские власти должны были и не допустить падения своего влияния в регионе, и не спровоцировать Турцию и Крым (а до 1747 г. – и Иран) на конфликт. В данной связи показателен пример приема 1742 г. в Петербурге кабардинского по-

¹ ИНСК. Т.1. С.423-426.

² Клычников Ю.Ю. Из истории формирования Российского Северного Кавказа во второй половине XVI — XVIII веках. - Пятигорск, 2008. С. 88.

сольства. Императрица Елизавета в ответ на уверение кабардинцев «о своей верности», обнадежила послов, обещая им помощь в случае внешних вторжений в Кабарду. Естественно, что исходя из условий Белградского мира, варианты российского подданства кабардинцев в Петербурге не рассматривались. И тем более интересно, что кабардинские послы вновь просят у российской высшей власти денежного жалования, как то было уже в 1718 и 1731 годах. Причем теперь кабардинские владетели желали жалования «против прежнего с прибавкой»¹. Показательно, что в прежних случаях вопрос о жаловании ставился в условиях оспаривания принадлежности Кабарды между Россией и Османской империей, когда российские власти считали кабардинцев с воими подданными, теперь же в условиях нейтрального статуса Кабарды по Белградскому трактату подобные вопросы были, на первый взгляд, неуместны. Однако, кабардинские владетели, извлекая ряд выгод из нейтрализации Кабарды, были вполне готовы одновременно извлечь максимум выгод из российского покровительства. Конечно, России тоже было предпочтительно сохранять свое влияние в Кабарде, однако в данном случае столь желательная для кабардинских феодалов (и не только для них...) схема во взаимоотношениях с Россией «права без обязанностей» проявляется наиболее рельефно.

В конечном итоге императрица Елизавета Петровна посылает кабардинским владетелям 2000 рублей жалования из Астрахани², однако данный факт не прибавил определенности ситуации в самой Кабарде.

Российская императрица, зная о распрях, непрекращающихся между группировками кабардинских князей, пыталась примирить их, отправив на имя лидеров баксанской и кашкатавской «партий» свою грамоту, по которой, в частности, посредником для примирения сторон в Кабарду направлялся бригадир Петр Кольцов³. Однако ему не удалось примирить противоборствующие группировки, так как кашкатавцы заподозрили его в пристрастии к баксанской партии и отказались вести переговоры.

Пытались прекратить усобицы кабардинской знати и другие российские чиновники в царствование Елизаветы. Подобные поручения выполняли царевич Бакар Багратиони в 1744 г., майоры Барковский и Татаров в 1750 и 1753 годах⁴. Однако сколь-нибудь заметного успеха эти попытки не имели, как, впрочем, и в предшествующие десятилет-

¹ АВПРИ. Ф.115. 1742 г., Д.7. Л.19.

² КРО. С.112.

³ Там же. С.113.

⁴ Там же. С.114-115, 134-135, 177.

тия XVIII-го века. Тем не менее, можно отметить, что Россия старалась сохранить за собой функции арбитра в кабардинских распрях; вместе с тем, о подобном посредничестве просили сами кабардинские князья.

Чтобы лучше разбираться в непростой ситуации в регионе, из Москвы в Астрахань был прислан геодезист Степан Чичагов, составивший описание населенных мест Большой и Малой Кабарды и «ландкарты кабардинским, кумыкским и другим населенным местам», которые вскоре пригодились при распутывании сложных территориальных вопросов, то и дело возникавших среди местных народов¹.

Положение на Центральном Кавказе характеризовалось еще и тем, что кабардинские феодалы добивались распространения своей власти на соседние этнические сообщества. Данный фактор традиционно использовался Крымским ханством, стремившимся через кабардинцев подчинить себе и другие народы Северного Кавказа. Теперь, вследствие условий Белградского трактата, Кабарда была избавлена от прямой крымско-турецкой угрозы, что создавало для кабардинских социальных верхов благоприятные условия для попыток установления собственного доминирования над народами Центрального Кавказа. При этом, в обозримой перспективе, какое-либо российское усиление в регионе станет невыгодным для кабардинских князей.

И хотя степень зависимости от кабардинских феодалов ряда народов Центрального Кавказа не следует переоценивать, первые ревностно следили за тем, чтобы их статус среди собственных «подвластных» не был ограничен чьей-либо властью. В этой связи практика не выдавать прежним владельцам их ясырей-христиан, бежавших в российские пределы, неоднократно вызывала протесты со стороны кабардинских верхов. Данный фактор, в совокупности с сюжетом о бегстве собственно кабардинского «черного люда» в российские пределы, в довольно близкой перспективе осложнит кабардино-российские взаимоотношения. Выяснится, что кабардинские владельцы, вполне готовые, несмотря на «нейтральность» Кабарды, получать от России жалование, абсолютно не готовы брать в расчет наличие у российских властей тех или иных приоритетов в регионе.

Между тем, в 1745-1747 гг. российские власти не только вновь пытались примирить враждующие группировки в Кабарде, но и отстаивали ее «вольность» перед лицом очередных крымских притязаний². При этом русский резидент в Порте И.И. Неплюев, отвергая крымские претензии на Кабарду, называл кабардинцев подданными

¹ Клычников Ю.Ю. Указ.соч. С.89.

² КРО. С.132, 145.

«ея императорского величества»¹. Таким образом, даже в период «нейтральности» Кабарды имело место оспаривание ее статуса Крымом (и стоявшей за ним Портой) и Россией. «Объектность» самой Кабарды в таком дипломатическом противостоянии не вызывает сомнений.

Российское посредничество в кабардинских делах и крымско-кабардинских противоречиях таило в себе специфические нюансы, так как нередко кабардинские владельцы готовы были переметнуться на крымскую сторону, если видели для себя в этом выгоду. Здесь не следует забывать, что и после заключения Белградского мира сохранились устойчивые политические и династические связи Кабардинской элиты с Крымом².

Ситуация же в самой Кабарде в очередной раз обостряется после смерти лидера кашкатавской «партии» Асланбека Кайтукина в 1746 г. Происходят серьезные столкновения не только между противоборствующими группировками, но и внутри них.

Промежуточный итог противостоянию баксанцев и кашкатавцев положило соглашение 1753 г. о проведении между ними границы по р.Чегем. Это стало своеобразным оформлением раскола Большой Кабарды на две области, который имел место уже с начала 20-х годов XVIII века³. Показательно, что соглашение 1753 г. не обошлось без российского посредничества, причем российская сторона обеспечивала переселение кашкатавцев на их прежнее место жительства на Черек и даже горзила ослушникам применением силы⁴.

Несмотря на раскол Большой Кабарды, кабардинские владельцы сохранили влияние в Закубанье, на Центральном, и отчасти, на Северо-Восточном Кавказе. Причем в ряде случаев сохранение доминирования кабардинских феодалов достигалось при российской поддержке – так было при оспаривании статуса абазин между крымскими наместниками и кабардинскими князьями и в 1758 г., когда чеченцы отказали в повиновении своим владельцам кабардинского, кумыкского и аварского происхождения⁵.

Кабардинские феодалы в середине XVIII века принимали активное участие в борьбе грузинских государств против Ирана, ханств восточного Закавказья и набегов дагестанских горцев⁶.

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. - Нальчик, 1999. С.477-479.

² История многовекового содружества... С.134.

³ Там же. С.133.

⁴ АВПРИ. Ф.115. 1753 г., Д.7. Л.105; КРО. С.186-187.

⁵ Бутков П.Г. Указ соч. Ч.1. С.259.

⁶ История многовекового содружества... С.134.

Таким образом, кабардинские владельцы оставались мощной и достаточно консолидированной в отстаивании собственных интересов силой на Центральном Кавказе. Фактор раскола большой Кабарды в известной мере компенсировался отсутствием непосредственной крымско-турецкой угрозы, что обуславливало долговременные виды кабардинских князей на доминирование в регионе.

Особое внимание российского правительства было обращено к Осетии, через территорию которой проходил стратегически важный путь, связывающий империю с ее закавказскими союзниками. Еще в 1742 г. грузинские духовные лица, архиепископ Иосиф и архимандрит Николай, обратились к императрице Елизавете Петровне с челобитной, в которой предлагали начать среди осетин миссионерскую работу. Среди прочего, проповедники сообщают о наличии в этих местах полезных ископаемых, разработка которых сулила значительную выгоду¹.

Это вызвало интерес в Петербурге, и коллегии иностранных дел было дано поручение собрать дополнительную информацию о районах Центрального Кавказа, где проживали осетинские племена.

И хотя сразу приступить к выполнению поручения не удалось, в 1744 г. осетинский вопрос встал на повестку дня. Была подготовлена докладная записка, в которой содержались разносторонние сведения об осетинских обществах, а 1 ноября 1744 г. состоялось специальное заседание правительствующего Сената, посвященное Осетии. Было решено поручить Синоду формирование Осетинской миссионерской комиссии, привлекая для этого исключительно грузинские кадры. Последнее объяснялось нежеланием обострять отношения с Турцией и Ираном, которые могли враждебно воспринять появление в горах Центрального Кавказа русских миссионеров, чиновников и военных².

Когда основной состав комиссии был сформирован, Сенат разрешил ей выехать на место. И хотя связи с Россией предписывалось скрывать, при этом грузинские духовные лица получили необходимые рекомендательные письма, адресованные северокавказским владельцам, способным оказать им помощь на месте. Важную роль отводили и помощи со стороны терских казаков³.

Одно из рекомендательных писем было адресовано Адильгирею Гиляксанову, влиятельному кабардинскому князю, у которого в мае 1745 г. остановились члены комиссии. Под его покровительством они

¹ Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник док. В 2-х т. / Сост. М.М. Блиев. - Орджоникидзе, 1976. - Т.1. С.29-31 (далее РОО)

² Клычников Ю.Ю. Указ соч. С.93-94.

³ РОО. С.49.

направились в Дигорию, а оттуда в другие районы Осетии, где помимо проповеднической деятельности, собрали богатейший материал, посвященный социальной и хозяйственной жизни осетин, их быту и правам. Эти сведения легли в основу докладной записки Синоду, датированной 12-м июля 1745 г., где подчеркивалось, что многие влиятельные лица Осетии высказали свою заинтересованность в российском покровительстве.

Следует признать, что одной из главных причин сближения Осетии с Россией – это поиск покровительства и защиты против притеснений и грабежей со стороны кабардинских князей, захвативших в предшествующий период земли на Осетинской равнине¹. Поэтому эпизод покровительства Адильгирея Гиляксанова Осетинской духовной комиссии можно отнести к той неопределенности, которая вытекала из неопределенности статуса самой Кабарды по Белградскому трактату. Когда кабардинские социальные верхи адаптируются к особенностям своего внешнеполитического положения, они будут постоянно препятствовать и углублению российско-осетинских взаимоотношений, и процессу христианизации осетин. Показательно, что данная тенденция сохранится и после признания Кабарды в составе России в 1774 году.

Осетинская сторона через Осетинскую духовную комиссию настойчиво добивалась возможности прибыть в Петербург и принять подданство Российской империи, что предполагало и возможность переселения осетин на равнинные земли Северного Кавказа². Однако, связанная условиями Белградского мира 1739 г., Россия не могла однозначно благосклонно отнестись к подобным устремлениям, ведь перспектива расселения осетин на плоскости упиралась в интересы кабардинских феодалов, которые считали осетин своими данниками, а нейтральный статус Кабарды практически не оставлял российским властям возможностей принять осетин в свое подданство, не получив осложнений как внутрорегионального, так и внешнеполитического свойства. Поэтому высшие российские власти достаточно уклончиво высказывались относительно перспективы принятия осетин в российское подданство, соглашаясь при этом на их крещение и некоторые «приласкания»³.

В 1746 г. Осетинская духовная комиссия известила российское правительство о том, что осетинские старшины просят дозволения

¹ Дзеранов Т.Е. Русская культура и духовно-религиозные процессы в Осетии в XVIII — начале XX в. Дис. ... канд. филос. н. 09.00.13. - Махачкала, 2001. С.37.

² История Северо-Осетинской АССР. С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т.1. - Орджоникидзе, 1987. С.187.

³ РОО. С.126-127.

явиться ко двору, чтобы «доложить о всяких секретных тайностях и прочих состояниях осетинской земли». Для доклада в Петербург был срочно вызван один из членов духовной комиссии иеромонах Ефрем, который подтвердил чаяния российской стороны. Главными из них были желание принять крещение и вступить в российское подданство¹.

Вместе с тем, вопрос о поездке в Петербург откладывался в связи с разногласиями внутри Осетинской духовной комиссии, изменилась также внешнеполитическая конъюнктура, не благоприятствовавшая активизации России в регионе. Кроме того, кабардинские князья стали устойчиво противиться развитию русско-осетинских отношений. В данных обстоятельствах российское правительство предпочитало не форсировать события в отношении Осетии, и все это в совокупности задержало осетинское посольство вплоть до 1749 г.

В мае 1749 г. последовал указ императрицы Елизаветы о необходимости провести переговоры с осетинскими посланниками. Но осуществить это оказалось непросто, так как кабардинские феодалы, не желая потерять свою власть над осетинами, грозили им смертью и разорением в случае принятия российского подданства. Российским властям пришлось снаряжать военный конвой из Кизляра, чтобы представители Куртатинского, Алагирского, Дигорского обществ могли отправиться в путь².

Осетинское посольство прибыло в Петербург 9 февраля 1750 г., и до конца 1751 г. переговоры проходили в сложных условиях усиления международной напряженности, нагнетаемой Турцией и Крымским ханством. Как и предполагалось, осетинской стороной поднимались вопросы о присоединении к России и возможности переселения на равнинные земли. Между тем, российские власти отдавали себе отчет о реальной пользе от покровительства осетинским племенам, признавая и перспективу их защиты от кабардинцев, и то, что «осетинский народ своевольный и к приведению в послушание, за непроходимыми к ним местами, неспособный»³. Выставление осетинской стороной 30-тысячной армии для участия в войнах против Турции и Ирана⁴ также представляется проблематичным.

В результате переговоров предгорная равнина Центрального Кавказа, бассейны рек Ардон и Фиагдон были признаны российским правительством землями «вольными и свободными» и переселение осетин в эти районы поддерживалось российской стороной. Торговым

¹ История Северо-Осетинской АССР... С. 187- 188.

² Блиев М.М. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг. - Орджоникидзе, 1961. С.42-43.

³ РОО. С.10.

⁴ История Северо-Осетинской АССР... С. 189.

людям из Осетии разрешалось вести в Кизляре и Астрахани беспопышную торговлю, причем «та пошлина вместо них взималась с российских купцов»¹. Со своей стороны российское посольство уверило российское правительство, что Осетия будет держаться «русской стороны», что крещение осетин будет продолжено.

В начале февраля 1752 г. посольство выехало на родину. Хотя главной цели оно добиться не смогло, вопрос о подданстве так и не был решен (равно, как и вопрос о земле – ведь российское правительство, разрешая осетинам переселяться на предгорную равнину, не могло тогда обеспечить их безопасность), но была подготовлена почва для дальнейшего сближения осетин и Российского государства. В истории российско-осетинских взаимоотношений начался новый период, ведущий к присоединению Осетии к России².

Правительство России осознавало, что опираться только на местных владельцев при отстаивании собственных интересов в регионе нельзя. Поэтому Коллегия иностранных дел 19 августа 1753 г. отдала указ кизлярскому коменданту И.Л. Фрауендорфу «ведать о местоположении угла между реки Терка и устья речки Курпы, удобно ли оно к обитанию и построению крепостцы»³.

Между тем, просьбы со стороны осетин о позволении им переселиться на плоскость не прекращались. Теперь в марте 1755 г. челобитную подали тагаурские старшины. Выражая полную готовность к принятию христианства, они просили разрешения переселиться на предгорную равнину между реками Терек и Курп (южнее современного Малгобека). Они также просили, чтобы на новом месте к ним от России был определен «власть имущий человек»⁴. Вопрос о переселении на предгорную равнину ставили перед российским правительством и дигорские старшины. В обоих случаях просматривалась перспектива противодействия кабардинских князей и осетинским переселениям, и российскому покровительству данному процессу.

Так как российские власти не спешили со своим решением, дигорцы стали переселяться с гор самостоятельно. Соответствующее содержание прошение на имя императрицы подали и куртатинские владельцы.

Коллегия иностранных дел разработала проект, по которым осетинам отводились земли вдоль русской пограничной линии. В урочище Моздок предусматривалось строительство «осетинской крепости»⁵.

¹ КРО. С.191.

² История Северо-Осетинской АССР... С. 190.

³ АВПРИ Ф.115., 1753 г., Д.16., Л.1.

⁴ РОО. С.383, 415.

⁵ История Северо-Осетинской АССР... С. 191

Данный сюжет выводит на чрезвычайно дискуссионную (на первый взгляд) проблематику о принадлежности земель урочища Моздок Кабарде, как то утверждают современные кабардинские исследователи¹. Между тем, документы свидетельствуют, что еще 1744 г. кабардинские князья просили Елизавету I уничтожить селение Моздок и выдать беглых крепостных². Очевидна бессмысленность варианта бегства кабардинских «холопов» и ясырей из грузин в кабардинские владения, да и в самом письме кабардинские владельцы отмечали, что урочище Моздок находится «поблизости к нам»³, а не на кабардинской земле (в данном контексте аргумент рубки кабардинцами леса в урочище и пастьбы там скота не должен являться фактом, определяющим кабардинскую принадлежность данной территории. К тому же урочище Моздок располагался на левом берегу Терека, то есть за естественной границей Кабарды). Впоследствии, 1759 г., малокабардинский владелец Кургока Кончокин, крестившись получил опять-таки разрешение российских властей на поселение со своими подвластными в урочище Моздок. А так как он спасался от внутрикабардинских усобиц, поселение его на кабардинских землях представляется достаточно абсурдным. К тому же, строительство с российского разрешения каких-либо селений на собственно кабардинской территории противоречило статьям Белградского трактата 1739 г. и подразумевало бы наличие реакции со стороны Османской империи. Однако, ни 40-е – 50-е гг. XVIII века, ни далее по возведению крепости Моздок подобной реакции не последовало⁴.

Следовательно, тезис о кабардинской принадлежности Моздока не выдерживает критики. Зато сопротивление кабардинских феодалов российским вариантам обустройства этой части терского левобережья свидетельствует, что первые, отстаивая собственные интересы в отношении народов Центрального Кавказа, не желали ни усиления России близ своих владений, ни роста российского влияния на местные народы.

Между тем, кабардинские феодалы были по-прежнему не против использовать Россию как посредника в их усобицах. Так, малокабардинские владельцы жаловались в 1755 г. на обиды и разорения от князей Большой Кабарды и просили помощи в возвращении отобранных

¹ История многовекового содружества... С.137.

² АВПРИ Ф.115., 1744 г., Д.1., Л.55-56

³ Там же. Л.55.

⁴ Виноградов Б.В., Рябиков А.Н. Возведение крепости Моздок (1763 г.) в контексте внутри- и внешнеполитических обстоятельств и историографических трактовок // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. - Пятигорск, 2009. С.80-81.

кабаков¹. В качестве третейского судьи российская администрация выступала и при разбирательстве конфликтов со стороны дагестанских феодалов².

В то же время, крымские ханы вновь требовали у кабардинских владетелей дань, угрожая силой забрать у них ясырей и скот. И хотя эти притязания были отвергнуты, российской дипломатии вновь пришлось вести непростые переговоры с турецкой стороной. Последнюю раздражал и тот факт, что в Кабарде нередко находили приют беглецы из турецких пределов³.

В целом, можно, видимо, констатировать, что стремление ряда народов Северного Кавказа к российскому подданству в известной мере совпадали с интересами Российской империи в регионе. Христианское миссионерство, осуществляемое в Осетии и отчасти в Ингушетии также способствовало укреплению российского влияния на народы Центрального Кавказа.

Показательно, что в этот же период рождается проект создания в Астрахани школы для «владельческих детей», автором которого выступил местный губернатор П. Кречетников. Это была своеобразная альтернатива институту аманатства, предполагавшая в идеале обеспечить российскую администрацию на Кавказе необходимым числом подготовленных и лояльных кадров из числа местных жителей⁴.

В середине XVIII в. российские власти все чаще задумывались о необходимости возведения новых укреплений на Северном Кавказе. Это определялось как внешнеполитическими обстоятельствами, так и внутрирегиональной спецификой. К последней можно отнести рост набеговой активности ряда местных народов и стремление кабардинской знати любыми способами помешать распространению российского влияния среди своих «данников». Новые коммуникации рассматривались и как сосредоточение торговли с горами, которую предполагалось всячески поощрять и развивать.

Итак, российско-северокавказское взаимодействие в начале – середине XVIII в. определялось факторами как внешнеполитическими, так и внутрирегиональными. К первым относится набирающее силу противостояние за Кавказ между Россией, Османской империей и Ираном, во всей его сложности и с учетом косвенной вовлеченности европейских держав. Возможности российской политики на Северном Кавказе нередко обуславливались именно степенью конфронтации с

¹ КРО. С.198-199.

² РДО. С.98.

³ Клычников Ю.Ю. Указ соч. С.99.

⁴ Кончаев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII — 30-е гг. XX в.). - Нальчик, 1964. С.41-42.

Турцией и Ираном, характером заключаемых с ними договоров. Внутрорегиональные обстоятельства и факторы, в том числе – особенности политической ориентации местных феодальных владельцев и этнических сообществ в немалой степени зависели от внешнеполитических перипетий борьбы за Кавказ. Вместе с тем, специфика традиционного уклада горцев в свою очередь накладывала отпечаток на действия в регионе России, Турции и Ирана.

Первая четверть XVIII в. в целом ознаменовалась усилением российских позиций на Северном Кавказе. Однако и тогда активность России в регионе зависела от ряда договоров с Османской империей. В то же время, набиравший остроту «кабардинский вопрос» усугубился началом затянувшегося на многие десятилетия противостояния княжеских группировок в самой Кабарде.

После смерти Петра I российская политика в регионе вновь была взаимосвязана с внешнеполитическими возможностями Российской империи. И Белградский мирный трактат 1739 г. с Османской Портой явился лишь промежуточным итогом, за которым проступала неизбежность продолжения противостояния за Кавказ.

Провозглашенный договором 1739 г. независимый статус кабардинских владений не устранил сам «кабардинский вопрос» во взаимоотношениях России, Крыма и Турции. Вместе с тем, ослабление непосредственной крымско-турецкой угрозы Кабарде стимулировало стремление кабардинских владельцев к доминированию над народами Центрального Кавказа. Уже в 40-х гг. XVIII в. данное стремление начинает вступать в противоречие с российскими интересами в регионе. При этом кабардинские князья желали и дальше пользоваться благами от покровительства российских властей без каких-либо обязательств со своей стороны.

В принципе, схожая схема взаимоотношений устраивала и тех, кто принимал в то время российское подданство. Определялось это, в частности, стадийным уровнем развития горцев, особенностями их традиционного уклада, включавшего в себя набеги и работорговлю. Следует признать, что отвечавшее стратегическим интересам России принятие ее подданства рядом местных владельцев и этнических групп (или стремление к принятию подданства) диктовалось для последних собственными запросами – будь то защита от внешних вторжений, торговые льготы или возможность расселения на плоскость.

В обозначенном внешне- и внутривнутриполитическом контексте для России вызывает необходимость усиления военно-политического, экономического и культурного присутствия на Северном Кавказе.

ОЧЕРК IV. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II И ПАВЛЕ I

Начало правления Екатерины II обозначило активизацию российской политики на Северном Кавказе. Данную констатацию необходимо анализировать неразрывно с внешнеполитическими обстоятельствами второй половины XVIII в., и в частности в контексте продолжающейся в регионе соперничества России и Османской империи. Общеизвестно, что форпостом и проводником османской политики на Северо-Западном и Центральном Кавказе было Крымское ханство. И уже при восшествии Екатерины II на престол в 1762 г. сановники, предавшие ей планы по покорению Крыма. Не имея в то время подобной возможности в прямой постановке, императрица стала в перспективе добиваться независимости Крымского ханства от Османской империи¹.

Однако специфика российско-северокавказских взаимоотношений не исчерпывалась лишь внешнеполитическими тенденциями. В 1763 г. Россия для защиты своих новых подданных из числа кабардинцев, осетин, грузин и армян возвела крепость Моздок на левом берегу Терека близ границ Кабарды.

Это не устраивало кабардинских князей, которые безосновательно считали урочище Моздок своей землей. Между тем, следуя статье Белградского трактата 1739 г. о «нейтральности» Кабарды, Россия не имела возможности строить укрепления на собственно кабардинской территории, а возведение крепости Моздок не вызвало соответствующей жесткой реакции Османской империи и Крыма. Тем не менее, кабардинские князья начинают требовать срытия крепости, опасаясь усиления российского влияния на Центральном Кавказе и притягательности Моздока для своего «черного народа».

Таким образом, обозначился долговременный конфликтный фактор во взаимоотношениях кабардинских социальных верхов и российских властей на Северном Кавказе. Небезынтересно то, что в некоторых самых современных кавказоведческих исследованиях данные

¹ Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. - 60-е годы XIX в.). - М., 2006. С.11-12.

события трактуется как «первый этап ожесточенной Кавказской войны», в развязывании которой обвиняется Россия¹.

Видимо следует признать, что «нейтральность» Кабарды по Белградскому трактату 1739 г. обусловила усиление претензий кабардинских владельцев на доминирование над народами Центрального Кавказа вследствие ослабления для Кабарды крымско-турецкой угрозы. При этом потребность Кабарды в российской военной помощи и дипломатической поддержке заметно сократилась. Междоусобицы кабардинских феодалов, наличие среди них крымско-турецкой «партии» придавали дополнительный колорит вызреванию противоречий кабардинских социальных верхов и российских властей.

Моздок быстро становится центром российского влияния на народы Центрального Кавказа, центром притяжения для них. Уже в 1763 г., согласно указа Екатерины II осетины и ингуши начали переселяться в Моздок, где была создана горская моздокская команда из крещеных горцев. В последующие годы число горских переселенцев возрастало, а российское правительство предоставляло им деньги и земельные участки. Переселенцам из зависимых крестьян предоставлялась «вольность» при условии принятия христианства². Разумеется, последнее обстоятельство не вызвало восторга у кабардинских феодалов.

В 60-х годах XVIII в. Россия приступает к разведке собственных экономических планов на Северном Кавказе, в пользу чего свидетельствует экспедиция Степана Ванявина для исследования разных месторождений в Осетии (1768 г.).

Сохранение фактора «внешнего» противостояния за Кавказ и особенности традиционного уклада северокавказских народов (включавшего в себя набеговую экспансию) обусловили строительство системы укреплений от Моздока до Кизляра – первого прообраза будущей Кавказской Линии.

Усиление России на Северном Кавказе не могло не тревожить Османскую империю, переживающую затяжной структурный кризис, и искавшую выход в захватнических войнах. Ситуация осложнялась и вмешательством Англии, Австрии и Франции, которые подталкивали Турцию к войне с Россией. Все это привело к османо-русской войне 1768-1774 гг., в которой Северному Кавказу отводилась весьма важная роль. Сюда устремились турецкие эмиссары с целью поднять горцев на борьбу с «неверными», но эта агитация успеха не имела³.

¹ См., например: История многовекового содружества. К 450-летию союза и единению народов Кабардино-Балкарии с Россией. - Нальчик, 2007. С.137-138.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988 С.437. (далее ИНСК).

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. - М., 1958. С.94.

Так, кабардинские крестьяне заявили, что если их владельцы перейдут на сторону Крыма и Турции «они все напротив того передадутся к России»¹. Такая позиция «черного народа» отрезвляюще действовала на их владельцев, опасавшихся лишиться собственных поданных.

Во время войны участились обращения различных северокавказских народов с просьбой принять их в российское подданство. В 1768-1769 гг. с подобными просьбами обращались шамхал тарковский Муртазали, дербентский Фетали-хан, казанищенский, эндереевский, костековский и другие владетели Дагестана. В 1769 г. подданными России стали мысылбайцы и абазины-тапанта. В феврале 1770 г. ингушские старшины прибыли в Кизляр и присягнули от имени своих обществ на верность России. Аналогичное желание изъявили в 1770 г. и старшины Восточной Осетии.²

Народы Северного Кавказа оказывали и посильную военную помощь российским войскам³.

В ходе войны сохранялся кабардинский вопрос. Понимая, что переход ряда кабардинских князей на сторону османов вызван стремлением сохранить свое доминирование среди народов Центрального Кавказа, Коллегия иностранных дел в июле 1771 г. предложила Екатерине II и в дальнейшем использовать их военно-политический потенциал для обеспечения стабильности в крае⁴. Однако дальнейшие события кабардино-российских взаимоотношений выявят немалую уязвимость данного концептуального предложения.

Указом от 9 августа 1771 г. Екатерина II обозначила позицию российской власти по кабардинскому вопросу. Владельцам давалось понять, что они не вправе рассчитывать на ликвидацию Моздока, но давалось обещание, что в дальнейшем «выбегающие кабардинские холопы» будут возвращаться своим феодалам⁵.

Разгром крымского войска в 1771 г. привел к смене власти на ханском престоле и вместо Селим-Гирея, бежавшего в Турцию, был провозглашен ханом Сагиб-Гирей, который 1 ноября 1772 г. заключил Карасунский мир с Россией, по которому, в частности, Кабарда при-

¹ ИНСК. Т.1. С.440.; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. - Нальчик, 1999. С.512-513.

² ИНСК. Т.1. С.440.

³ Клычников Ю.Ю. Ситуация на северокавказской окраине России в царствование Екатерины II и Павла I // Вопросы южнороссийской истории. Вып.14. - М.; Армавир, 2008. С.19.

⁴ Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е гг. XVIII в. - Нальчик, 1993. С.106.

⁵ Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М., 1957. Т. 2. С.302 (далее КРО).

знавалась в подданстве Российской империи¹. Довольно показательным, что в данных обстоятельствах Кабарда вновь рассматривалась договаривающимися сторонами как объект, а не субъект международных отношений. И это не свидетельствует в пользу наличия государственности в раздираемой усобицами Кабарде.

Карасунский договор был враждебно встречен Портой и в конце 1773 г. турки высадили в Суджук-кале экспедиционный корпус, который соединившись с силами враждебного России Девлет –Гирея, стремившегося занять крымский престол, двинулся в Кабарду. Оттуда, пополнившись за счет части антироссийски настроенных кабардинских владетелей, османско-крымское войско направилось на Моздок-Кизлярскую Линию, но было разгромлено.

Потерпев ряд военных поражений, Османская империя была вынуждена пойти на мирные переговоры с Россией. Однако в их ходе турки не соглашались на независимость Крымского ханства и сохранение за Россией портов на Чёрном море, что вызвало возобновление военных действий, которые оказались вновь успешными для российского оружия. В итоге 10 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому, в частности, Россия получила выход к Чёрному морю, провозглашались независимость Крыма и суверенитет России над Кабардой.² Таким образом, Порта лишилась традиционного плацдарма для экспансии на Северном Кавказе, был положен конец и практике разорительных набегов крымских ханов на местные народы, что сыграло важную положительную роль в их жизни. Все это значительно усилило позиции России на Северном Кавказе.

Вместе с тем, признание османами российского суверенитета над Кабардой не снимало автоматически уже обозначившиеся противоречия кабардинских феодалов с российскими властями. И если долгое время их наступательная «воинственность» сдерживалась необходимостью, в свою очередь, обороняться от набегов крымцев, ногайцев, калмыков³, то ослабление данных внешних угроз вследствие политики России объективно не способствовало сохранению для кабардинских князей потребности в российской опеке. Следовательно, немалая часть кабардинской знати тяготилась своим, закрепленным договором 1774 г., российским подданством.

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. Т.2. С.327.

² ИНСК. Т.1. С.441.

³ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. - М., 1974. С.47.

Ключук-Кайнарджийский договор определил и возможность принятия в российское подданство осетин. До 1774 г. сделать это было проблематично, так как последние были данниками кабардинских князей, а Кабарда имела нейтральный статус. В октябре 1774 г. в Моздоке начались переговоры разнородного по своему социальному составу осетинского посольства с астраханским губернатором П.Н.Кречетниковым. По их итогам, осетины присягали России и получали право на переселение на предгорную равнину Центрального Кавказа. Предполагалось возведение российской крепости и форпостов для их защиты от нападения соседних феодалов¹.

Подданническая присяга осетин (как и чуть раньше - ингушей) не могла устроить кабардинских князей, ведь именно от их систематических утеснений Россия собиралась в обозримой перспективе защищать осетинский народ. Таким образом, конфликтный потенциал между ними и российскими властями нарастал. Имелась здесь и конфессиональная подоплёка: принятие осетинами российского подданства открывало перспективы их христианизации (чем занималась Осетинская духовная комиссия), что также противоречило планам кабардинской знати. События последующих лет покажут, что кабардинские владетели будут препятствовать христианизации осетин (равно как и их расселению на плоскость), связывая, напротив, их исламизацию с сохранением и укреплением собственного влияния на них². Между тем, завершение исламизации в самой Кабарде объективно соответствовало стратегическим интересам Османской империи в регионе, так как кадры кабардинского мусульманского духовенства готовились в турецких владениях, что предопределяло соответствующую внешнеполитическую ориентацию.

Довольно сложная ситуация наблюдалась в Дагестане. С одной стороны, после 1774 г. ряд дагестанских владетелей просил о принятии в российское подданство, а с другой - враждующие между собой местные феодалы втягивали в свои распри российскую администрацию. И естественно, что если одна сторона усобицы получала поддержку России, другая искала протекции у Ирана и Турции, которым было, конечно, не выгодно усиление России на Северо-Восточном Кавказе³. В такой обстановке российское правительство стремилось свести к минимуму военное вмешательство в дела края, пытаясь помирить местных владельцев: хана Дербентского, шамхала Тарковско-

¹ ИНСК. Т.1. С.442-443.

² Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.- Славянск-на-Кубани, 2005. С.49-50.

³ ИНСК. Т.1. С.445-448.

го, уцмия Кайтагского, майсума Табасаранского и др. Однако даже при условии, что часть дагестанских владетелей состояла в российском подданстве, а некоторые находились под протекцией России, прекратить усобицы в Дагестане не удалось.

Между тем, Кючук-Кайнарджийский мир не привел к нормализации отношений между Россией и Турцией. Для последней реваншизм стал долговременным фактором политики. Камнем преткновения оставался и Крым, где каждая из сторон стремилась посадить на ханский престол своего ставленника. Османы сделали ставку на Девлет-Гирея, который в мае 1775 г. с их помощью захватил власть. Пророссийски настроенный Шагин-Гирей попытался опереться на ногайцев правобережной Кубани и с их помощью обрести желанный титул. Однако, спровоцированное турецкими агентами восстание поставило его на грань краха.

Возникла угроза вторжения в Прикубанье османских войск. Девлет-Гирей в сентябре 1776 г. в провокационных целях прислал российским властям заявление о том, что Кабарда принадлежит Крыму. Эта претензия была отвергнута, а кавказская администрация в очередной раз обратилась к кабардинским владетелям с напоминанием об их российском подданстве. В конечном итоге, Девлет-Гирей вынужден был уехать в Турцию, а кабардинские феодалы вновь декларировали свою верность России¹.

Для освоения и обеспечения безопасности южных рубежей на пространстве от Азова до Моздока в 1777 г. началось возведение укреплений Азово-Моздокской линии. Соединяясь с линией Моздок-Кизляр, она должна была образовать единую цепь российских военных коммуникаций на Северном Кавказе с выходом в Восточное Причерноморье. Строительство новой Линии обуславливалось политическим беспокойством в Крымском ханстве и вокруг него, и вероятной предсказуемостью новой войны с Османской империей. Кроме того, «нижний» участок Азово-Моздокской Линии - крепости Павловская, Мариевская, Георгиевская должны были поставить заслон тем проявлениям «приволья» кабардинских феодалов, которые не соответствовали российским стратегическим интересам в регионе. Участие кабардинских владетелей в турецко-крымском нападении на Линию Моздок-Кизляр в 1774 г. давало к тому достаточные основания.

Уже в 1779 г. кабардинские князья требуют у России ликвидации новых укреплений и начинают нападения на них довольно боль-

¹ Клычников Ю.Ю. Указ.соч. С.21.

шими силами¹. В этом проступало фактическое невосприятие ими своего российского подданства. Кабардинские феодалы считали земли, на которых возводились российские укрепления, своими пастбищами. При этом они старались не вспоминать о сделанном Екатериной II еще в 1763 г. напоминании о том, что ряд пастбищных угодий используется ими только благодаря покровительству российских властей к владельцам, приверженным к России, то есть за пределами их собственных территорий².

Тем не менее, в некоторых современных обобщающих исследованиях строительство русских крепостей близ этнических границ Кабарды трактуется как «аннексия ее северных территорий»³. А между тем, даже статус Кабарды по договору 1774 г. не позволяет делать подобные утверждения.

Интересно и то, что еще накануне нападения кабардинских ополчений на Азово-Моздокскую линию, кабардинские князья получили обещание о помощи от закубанских владетелей и от турецкого султана⁴. И действительно, в антироссийской акции оказались задействованы и закубанские адыги, и часть ногайцев и чеченцев. Следовательно, имело место масштабная попытка подрыва позиций России на Северном Кавказе и она определялась вовсе не только претензиями кабардинских князей на «северной территории», но и общим внешнеполитическим контекстом вокруг Северного Кавказа.

Таким образом, разгром генералом Якоби «фронды» в Кабарде в 1779 г., взятие с кабардинцев «баранты» и принуждение их к присяге можно считать мерами со стороны России ответными и неприятие их привело бы к расширению антироссийских выступлений тех, кто претендовал на собственное доминирование на Центральном Кавказе (пусть даже сама возможность такового определялась предшествующей политикой России). После «репрессалий» генерала Якоби границами Большой и Малой Кабарды объявились соответственно Малка и Терек, что в целом соответствовало собственно зоне расселения кабардинского народа.

Однако конфронтация кабардинских социальных верхов с российскими властями на этом не исчерпалась и на рубеже 70-х -80-х гг. XVIII в. был не исключен уход кабардинских феодалов вместе с под-

¹ Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825).- Нальчик, 1998. С.96-99.

² Бутков П.Г. Указ.соч. С.159; Кипкеева З.Б. Указ.соч. С.18-19.

³ История многовекового содружества... С.148-149.

⁴ АВПРИ. Ф.115. Кабардинские дела. 1762-1778. Оп.115/2. Д.8. Л.409, 411.

властными крестьянами в Грузию¹. Продолжавшееся брожение умов в Кабарде выразилось и в письме кабардинских владетелей Екатерине II, где она жаловалась на получаемые от крепостей Азово-Моздокской Линии «немалые беспокойства и уроны в людях», а свои нападения на российские укрепления объясняли необходимостью «защищать себя по возможности». И даже «испрашивая» прощения за эти нападения², кабардинские князья не становились сторонниками действий российских властей, так как неприятие российского военного присутствия и политического усиления на Центральном Кавказе приобретает среди кабардинской знати характер стабильный и долговременный. Отступление от подобной концепции носило характер либо временный, либо продиктованный конкретным интересом.

Противоречия кабардинской знати и российских властей определялись и сохранением «холопьяго вопроса». И когда в конце 1779 г. кабардинские князья вновь присягали России, в тексте присяги обговаривались права зависимых крестьян не подчиняться своим владельцам, если они выступят против России³. В дальнейшем поддержка кабардинского «черного народа» позволяла кавказской российской администрации оказывать нажим на феодалов, сдерживать их амбиции.

Немалая неопределенность ситуации в Крымском ханстве и вокруг него определила то, что в 1777-1778 гг. цепь российских укреплений на Кубани стал возводить А.В. Суворов. Это позволило активной действовать в решении крымского вопроса и способствовало уступчивости Турции, которая в июне 1779 г. пошла на подписание Айналы-Кавакской конвенции, которая в общих чертах подтверждала условия Кючук-Кайнарджийского мира⁴.

Во второй половине 70-х начале 80-х гг. XVIII в. ситуация в Крымском ханстве (в том числе и в Кубанской его части) свидетельствовала о том, что российский ставленник Шагин-Гирей не мог обеспечить территориальную целостность своего государства в условиях продолжения борьбы за преобладание в нем между Османской империей и Россией. Крымские власти практически не контролировали прикубанских ногайцев, которые, кроме прочего, начали совершать набеги на Азово-Моздокскую Линию. И даже после 1779 г., когда Османская империя признала Шагин-Гирея крымским ханом, обстановка внутри ханства и вокруг него не стабилизировалась. Происхо-

¹ АВПРИ. Ф.115. Кабардинские дела. 1762-1778. Оп.115/2. Д.8. Л.412; РГВИА Ф.52. Князя Г.А. Потемкина-Таврического. Оп.1/194. Д.217. Л.14-15; РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Оп.1. Д.13. Ч.1. Л.7.

² РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Оп.1. Д.13. Ч.2. Л.3, 3об.

³ КРО. Т.2. С.327-331; Бутков П.Г. Указ. соч. Т.2. С.61.

⁴ Смирнов Н.А. Указ. соч. С.116.

дили несанкционированные миграции ногайцев на левобережье Кубани, что соответствовало интересам Турции, а власть Шагин-Гирея всё более опиралась на фактор российского военного вмешательства в конфликты внутри государства¹.

Таким образом, при очевидной потере функции османского плацдарма на Северном Кавказе и в Восточном Причерноморье, Крымское ханство стало регионом хронической внутри- и внешнеполитической нестабильности. А вполне осознаваемый российской властью реваншизм Османской империи обуславливал для России на ближайшую перспективу желательность окончательного подчинения Крыма.

К 1781 г. на верность России присягает значительная часть чеченских обществ. Данные «подданнические» присяги были во многом связаны с фактором расселения чеченцев на плоскости близ Сунжи и Терека, что осуществлялось с разрешения российской администрации и с учетом смещения территории Малой Кабарды на запад. Тексты присяг предполагали для чеченцев (кроме обещаемых выгод от торговли с Россией) прекращение набегов, выдачу аманатов и подчинении власти назначаемых российской администрацией кабардинских и кумыкских владетелей.²

Чеченские общества, находившиеся на явно догосударственной и доклассовой ступени развития, были не в состоянии следовать взятым обязательствам, особенно по части прекращения набегов в российские пределы. Не подчинялись они и власти «чужих феодалов». Данные факторы, в совокупности с процессом завершения исламизации чеченского общества, обусловили обострение чеченско-российских взаимоотношений, вскоре после принятия присяги. М.М. Блиев в своей последней фундаментальной монографии утверждает об ошибочности со стороны России разрешения переселения чеченцев на равнину, о заведомой жесткости для чеченцев условий присоединения к России³. Однако, видимо стоит признать, что у российских властей не было никакой альтернативы запрещению набегов, так как их невозбранение со стороны новых «подданных» выглядело бы абсурдно (иное дело – степень реальности и стадийной возможности исполнения чеченцами данного вполне понятного условия). Что же до назначения управляющими чеченцами кумыкских и кабардинских феодалов, то для России, которая была в то время не в состоянии как либо сама непосредственно управлять чеченцами, было необходимо опе-

¹ Кипкеева З.Б. Указ.соч. С.59-62.

² Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации.- М., 2004. С.88-92.

³ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. . . С.88.

реться на более или менее подконтрольные «региональные кадры», близкие ей по «классовой природе». У чеченцев же своих вменяемых «феодалных кадров» тогда не было¹.

80-е годы XVIII века ознаменовались для России значительным усилением собственных позиций России на Кавказе. Это было обусловлено как внешне-, так и внутривосточными факторами. К первым, прежде всего, следует отнести присоединение к России Крыма и Правобережья Кубани в результате ликвидации Крымского ханства (некоторые исследования не без оснований называют данное событие 1783 года разделом Крымского ханства между Россией и Османской империей²).

Как известно, независимый статус Крыма, провозглашенный по Кючук-Кайнарджийскому трактату 1774 года, оказался не в состоянии обеспечить российские интересы в регионе, безопасность рубежей Империи³. Именно в 1783 году российская граница на Северо-Западном Кавказе стала проходить по р. Кубань, что сразу довольно своеобразно заострило необходимость определения статуса прикубанских ногайцев и поставило на повестку дня проблему взаимоотношений с западными адыгами (т.н. «закубанцами»). Большая часть ногайцев, многие из которых не желали, кстати, принимать российское подданство, была переселена с Правобережья Кубани к 1784 году, или же бежала в формально турецкое Закубанье⁴. При этом попытка вооруженного мятежа ногайцев была пресечена российскими войсками под руководством А.В. Суворова и М.Н. Леонтьева.

Военную акцию против мятежной части ногайцев можно рассматривать, как стремление России на будущее сохранять спокойствие на своих южных рубежах⁵.

Кроме того, разгром протурецки настроенных ногайцев нарушил расчеты Турции удержать под своим влиянием Приазовье⁶. Вместе с

¹ Виноградов Б.В. Чеченские подданные присяги 1781 года: возвращаясь к проблематике // Материалы Межрегиональной научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В.Б. Виноградова). - Армавир, 2008. С.41-42.

² Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. - 60-е годы XIX в.). - М., 2006. С.83.

³ См.: Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. - М., 1959.-С.92; Арапов Д.Ю. «Манифест» 8 апреля 1783 г.: подготовка, принятие, международное признание // Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). – М., 2002. С. 231.

⁴ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. - Краснодар, 2003. С.34; Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV – XVIII вв. (проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами) – Махачкала, 2000. С.452.

⁵ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Указ. соч. С.34.

⁶ Соловьев В.А. Суворов на Кубани 1778-1793.- Краснодар, 1992. С.190-210.

тем, уже в 1784 году происходят немалые корректировки изначально-го потемкинского проекта переселения ногайцев Северо-Западного Кавказа и переселение это фактически осуществляется не в приуральские, а в прикумские степи и в Таврическую губернию. Некоторая часть кубанских ногайцев, принявших российское подданство и перешедшая к оседлости вообще осталась на прежних местах обитания¹.

Западные адыги с выходом российских коммуникаций на Кубань получили на протяженную перспективу привлекательный объект для тех набегов, которые были необходимой частью их традиционного уклада и соответствовали стратегическим интересам Турции в регионе.

Установившееся господство России в Северном Причерноморье и завершение присоединения степного Предкавказья открыли для Петербурга новые перспективы в решении кавказского вопроса². И в 1783 г. в крепости Георгиевск был заключен «дружественный договор», оформивший протекторат России Картли-Кахетинским царством (Восточной Грузией).

Разумеется, заключение подобного трактата было бы невозможным без уверенности в достаточном ослаблении Османской Турции и шахского Ирана, который оспаривал у турок право на господство над Восточной Грузией, Закавказьем в целом, да и над рядом северокавказских территорий. Победа в войне 1768-1774 гг., присоединение Крымского ханства и невозможность для турок развязывания в 1783 г. новой войны против России создавали последней подобную уверенность. Следовательно, присоединение Крыма и Георгиевский трактат необходимо рассматривать неразрывно друг от друга, а также и по отношению к возможностям России на Северном Кавказе³.

Если признать очевидное - то, во-первых, что присоединение Крыма и Георгиевский трактат свидетельства ослабления Турции и Ирана и усиления России на Кавказе, то, во-вторых, российско-северокавказское сближение стимулировалось хотя бы тем, что в сознании горцев формировалось представление о России как сильной стороне в соперничестве с Турцией и Ираном.

Изменения границ России на Северном Кавказе и необходимость сообщений с находившейся под протекторатом Восточной Грузией обусловили строительство в регионе новых систем российских укреплений. Создаваемая Кавказская Линия должна была пройти вдоль кубанского правобережья, а для безопасности дороги по Дарьяльскому

¹ РГАДА. Ф.23. Д.13. Ч.6. Л.68-68об; Л.107.

² ИНСК. Т.1. С.450.

³ Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.- Славянск-на-Кубани, 2005. С.34.

ущелью в Грузию. В 1784 г. от Моздока до входа в Дарьял строился ряд укрепленных пунктов, в том числе крепость Владикавказ¹.

Фактор влияния Кавказской Линии на характер российско-северокавказских взаимоотношений давно находится в зоне внимания отечественного кавказоведения. При этом представляется явной тенденциозностью увязать ее строительство с пресловутой «колониальной экспансией» России в регионе, «захватом горских земель». В то же время, возведение Кавказской Линии было стратегически важно и в контексте незаконченного противоборства с Турцией и Ираном, и с учетом необходимости защиты новых российских рубежей от набегов северокавказских горцев. Правда, практически сразу же укрепления и коммуникации Линии становятся объектом нападений горцев, которые увидели в находившихся на ней станицах и селах источник богатой добычи. Таким образом, происходит перенацеливание вектора набеговой активности горцев, и северное, «российское» направление начинает в ней преобладать. В данной связи проблематично приравнивать набеги к проявлениям «освободительной борьбы», тем более, что в конце XVIII века российские укрепления редко возводились на собственно горских землях².

После 1783 г. довольно непростыми оставались кабардино-российские взаимоотношения. По-видимому, привычный стратегический план кабардинских князей состоял в том, чтобы, используя поддержку России, обороняться от турецкой опасности и одновременно использовать турецкий фактор для отстаивания своей независимости от российских властей. Такой сценарий мог позволить кабардинским владельцам сохранять собственное доминирование над народами Центрального Кавказа.

1783 год внес существенные изменения в данный «политический расклад». Турецкая угроза в связи с присоединением к России Крымского ханства уменьшилась, но уменьшилась и потребность Кабарды в российской помощи.

Кабардинские князья, обремененные традицией преобладания в регионе, теперь столкнулись с усилившейся Российской империей, имевшей на Северном Кавказе собственные стратегические интересы и планы.

После ликвидации Крымского ханства, с присоединением Правобережной Кубани, Россия начинает колонизацию степного Предкавказья. Ранее, даже в рамках прежнего южного пограничья империи,

¹ ИНСК. Т.1. С.452.

² Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.- Краснодар; Армавир, 2004. С.9-28.

это было небезопасно именно вследствие «крымско-турецкого» фактора. Правда, теперь довольно надолго казачьи станицы и особенно крестьянские села колонизированного Предкавказья стали мишенью для набегов горцев, совершавших грабительские рейды далеко за пределы собственных этнических границ.

Большая часть российских поселений и укреплений располагалась довольно далеко от «этнической границы» той же Кабарды. Даже крепости Павловская и Мариевская, предназначенные, видимо, для сдерживания активности кабардинских феодалов в восточном и северо-восточном направлениях, располагались хоть и вплотную к территории Большой Кабарды, но не внутри нее¹.

Вместе с тем, можно признать, что строительство российских укреплений и поселений уменьшало пастбищные угодья кабардинцев и их «приволье». Заметим, что «приволье» кабардинских феодалов и их отношения с соседними народами не всегда устраивали российские власти.

В современном кавказоведении есть нуждающаяся в глубоком анализе точка зрения о том, что Россия на протяжении 60-70 гг. XVIII в. усиливала Кабарду в своих интересах, чтобы впоследствии объявить кабардинскими данниками народы Центрального Кавказа, и в конечном итоге, присоединяя Кабарду, вовлечь автоматически в сферу своего влияния эти народы².

Можно согласиться с тем, что Россия в борьбе за Северный Кавказ стремилась на определенном (и довольно длительном) этапе опереться на Кабарду, традиция «вассально-подданических отношений» с которой шла еще с середины XVI века. Однако, следует, видимо, признать, что российские власти, и лично Екатерина II, могли лишь конструировать модель своего контроля над Центральным Кавказом исходя все же из осознанных местных реалий. А эти реалии предполагали все же доминирование кабардинской знати над соседними народами³. Другое дело, что постоянная помощь России в борьбе с турецко-крымской экспансией объективно давала саму возможность такому доминированию, а начавшаяся в 1778 г. антироссийская «фронда» кабардинских феодалов немало затруднила использование их российской стороной в качестве объединительного «конструкта» в регионе. Выясняется, что усилившись не без участия России, кабардинские князья не желают пускать Россию в сферы «своего» влияния и доми-

¹ РГВИА. Ф.424. Оп.1. Д.35. Л.1.

² Кипкеева З.Б. Указ. соч. С.19-26.

³ Кожев З.А. Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVI-XVIII в.). Дис... к.и.н.- М.,1998. С.76, 100.

нирования в условиях отсутствия необходимости российской военной помощи. К тому же кабардинские князья весьма своеобразно относились к закрепленному в 1774 г. на международном уровне своему российскому подданству, и, следовательно, не желали распространения покровительства России над теми народами, которые находились в той или иной степени под их контролем.

Обусловленное Георгиевским трактатом строительство российских укреплений в Дарьяльском направлении было объективно выгодно для ингушей и осетин, стремившихся переселиться на плоскость и нежеланно для кабардинских князей, привыкших «запирать» горцев Центрального Кавказа в ущельях, контролировать их миграции. Вместе с тем, в конце XVIII в. российские власти не могли в ущерб собственным интересам добиваться лояльности кабардинских феодалов.

Первая половина 80-х гг. XVIII в. ознаменовала начало выхода ингушей и осетин с гор на плоскость. Российские власти через Осетинскую духовную комиссию пытались христианизировать осетин и ингушей. Однако миссионерская работа не приносила решающего успеха, наталкиваясь и на особенности традиционного уклада горцев, и на противодействие кабардинских князей¹. При этом нелишне заметить, что кабардинское мусульманское духовенство было настроено протурецки, а, следовательно - антироссийски.

После заключения в 1783 г. Георгиевского трактата проблема конфессиональной принадлежности осетин, и, отчасти, ингушей приобретает немаловажный аспект: Турция и Иран, были обеспокоены усилением проникновения России в Закавказье, и при удобных обстоятельствах стремились перерезать единственную коммуникацию, связывающую Россию и Грузию - Военно-Грузинскую дорогу. И религиозная принадлежность жителей округа Дарьяльского ущелья в этом контексте приобретала большое значение.

Исходя из исторических реалий середины - второй половины XVIII в. нет оснований говорить о «массовом насильственном крещении» на Северном Кавказе, об обращении в православие мусульман, о недовольстве горцев в данной связи российской политикой², искусственно выпячивая конфронтационную составляющую российско-северокавказских взаимоотношений, придавая ей конфессиональную основу.

¹ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 50-е гг. XIX в.) – Орджоникидзе, 1970. С.269; Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII – XX вв.) - Орджоникидзе, 1980. С.61-62.

² Северный Кавказ в составе Российской империи. - М., 2007. С.103.

Существуют скорее обратные примеры. Так, в 1794 г. российские власти пытались собрать списки северокавказского «дворянства» для причисления к дворянству России лиц магометанского вероисповедания¹. Этот, по сути, интеграционный проект не удался не в последнюю очередь потому, что привилегии сочетались бы для местной знати с перспективой реального служения России, к тому же нарушались бы иерархические связи и соотношения местных владетелей перед лицом высшей инстанции - Российской империей. Все это было особо неприемлемо для кабардинской знати.

Таким образом «интеграционный проект» 1784 г. логично сопряженный с усилением российского контроля в регионе, не вписывался в традиционный уклад местных народов и не соответствовал политическим устремлениям немалой части феодальных владетелей.

1783 г. привел к укреплению позиций России в Дагестане². Однако дагестанские феодалы нередко проявляли двойственную (или даже «тройственную») политическую ориентацию в зависимости от обстоятельств соперничества России, Турции и Ирана за Кавказ.

В то же время возрастает антироссийская турецкая агитация в Дагестане. Турки небезуспешно натравливали дагестанских феодалов на Картли-Кахетию, что вызвало проблемы в дагестано-российских взаимоотношениях. Тем не менее, российским властям в целом удается дипломатическим путем предотвратить в 1783 г. масштабное вторжение коалиции дагестанских феодалов в Грузию³. И все же полностью разрешить проблему набегов на Восточную Грузию тогда не удалось. Между тем, бедственные для Картли-Кахетии дагестанские набеги («лекианоба»)⁴, должны были, по замыслам турецких властей, отвратить, устрасить других от российской ориентации⁵. Россия же, несмотря на протекторат над Грузией, не могла в полном объеме обеспечить ее безопасность, практически не имея рычагов силового воздействия на дагестанских владетелей и «вольные общества».

Российская колонизация степного Предкавказья, создание кавказского наместничества (1784 г.) предполагали заводить города для развития торговли с местными народами. В то же время русских переселенцев в Предкавказье было еще мало: в 1785 г. насчитывалось 5

¹ РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.9. Л.370-370 об; См. также: Виноградов Б.В. Из опыта интегрирования северокавказских горцев в российскую государственную систему в конце XVIII- начале XIX в.// Научная мысль Кавказа.- 2005. №1. С.56-57.

² РГВИА. Ф.52. Оп.1/194. Д.331 Ч.1. Л.22; РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.4. Л.133; РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.3/2. Л.305.

³ РГВИА. Ф.52. Оп.1/194. Д.286 Ч.1. Л.121,143.

⁴ Боцвадзе Г.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII вв. - Тбилиси, 1974. С.82-93.

⁵ Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века.- Махачкала, 1985. С.69.

городов, 20 селений и слобод и общим числом «по гражданскому ведомству» 2158 душ мужского пола¹.

Развивались торговые отношения российской стороны и с дагестанскими феодалами. Центрами торговли становятся Кизляр и Моздок².

В системе взаимоотношений народов Дагестана с народами Закавказья, Северного Кавказа и Россией определенным негативным балансом приходился на развитие работорговли в регионе, органически связанной с набеговой системой. Стимулировала работорговлю Турция, стремясь так усилить свое влияние на горцев.

Попытки российских властей ограничить работорговлю на Северо-Восточном и Центральном Кавказе в конце XVIII в. хоть и затрагивали интересы местных феодалов и «вольных обществ», но лишь в той степени, в которой они нарушали российские интересы и безопасность³.

Сложившаяся в XVIII в. систему взаимоотношений российской администрации и горцев входило взятие аманатов, примеры репрессивных действий к которым в конце XVIII в. встречались очень редко. Документы свидетельствуют о довольно солидных денежных суммах, отпускаемых на их содержание⁴, и это не может свидетельствовать о бедственном положении аманатов. Возраст аманатов — как правило от 7 до 20 лет мог способствовать лучшему восприятию ими лояльного отношения к России. Открытая в Екатеринодаре школа «для обучения детей, в аманатах находящихся и других тамошних народов» также призвана была содействовать приобщению детей горцев к тем ценностям, которые определяли российскую специфику отношений с народами региона⁵.

К началу 80-х годов XVIII в. в результате разрешенного Россией расселения вайнахов на плоскости⁶, российские административные

¹ Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических и культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа).- Грозный, 1975. С.43. См. также: ПСЗРИ Т.ХХII. №16113, 16210; Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.).- Пятигорск, 2002. С.64.

² См.: Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции.- Махачкала, 2007.

³ АВПРИ. Ф.115. Кабардинские дела. 1784 г. Оп.115/1. Д.1 Л.1-4; ЦГАРД. Ф.339. Оп.1.Д.125. Л27.

⁴ АВПРИ. Ф.118. Кизлярские и Моздокские дела. 1774-1785 гг. Оп.118/1. Д.14 Л.1,2-5.

⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 2,3. – СПб., 1869. С.165.

⁶ РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.9. Ч.7. Л.19; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974. С.163, 164, 166, 169; ИНСК.- Т.1. С.444-445.

границы вошли в прямое соприкосновение с зоной нового обитания чеченцев и карабулаков. Традиционный уклад последних не изменился, и в условиях ослабления влияния со стороны кабардинцев и кумыков, чеченцы, по-разному с российскими властями понимая сущность своих подданных присяг, начинают все чаще совершать набеги за Терек. Попытки их пресечения посредством «репрессалий» вызвали антироссийские выступления в 1782 и 1783 гг. Их подавление (как то в 1783 г.) имело успех кратковременный. Это было связано с исламизацией чеченского общества, новым «идеологическим» мотивом для набеговой экспансии¹.

В 1785 произошло значительное обострение обстановки на Северном Кавказе в связи с началом движения горцев под предводительством шейха Мансура (Ушурмы). Данное движение проблематично объяснять насаждением Россией на Северо-Восточном Кавказе собственной администрации², «российским засильем»³, которых по сути не было. Представляется, что оно было обусловлено как тогдашним состоянием чеченского общества⁴, так отчасти и антироссийской деятельностью турецких эмиссаров в регионе.

Усилившиеся набеги горцев, получившие теперь религиозное обоснование, имели целью в том числе расширение собственной территории за счет российской пограничной Линии⁵. Начало религиозно-политической деятельности шейха Мансура можно отнести к 1783 году. За два года его проповеднической деятельности равнинная Чечня превратилась в очаг агрессивных форм ислама, нацеленных на наступательную «священную войну» с «неверными». Возрастает число чеченских набегов на Кавказскую Линию⁶. Зарождение мюридизма и набеговая система оказываются взаимосвязанными.

Поэтому печально знаменитый поход полковника Пиери на аул Алды (резиденцию Ушурмы) 5-6 июня 1785 г. нельзя назвать причиной начала «активной фазы» движения шейха Мансура. События 1785-1787 гг. показали явно наступательный характер действий Ушурмы и его сторонников, их стремление к захвату территорий (прежде всего это касается нападений на Кизляр), к распространению

¹ Блиев М.М. Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. С.123-133.

² Рамазанов Х.Х. Колониальная политика русского царизма на Северо-Восточном Кавказе как главная причина борьбы горцев за независимость.// Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.- Махачкала, 1994. С.8.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи... С.97.

⁴ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах.- Тифлис, 1887. Вып.6. С.26; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. С.182.

⁵ Лаудаев У. Указ. соч. С.60.

⁶ Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.133-138.

движения на Кабарду и Дагестан. Однако Ушурме не удалось надолго заручиться поддержкой кабардинских феодалов, которые в конечном итоге не пожелали оказаться в зависимом положении от шейха, замышлявшего создание подобия теократического государства, в котором доминировали бы чеченцы¹.

Представляется, что сама идея создания такого «имамата» была утопичной и в силу особенностей стадийного уровня чеченцев, и вследствие предсказуемого несогласия кабардинских и кумыкских феодалов долговременно подчиняться шейху Мансуру.

Регулярные поражения шейха Мансура от российских войск обусловили проводимые им в Северном Дагестане насильственные мобилизации, взятие аманатов².

Степень поддержки северокавказскими народами провозглашенной шейхом Мансуром «священной войны» с Россией не позволяет согласиться с утверждением, что «с июля до октября 1785 г. почти весь Северный Кавказ от Каспийского до Черного морей был охвачен восстанием»³.

В конечном итоге шейх Мансур теряет социальную опору на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, где турки (давшие ему титул имама) надеялись с его помощью распространить свое влияние. Это определило его уход летом 1787 г. в Закубанье и продолжение отсюда антироссийской деятельности уже под контролем османских властей, которые имели масштабные планы по использованию шейха для совместных с турецкой армией действий против России на Северном Кавказе⁴.

В данных непростых условиях вполне предсказуемой новой войны с Османской империей российские власти стремились к укреплению влияния в Дагестане. Наибольшим успехом явилось принятие в мае 1786 г. присяги на верность России Тарковского шамхала Бамата, что способствовало отходу других кумыкских феодалов от движения шейха Мансура⁵.

Важнейшим стратегическим мероприятием России на Северном Кавказе явилось предписанное высоким рескриптом от 26 августа 1786 г. «учреждение войска из горских народов». Данный по существу

¹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.139-140.

² Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии.- Грозный, 1991. С.26.

³ Бенингсен А. Народные движения на Кавказе в XVIII в. (Священная война Шейха Мансура (1785-1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях).- Махачкала, 1994. С.59.

⁴ Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722 – 1825). - Нальчик, 1998. С.113.

⁵ РГВИА. Ф.52. Оп.1/194. Д.336. Ч.2. Л.65, 69, 70, 233-233об.; Ч.1. Л.187, 188; Ч.4. Л.15-17,89, 91, 109, 112.

интегративный проект преследовал цель наполнить «вассально-подданнические» отношения ряда горских народов с Россией конкретным содержанием, отвлечь горцев от набегов на Кавказскую Линию¹.

Кабардинские феодалы встретили рескрипт отрицательно, так как он затрагивал их интересы в доминировании на Центральном Кавказе. Контрпредложения же кабардинцев были неприемлемы для российской стороны.

Учреждение «войска из горских народов» должно было утвердить Россию как главного и единственного «сюзерена» народов региона. Это соответствовало стратегическим интересам Российской Империи, но объективно противоречило традиционным этносоциальным отношениям населения Центрального Кавказа².

Создать «горскую милицию» для поддержания стабильности в регионе, для охраны Кавказской Линии российским властям не удалось. Пример же участия на стороне России горских (в том числе кабардинских) ополчений в ходе осmano-российской войны 1787-1791 гг.³ подтверждает то, что вассальное по сути своей военное служение России во внешней войне было для горцев более приемлемо, чем охрана Кавказской Линии от набегов, бывших составной частью их же традиционного уклада.

Вместе с тем, события 1787-1791 гг. показали, что народы региона в целом османов не поддерживали, несмотря на шедшие из Закубанья призывы шейха Мансура. Это свидетельствует о том, что несмотря на своеобразие понимания горцами подданнических присяг России и имевшиеся противоречия с российскими властями, достаточно стойкая российская внешнеполитическая ориентация у значительной части из них существовала.

По Ясскому мирному договору с Турцией (1791 г.) закреплялась принадлежность России Кабарды, Балкарии, Осетии и Карачая⁴, что затрудняло кабардинским князьям доминирование на Центральном Кавказе. То, что в 1798 г. карачаевцы признали свою зависимость от России⁵ тоже не прибавляло кабардинским феодалам перспектив в регионе. В это же время наблюдалась борьба пророссийской и протурецкой «партий» абазинском обществе⁶.

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. – М., 1988. С.198-199.

² Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.145-147.

³ Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: В 2 т. – М., 1957. Т. 2. С.376-378.

⁴ ИНСК. Т.1. С.459.

⁵ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1978. С.25.

⁶ Ктиторова О.В. Абазины Северо-Западного Кавказа в исторических событиях и процессах конца XVIII – начала XX в./ Автореф. дис...к.и.н.- Краснодар, 2002. С.17.

На первый взгляд, в 1790-1791 гг. Россия имела возможность на волне побед над Турцией присоединить Левобережье Кубани. Однако этого сделано не было, ибо подобная возможность таила в себе множество внутри и внешнеполитических опасностей, да и не вписывалось в общую концепцию северокавказской политики Екатерины II¹.

Но Екатерина II еще в ходе войны отказывается передать кабардинским феодалам земли, ранее застроенные укреплениями Азово-Моздокской Линии, так как это бы привело к ущербу российским интересам в регионе в пользу интересов кабардинским².

В начале 90-х гг. XVIII в. продолжались попытки христианизации осетин³. Однако процесс этот замедлялся в сравнении с предшествующим временем, что можно связывать с тем, что кабардинские феодалы активно сопротивлялись распространению российского влияния в Осетии, в том числе — и религиозного влияния⁴.

В 1785-1791 гг. продолжался процесс освоения Россией степного Предкавказья. Однако Прикубанье в сравнении с другими частями региона оставалось менее освоенным «российским элементом», что требовало от российского правительства соответствующих мер на ближайшую перспективу⁵.

Победа России в войне 1787-1791 гг., окончательный разгром движения шейха Мансура позволяет на первый взгляд, активизировать России свою деятельность на Северном Кавказе. Но противоборство в регионе России, Турции и Иране продолжалось, к тому же мощным катализатором горско-российских столкновений продолжали являться набеговая система и работорговля. В данном внешне и внутривнутриполитическом контексте объявленное Екатериной II в 1792 г. разрешение принять под протекторат народы Северного Кавказа было сопряжено с немалыми трудностями⁶. По-видимому, екатерининский указ от 28 февраля 1792 г. должен был закрепить существующее положение вещей в регионе после окончания османско-российской войны 1787-1791 гг. Но в реальности обеспечить стойкую внешнеполитическую ориентацию горских владетелей и народов (а именно это в принципе предполагает режим протектората) было довольно сложно не только в силу происков Турции и Ирана, но и вследствие догосударственного уровня развития большинства местных народов, а также непрекращаю-

¹ Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации... С.50-51.

² Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.153-154.

³ АВПРИ. Ф.115. Кабардинские дела. 1763-1792 Оп.115/2. Д.15. Л.233.

⁴ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 50-е гг. XIX в.) – Орджоникидзе, 1970. С.268.

⁵ ИНСК. Т.1. С.452.

⁶ АКАК.- Тифлис, 1869.Т.2. С.123-124.

щихся набегов на Кавказскую Линию в нарушение ранее принятых «подданныхческих» присяг¹.

Кабарда, находившаяся в составе Российской Империи при наличии «международного признания» по договорам 1774 и 1791 гг. в этих обстоятельствах могла рассматриваться российскими властями в качестве своеобразного «полигона» (без изначального придания данному слову военного содержания) для попыток привнесения реального содержания в вассально-подданныческую схему взаимоотношений в рамках обозначившейся концепции протектората над горскими народами.

Известно, что среди народов Северного Кавказа - «подданных» России до 90-х гг. XVIII в. не было каких-либо элементов российского судопроизводства. Со стороны российских властей представлялось довольно логичным апробировать элементы собственной судебной власти именно в Кабарде — наиболее социально-экономически и военно-политически развитом районе Центрального Кавказа.

В 1793 г. в Кабарде были учреждены родовые суды и расправы². Они не являлись сколь-нибудь масштабным внедрением российских судебных порядков на кабардинскую почву. Только Верхний пограничный суд, во главе которого стоял моздокский комендант и куда входил российский пристав в Кабарде, судил «по российским законам измены, разбои, грабежи и воровства, убийства, а также имел право апелляции на родовые суды и расправы по гражданским искам»³.

«Прививание» Россией элементов своей правовой культуры кабардинцам имело целью преодоление тех черт традиционного уклада кабардинских феодалов, которые были слабо приемлемы для российского видения характера взаимоотношений с народами Северного Кавказа. Однако большая часть кабардинских феодалов и явно протурецки настроенное мусульманское духовенство Кабарды выступили против судебных нововведений, усмотрев в них покушение на традиционные «права» и «вольности»⁴. Можно отметить, что «горизонтальная» социальная организация кабардинцев объективно не нуждалась в административно-политических конструкциях, связанных с российской властью в регионе. Однако и Россия не могла действовать в ущерб собственным интересам, на все времена соглашаясь с традиционалистской схемой устройства Кабарды в условиях возобновившейся в 1793 г. деятельности среди кабардинцев турецких агентов⁵.

¹ АКАК. - Тифлис, 1866. Т.1., ч.2. С.716, 723-724.

² РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.37. Л.41-42.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.2. С.265.

⁴ Там же.

⁵ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. - СПб., 1886. С.296.

Сначала слабо организованные антироссийские выступления в Кабарде приобретают характер «шариатского движения», направленного на установление «духовного суда»¹.

Очевидно, что в Кабарде существовали и пророссийская, и протурецкая «партии», чему способствовали регулярные усобицы князей. Но надо заметить, что интегрирование в российское «государственно-правовое поле» не вызывало восторга и у ранее пророссийски настроенных феодалов, что и проявилось уже в ходе восстания 1794 г.

Российские власти по-прежнему пытались заручиться поддержкой кабардинского «черного народа» в противовес «фрондирующим» феодалам, что привело к соответствующей реакции со стороны последних. При этом очередные данные кабардинскими феодалами присяги на верность России не выполнялись².

Представляется, что «шариатское движение» как возможный вариант трансформации кабардинского общества возникло во многом не в следствие учреждения «родовых судов» и «расправ» (и, тем более не в силу некоей «колониальной политики», в которой Россия декларативно и догматизированно обвиняется на протяжении целого ряда десятилетий), а в значительной степени по внутренним причинам. К ним можно отнести рост влияния духовенства на фоне общей исламизации, а также необходимость консолидации феодалов перед опасностью выступлений крестьян, находившихся в жесткой зависимости.

В начале-середине 90-х гг. XVIII в. стратегически важным для российской политики регионом оставался Дагестан, где продолжалось соперничество российской империи, Турции и Ирана. После поражения в войне 1787-1791 гг. Османская империя, подстрекаемая западноевропейской дипломатией, стремились вернуть утраченные позиции на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье. К тому же именно в это время Иран вышел из династических распрей и пришедший к власти Ага-Мухаммед-хан имел широкую программу экспансии на Кавказе, пытаясь завуалировать ее показным миролюбием по отношению к России³. И турки, и иранцы не оставляли попыток «переориентировать» на себя феодальных владетелей Дагестана⁴.

В то же время группы северокавказских горцев, заселявшие равнины Северо-Восточного Кавказа с разрешения российских властей,

¹ См.: Туганов Р.У. Шариатское движение против царизма в 1799-1807 гг. // Живая старина. 1991. №1.

² Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.171-173.

³ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке.- М., 1966. С.284.

⁴ АВПРИ. Ф.77. Оп.77/6.1791-1793 г. Д.486. Л.35-36.

не прекращают набегов на Кавказскую Линию в нарушение ранее принятых «подданнических присяг»¹.

Для обеспечения безопасности российских рубежей в регионе, определявшихся Кавказской Линией, в 1792 г. принимается решение заселить правобережную Кубань казаками Черноморского и Донского войск. Под защитой казачьих крепостей и станиц начинается заселение этого района и другими группами российских переселенцев².

Практически сразу после расселения казаков в Черномории и на Линии (то есть по Средней Кубани) начинаются горские набеги с целью захвата скота, имущества и людей, убытки от которых исчислялись тысячами рублей³. Если учесть, что возводимые Россией укрепления располагались не на адыгских землях⁴ и российские высшие власти отказались накануне от рассмотрения варианта присоединения Закубанья в ходе осmano-турецкой войны 1787-1791 гг., набеги западных адыгов можно оценивать как «промысловые».

Тем не менее российская сторона пыталась наладить торговый обмен с «закубанцами», местами довольно льготный для последних. В 1795 г. на Черноморской кордонной линии было создано три меновых двора⁵.

В начале-середине 90-х гг. XVIII в. замедляются темпы христианизации осетин и ингушей, в связи с этим в 1793 г. была упразднена Осетинская духовная комиссия⁶.

Осуществленный в 1795 г. Ага-Мухаммед ханом иранским разгром Восточной Грузии, находившейся под российским протекторатом, поневоле склонил Россию к активизации политики на Восточном Кавказе. В 1796 г., происходит «персидский поход» российских войск под начальством генерал-поручика графа Зубова. Данный ему Екатериной II рескрипт предполагал перспективу постепенного интегрирования Дагестана в российское политическое, правовое и культурное пространство⁷.

В ходе «персидского похода» влияние России и в Дагестане, и на Восточном Кавказе в целом заметно возросло, и сам поход к концу

¹ АКАК.Т.1., ч.2...- С.716, 723-724; Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 годах// Научная мысль Кавказа.- 2004. №1. С.53.

² ИНСК. Т.1 С.462.

³ ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.57.

⁴ Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации... С.38-39.

⁵ РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.37. Л.1-1об, 4об; ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.222. Л.18; Д.332. Л.11об; Д.337. Л.17.

⁶ АВПРИ. Ф.115. 1763-1792 г Оп. 115/2. Д.15. Л.229-233; Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – Москва-Пятигорск, 1992. С.88.

⁷ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.2799. Л.6-9.

1796 г. поход был близок к победному завершению. Однако представляется, что утвердить за собой оказавшиеся под ее контролем территории Восточного Кавказа для России было весьма проблематично, в силу причин как внутренних, так и внешних¹.

«Персидский поход» был прекращен по личному распоряжению императора Павла I, вступившего на престол в конце 1796 года. Данный шаг рассматривался как признак колебаний и нерешительности и в обобщающих кавказоведческих трудах советского периода² и в дореволюционной историографии³.

Сложнее определить истинные причины такого поворота российской кавказской политики (если не сводить все к констатации большого желания Павла I делать все наперекор своей матери, как то было характерно для многих и дореволюционных и советских историков). С. Жигарев, следуя в известной мере стандарту противопоставления Павла I и Екатерины II, утверждал, что «император Павел I (1796-1801) выразил желание в делах внешней политики России не следовать правилам своей родительницы, соображенных на взглядах «приобретений»... совершенно отказался от всякого желания завоевания⁴. Существовало мнение, что осложнение обстановки в Западной Европе требовало от Павла I поступиться частью интересов империи на Кавказе⁵.

Комментируя точку зрения С. Жигарева, можно заметить, что екатерининская политика на Северном Кавказе не столь уж была направлена на завоевания ради завоеваний. Здесь же можно оговориться, что значимые для России осложнения внешнеполитической ситуации в Европе начались еще в конце правления Екатерины II.

Относительно оценки характера кавказской политики Павла I существует немалый «разброс» мнений историков⁶.

Но, так или иначе, кавказская политика Павла I (а мероприятия на Северном Кавказе — ее органическая и неотъемлемая часть) претерпела в сравнении с предыдущем правлением ряд существенных изменений, нуждающихся в анализе.

Свое видение кавказской политики Павел I изложил тогдашнему командующему на Кавказской Линии генералу И.В.Гудовичу в рескриптах начала 1797 г. Прекратив «персидский поход», Павел I рассчи-

¹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.181-182.

² ИНСК. С.15.

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 3. С.204.

⁴ Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. — М., 1896. С.243.

⁵ История дипломатии.- М., 1941. Т.1. С.353.

⁶ Виноградов Б.В. Кавказская политика Павла I: мнения и оценки // Вопросы северокавказской истории. Вып.3.- Армавир, 1998. С.46-57.

тывал умиротворить Иран и Турцию, планировал создание пророссийской «федерации» из владетелей Восточного Кавказа, что, по мысли императора, должно было избавить Россию от необходимости вступать за них «вооруженной рукой» перед лицом тех же восточных держав. Просматривается «вассальное» понимание Павлом I статуса горских народов, желание невоенных мер в урегулировании местной обстановки. В «программных» павловских рескриптах наблюдались поиски российским правительством наиболее приемлемых вариантов взаимодействия с народами Северного Кавказа и некоторыми областями Закавказья. Будучи информированным о положении в Кабарде, император не стремился к расширению «географии» элементов российского судопроизводства в регионе¹.

Период с конца 1796 по 1799 год можно выделить в отдельный своеобразный этап в кавказской политике Павла I. Его нельзя однозначно назвать ослаблением России в регионе, скорее следует отметить как попытку реализации тех «программных установок», которые более изложены в рескриптах Павла I в начале 1797 г.

С конца 1796 г. по конец 1798 г. наблюдался в значительной степени отказ от протектората над Восточной Грузией. Это можно связать и с утопичными на поверку расчетами Павла I по умиротворению Ирана, и с павловским же планом включения Грузии в «федерацию» горских владетелей Восточного Кавказа².

Хотя «персидский поход» и был прерван Павлом I, российская политика в Дагестане имела немалую преемственность с предшествующим временем. Это проявилось в небезуспешных попытках поддержания российского «подданства» среди ряда дагестанских феодалов, которым выражалась благодарность и за недавние антиперсидские действия. По-прежнему опорой российского влияния на Северо-Восточном Кавказе оставался шамхал тарковский, самый крупный феодальный владетель Дагестана³.

Однако, дагестанские феодалы испытывали политический нажим со стороны Ирана, который не собирался сдавать позиции в регионе. Не собиравшийся «умиротворяться» Ага-Мухаммед хан разослал им фирманы вполне недвусмысленного содержания⁴. Поэтому пророссийски настроенные владетели оказались в весьма сложном положении.

¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т.3. С.199; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.298.

² Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). Армавир-Славянск-на-Кубани, 1999. С.11-15.

³ АВПРИ. Ф.77. Оп. 77/6. 1799-1800 г Д.472. Л.145, 148, 195, 228; АВПРИ. Ф.77. Оп. 77/6. 1792-1798 г Д.484. Л.680-682.

⁴ АВПРИ. Ф.77. Оп. 77/6. 1791-1800 г Д.472. Л. 228.

Можно предполагать, что изначально Павел I не мог спрогнозировать модель поведения дагестанских феодалов в изменившихся условиях (отзыв корпуса В.А. Зубова и проект «федерализации»), отсюда проистекала известная осторожность, не противоречившая, правда, в принципе предшествующей методике действий российской стороны в регионе.

Среди дагестанских владетелей кроме пророссийской продолжали существовать и проиранская, и протурецкая «партии», имевшие, в частности, конкретный интерес – продолжение набеговой экспансии на Восточную Грузию¹.

Представляется, что действия России в Дагестане определялись реальными обстоятельствами и политическими умонастроениями местных владетелей, вряд ли осведомленных о нюансах «федеративного проекта» императора Павла I. К тому же между дагестанскими феодальными владетелями традиционно наличествовали противоречия, распри и военные столкновения. Российское военное командование на Кавказской Линии, кизлярские коменданты пытались быть арбитрами в местных «усобицах». Но стоило им поддержать одного из участников раздора, другой (другие) обратились за помощью к Ирану или Турции. Вместе с тем, если бы российская сторона не пыталась бы выступать арбитром в урегулировании местной обстановки, эти функции однозначно перешли бы к восточным державам, со всеми вытекающими последствиями.

Важным моментом для общей оценки павловских подходов к разрешению противоречий обстановки на Северном Кавказе явилось допущение разбирательства дел в Верхнем пограничном суде в Моздоке по законам местных народов, а также фактическое подчинение его Коллегии иностранных дел. Приставы к горским народам тоже должны были назначаться из Коллегии иностранных дел².

Степень реализма данных нововведений (несмотря на их явную концептуальность) остается дискуссионной. Это определяется различными «цивилизационными» и конфессиональными особенностями «своих судов» местных народов и Верхнего пограничного суда, а также степенью компетентности присланных от Коллегии иностранных дел чиновников в качестве администраторов на Северном Кавказе.

Тем не менее, это была попытка (не первая и не последняя со стороны России) апробации своеобразной модели отношений с северокавказскими народами.

¹ АВПРИ. Ф.77. Оп. 77/6. 1799-1800 г Д.490. Л.316; Романовский Н. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. С.84.

²АВПРИ. Ф.118. Оп. 118/1. Д.19. Л.2,3,4,5.

По-прежнему большей сложностью, чем с феодальными владельцами, отличались контакты российских властей с «вольными» обществами, хотя и здесь были случаи накануне вступления Павла I на престол присвоения российских воинских званий некоторым чеченским старшинам¹.

В то же время продолжают чеченские набеги на Кавказскую Линию и во внутренние районы Кавказа². Наличие последнего направления набеговой активности ярко свидетельствует о грабительской сущности набегов, несводимости их к каким-либо «партизанским мерам» борьбы с «колониальной экспансией» России³. Интересно, что набеги осуществлялись и из тех земель, на которые чеченцы сселялись с разрешения России.

Мощную инерцию набегам в российские пределы давал конфессиональный фактор. Вместе с тем, данная констатация не позволяет сводить весь спектр проблематики российско-горских взаимоотношений к «мусульманскому повстанчеству» в регионе против России⁴. Ибо если это бы было так, османские призывы к «священной войне» против русских находили бы однозначную поддержку у местного населения, чего не отмечалось в ходе османо-российских войн второй половины XVIII в. и не будет отмечаться во время последующих войн двух империй в веке XIX-м. Следует, видимо, признать, что исламский фактор не являлся самодостаточным явлением, а наслаивался на особенности горского традиционного уклада по части освещения набеговой экспансии, придания ей антироссийской, антихристианской направленности. Но это в принципе не исключают позитивных контактов российских властей с местным населением, в массе своей исповедовавшим ислам или находившимся в процессе исламизации.

Концептуально интересно то, что в документах последних лет XVIII в., исходящих от российского командования, чеченцы упоминались среди других «подвластных» империи народов⁵.

Нюансы обстановки на Северо-Восточном Кавказе в первые месяцы правления Павла I определялись последствиями прекращения «персидского похода» 1796 г. Именно таким последствием было переселение 500 семей армян, поселенных на Кавказской Линии. Большое количество армян в 1797 г. разместились в Моздокском и Кизлярском

¹ Колосов Л.Н. Русско-чечено-ингушские отношения на рубеже XVIII-XIX в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа.- Грозный, 1982. С.307.

² АКАК.Т.1., ч.2. С.716, 723-725.

³ См.: Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе. Круглый стол // Научная мысль Кавказа. 2007. №2. С.54.

⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи... С.95, 96.

⁵ Волкова Н.Г. Указ. соч.- С.119.

уездах Кавказской губернии, причем основная масса этих переселенцев обосновывалась в Кизляре и Моздоке¹.

Непростой в 1797-1798 гг. оставалась обстановка в Кабарде. «Подданническая присяга» Павлу I состоялась здесь лишь в конце 1797 г., да и то под военным нажимом².

Присяга кабардинцев Павлу I не свидетельствовала о каком-то неопределенном статусе Кабарды в понимании российского императора, просто в то время (да и позднее) повторные в сущности присяги принимались в случае изменения внешнеполитических обстоятельств и перемен на российском престоле. С другой стороны, понуждение кабардинцев к присяге позволяет предполагать, что предшествующее начало сопротивления родовым судам и расправам, стремление кабардинских феодалов к доминированию на Центральном Кавказе обуславливали скрытое нежелание немалой части кабардинских социальных верхов признавать себя подданными России.

Кроме прочего кабардинским князьям теперь не нравилось общение «напрямую» российских властей с балкарцами³.

Вместе с тем, в Кабарде вызревало «шариатское движение», начало которого принято относить в 1799 г.⁴ Движение возглавил Адиль-Гирей Атажукин, брат Измаила Атажукина, подполковника российской армии.

Просматривается тенденция, что кабардинские феодалы были не против жить с Россией в мире (в своем его понимании), но такое мирное сосуществование не предполагало признания статуса Кабарды после 1774 г., зато предусматривало сохранение собственного доминирования над народами Центрального Кавказа, Подобная схема была неприемлема для России, а любые интеграционные мероприятия российских властей торпедировались и феодалами, и духовенством, традиционно протурецки настроенным.

На Северо-Западном Кавказе в первые два года павловского правления российская сторона была занята по-преимуществу контролем границы по р. Кубань и отражением набегов западных адыгов, формально подвластных Турции. Набеги эти были весьма частыми и не слишком обремененными идеей «освободительной борьбы», имея промысловый характер⁵. Правда, нельзя сбрасывать со счетов недавнее участие «закубанцев» в антироссийских действиях шейха Мансу-

¹ ИНСК Т.1- С.457, 460.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3- С.306.

³ Хакулова Л.М. Российско-кабардинские отношения в 60-90-х годах XVIII в. Дис... канд. ист.наук.- Грозный, 1985.- С.143.

⁴ См.: Туганов Р.У. Указ. соч.

⁵ ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.57. Л.2, 32-32об, 114, 123, 133, 144-144об, 149, 170-170об, 270-271, 278.

ра, что обуславливало религиозное побуждение к набегам, а также происки беглых кабардинских феодалов. К тому же и Османской империи были объективно выгодны новые «неспокойствия», доставляемые горцами российской стороне. Поэтому предельно спорным выглядит утверждение, что «в целях самозащиты черкесские отряды стали устраивать нападения на Черноморскую Линию, стремясь отодвинуть ее от своих непосредственных границ»¹.

Не менее частыми и разорительными были набеги западных адыгов на поселения Линейного казачества Средней Кубани².

Таким образом, набеги горцев становились почти повседневной реальностью. А ведь еще в конце екатерининского правления Россия пыталась наладить с западными адыгами экономические связи, даже с предоставлением им значительных льгот³, однако ценности традиционного уклада в сознании закубанцев тогда зачастую перевешивали стремление к мирному сосуществованию.

В отражении грабительских рейдов Россия в 1797-1798 гг. использовала тактику укрепления кордонных линий и разведки планов набегчиков, степень эффективности которой была недостаточной⁴.

Преследование участников набегов на левом берегу Кубани практически запрещалось Павлом I в контексте и без того непростых отношений с Турцией, и самовольные действия за Кубанью с целью возмещения ущерба от набега («барантование») влекли за собой наказание виновных⁵. Такой подход сохранялся вплоть до заключения 23 декабря 1798 г. «союзного и оборонительного» договора с Османской империей, обусловившего заметное ослабление напряженности на Северном Кавказе и в Закавказье⁶.

Показательно, правда, и то, что анапские турецкие власти были не в состоянии ни предотвратить набеги «закубанцев», ни полностью возместить российской стороне убытки от них, так как западные адыги (в том числе согласно уровня своего стадийного развития) фактически не признавали себя подданными Порты⁷. Но туркам, в принципе, было и не обязательно действительное их подчинение для того, чтобы иметь в Закубанье плацдарм на случай антироссийских действий.

¹ Чирг А.Ю. Краткая история Черкесии (с древнейших времен до начала XIX века) // Гибель Черкесии.- Краснодар, 1994. С.35.

² ГАСК. Ф.105. Оп.1. Д.460. Л.1; Д.57. Л.38.

³ РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.37. Л.1об-2, 4об.

⁴ ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.57. Л.1,2,5, 11-12.

⁵ Колесников В.А. Донцы на Кубани.- Ставрополь, 1995. С.20.

⁶ Шильдер Н.К. Император Павел Первый.- СПб, 1901. С.398.

⁷ ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.57. Л.58, 61, 66-66об, 196; Ф.249 Оп.1 Д.365. Л.64-64об, 65.

Взаимоотношение с западными адыгами и России, и Османской империи невозможно анализировать без учета особенностей стадияльного уровня первых. Оценка стадияльного уровня западных адыгов достаточно дискуссионна в исследованиях дореволюционных, советских и современных российских кавказоведов¹. На фоне данной дискуссионности в последние годы вышел ряд научных работ, где вольно или невольно завышается уровень социально-политической организации «закубанцев», исходя из априорной установки о существовании у них государственности².

С подобной позиции весьма специфично рассматривается характер взаимоотношений западных адыгов и с Россией, и с Османской империей, а до 1783 года — и с Крымским ханством.

Закубанцы действительно не признавали власть анапской турецкой администрации, а попытки турок в конце XVIII в. создать у них подобие административной системы с опорой на местную аристократию фактически провалились³. Однако, весьма важно то, почему западные адыги не признавали себя подданными Османской империи: то ли по причине наличия у себя собственных институтов государственной власти, то ли, напротив, по причине их отсутствия, а следовательно — неимения традиции интеграции в государственную систему управления. Второе представляется более соответствующим исторической действительности и конца XVIII, и начала XIX века. Данный фактор, в совокупности с набеговой системой и внешнеполитическими обстоятельствами, создавал труднопреодолимые препятствия во взаимоотношениях закубанских адыгов с Российской империей в широком хронологическом диапазоне.

Показательно, что попытки автоматического придания государственного статуса феодальным владениям и даже «вольным» обществам Северо-Восточного и Центрального Кавказа тоже достаточно распространены среди части современных кавказоведов, и не только дезориентируют перспективы исследования стадияльного уровня мест-

¹ См. подробно: Пчегатлук С.К. Социальный строй западных адыгов в первой трети XIX века (к историографии проблемы) // Информационно-аналитический вестник. Вып.3.- Майкоп, 2000. С.32-41; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004. С.109-120.

² См., например: Панеш А.Д. Общественно-политическое развитие западных адыгов в 30-40-х гг. XIX в.// Информационно-аналитический вестник. Вып.5.- Майкоп, 2002; Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой половине XIX века // Информационно-аналитический вестник. Вып.6,7.- Майкоп, 2003; Чеучева А.К. Политика Турции по отношению к Черкесии в конце XVIII- начале XIX в.// Информационно-аналитический вестник. Вып.8.- Майкоп, 2004 и др.

³ Чеучева А.К. Указ.соч. С.127-128.

ных народов, но и закономерно затрудняют объективный анализ российско-северокавказского взаимодействия¹.

...И все же контакты российской стороны (в частности – казачества) с «закубанцами» не могли исчерпываться столкновениями. Происходит «меньба» соли на хлеб, наблюдаются элементы сотрудничества российских властей и социальной верхушки западных адыгов². Правда, как и на Северо-Восточном Кавказе, последний аспект был характерен для взаимодействия с «владельческими князьями», а не с «вольными» обществами.

Несмотря на первоначальный запрет, Павел I разрешает принимать в «свое подданство» перебежчиков из Закубанья, но без права феодалов на начальство над единоплеменниками внутри кавказской Линии, в рамках Астраханской губернии (в которую император переименовал Кавказское наместничество)³.

Хотя изначально Павел I предписывал контролировать обстановку на Северо-Западном Кавказе без привлечения дополнительных войск, в 1798 г. обстоятельства потребовали строительства новых укреплений, близких к Кубани. Кавказская Линия была усилена военной линией по р. Малке, укрепления возводились и в верховьях Подкумка⁴. Это должно было сблизить военные линии, проходившие по Тереку и Кубани, следовательно, имело задачи стратегические, а не колонизационные.

Укрепление позиций России в регионе в конце XVIII в. было немислимо без использования казачества. Уже в первые два года правления Павла I по отношению к казачеству обозначились принципы и тенденции, свидетельствовавшие о продолжении процесса его подчинения государственной власти (тенденция эта сохранится и в последующем). Кавказское казачество при Павле I предполагалось превратить в надежный инструмент проведения государственной политики, из чего, однако, не вытекает, что император готов был видеть казачество социальным слоем, пользующимся неограниченными привилегиями среди местных народов⁵.

¹ См.: Виноградов Б.В. К оценке стадийного уровня горских народов в контексте исследования российско-северокавказских взаимоотношений // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез).- Армавир, 2007. С.62-66.

² ГАКК. Ф.249 Оп.1 Д.365. Л.6, 20, 25-25об, 39-39об. Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII- первая половина XIX в.). - Пятигорск, 2002. С.108; ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.57. Л.260-260об.

³ АВПРИ. Ф.115. 1796-1799 г Оп. 115/II. Д.3. Л.4-4об, 5; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII- первой половине XIX в. Социально-экономический очерк.- Краснодар, 1989. С.151-153.

⁴ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т.3. С.203; ИНСК Т.1 С. 462-463.

⁵ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI- XVIII вв.).- СПб, 1996. С.213-214; Виноградов Б.В. Северокавказское казачество и государственная власть: некоторые аспекты взаимоотношений в конце XVIII- первой половине XIX в. // Казачество юга России: история и современность. - Краснодар, 2002. С.38.

«Союзный и оборонительный договор» с Турцией и изменение взгляда Павла I на перспективы отношений с Восточной Грузией повлияли на обозначившуюся в 1799 г. активизацию российской политики на Северном Кавказе.

Как и раннее, главным объектом внимания российской политики на Северо-Восточном Кавказе оставался Дагестан. Продолжались контакты с местными владетелями — «подданными» России, налаживались связи с феодалами, проявлявшими пророссийскую ориентацию. Пророссийские владетели получали чины, а иногда и генеральские звания (Мехти шамхал тарковский) и вновь приводились к присягам¹. Вместе с тем, среди местных владетелей четко и надолго обозначилась группировка с труднопредсказуемой внешнеполитической ориентацией в главе с Шейх-Али-ханом дербентским и Сурхай-ханом казикумухским².

Избавившись от химеры умиротворения Ирана, Павел I предписывал дагестанским владетелям, своим «подданным» в случае агрессии персов действовать совместно с войсками ген-лейт. К.Ф. Кнорринга (нового командующего на Линии), что выглядит коррективом ранних предписаний о полном военном невмешательстве в защиту замышляемой федерации от внешних врагов³.

В условиях постоянных усобиц дагестанских феодалов их «федерализация» затруднялась, поэтому российская администрация старалась действовать осмотрительно. Осторожность и осмотрительность были в достаточной мере присущи генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу, явившемуся, пожалуй, наиболее подходящим исполнителем предписаний императора Павла.

В 1799-1800 гг. российской администрации пришлось столкнуться с фактами, когда владетели Дагестана искали российского покровительства для достижения планов в сущности антироссийских и антигрузинских. Наиболее яркий пример – Умма-хан аварский, отстаивавший фактически вместе со своими союзниками (и при иранской поддержке) свое «право» на грабеж Картли-Кахетии, в отношении которой Россия начинала процедуру присоединения⁴.

Осложняла отношения российских властей с рядом кумыкских феодалов проблема «пленопродавства», органически связанная с набеговой экспансией в Грузию⁵.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3- С.314; Джахиев Г.А. Указ. соч. С.20.

² АКАК.Т.1. С.642, 643.

³ АКАК.Т.1. С.110.

⁴ Там же.- С.108, 136, 137, 142, 144, 165-167, 170, 175-177.

⁵ ЦГАРД. Ф.339. Оп.1. Д.125. Л.27; АКАК.Т.1...- С.186-187, 731; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.323; Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII- первой половине XIX в.// Вопросы северокавказской истории. Вып.9.- Армавир, 2004. С.21.

Нестабильность на Северо-Восточном Кавказе на рубеже XVIII-XIX вв. определялась и набегами чеченцев. В 1800 г. К.Ф. Кноррингу удается дипломатическим нажимом без применения силы склонить равнинных чеченцев к очередной присяге и отказу от набегов на Кавказскую Линию¹.

Для российской стороны по-прежнему трудно было добиться исполнения чеченцами подданнических присяг, хотя бы уже потому, что последние (как в принципе и другие этнические группы региона) не могли и не хотели отказываться от набегов, как составной части традиционного уклада. Явно догосударственный уровень развития чеченцев, отсутствие у них соответственных «феодалных кадров» также затрудняли их взаимодействие с российской стороной. «Репрессалии» за набеги периодически обрушивались и на «мирных» чеченцев, ответственных за недопущение набегов на Кавказскую Линию, но, как правило, не выполнявших данное условие. Неоптимальность ответных мер России не могла здесь перевесить иную крайность: в случае неприятия подобных мер набеги возросли бы лавинообразно.

На рубеже 1800-1801 гг. проблема взыскания за набеги осложнила обстановку на Северо-Восточном Кавказе в целом². А так как на проведение каждой репрессалии генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг «испрашивал» высочайшего разрешения, местные российские власти были фактически лишены возможности оперативного реагирования на кризисные ситуации.

В зоне пристального внимания российской администрации в 1799-1801 гг. оставалась Северная Осетия (чье российское подданство по-прежнему фактически оспаривали кабардинские князья). Теперь это определялось и подготовительными мероприятиями по присоединению к России Восточной Грузии, необходимостью благоустройства Военно-Грузинской дороги. Как и все горцы региона, осетины не были чужды набеговых «предприятий», что создавало известные проблемы³. Это может свидетельствовать о недостаточной христианизации осетин, охрании ими традиционного уклада⁴.

В 1799 г. продолжалось весьма льготное расселение и обустройство на Северо-Восточном Кавказе и Предкавказье армян, покинувших Закавказье с прекращением «персидского похода». Армянские переселенцы получали ряд привилегий и элементов внутренней авто-

¹ АКАК.Т.1. С.715, 716, 723-724; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003. С.133.

² АКАК.Т.1. С.733-735; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.336.

³ АКАК.Т.1. С.754, 717; Берозов Б.П. Указ. соч. Ч.3. С.61-62.

⁴ Дзеранов Т.Е. Русская культура и духовно-религиозные процессы в Осетии в XVIII- начале XX в. Дис... канд. филос. наук. – Махачкала, 2001. С.44.

номии¹, что можно сопоставить с павловскими распоряжениями по управлению некоторыми западными «иноэтничными» областями государства².

В 1799-1801 гг. обстановка в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе в значительной степени определялась теперь уже в полном объеме начавшимся в среде кабардинских социальных верхов шариатскими движением. Лидерам движения Адиль-Гирею Атажукину и Исхаку Абукову удалось консолидировать кабардинскую аристократию и многочисленное узденство, и, разумеется, мусульманское духовенство³.

Попытки К.Ф. Кнорринга добиться восстановления функционирования родовых судов и расправ имели эффект кратковременный⁴, а бежавший за Кубань Адиль-Гирей Атажукин не без успеха разворачивает антироссийскую агитацию среди местных народов и налаживает контакты с турками в Анапе⁵. В то же время Адиль-Гирей стремился вывести из Кабарды своих подданных и «согласил почти весь абазинский народ... уйти за Кубань, обещая им полную не от кого независимость». Этому помешало лишь вмешательство российских войск⁶.

Анализ событий позволяет утверждать, что шариатское движение имело цель не только установление духовного суда в Кабарде, но и масштабный подрыв позиций России на Северном Кавказе.

Следует заметить, что в программе «шариатистов» содержались элементы идей социального равенства не шедшие, правда, дальше равенства внутри различных слоев господствующего класса Кабарды. Весьма вероятно, что эти идеи были навеяны французской революцией, о которой Адиль-Гирей мог узнать от своего брата Измаила Атажукина, европейски образованного российского офицера, с которым он находился некоторое время в ссылке в Екатеринославле⁷.

В мае 1800 г. К.Ф. Кноррингу удается, используя агитацию про-росийски настроенной части кабардинских феодалов и угрозы применения силы, склонить кабардинцев к очередной «подданической присяге» и отказу от «клятвы к введению духовного суда». Были про-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.425; Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период.- Махачкала, 1990. С.129.

² Шильдер Н.К. Указ. соч. - С.304, 320; Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – Петроград, 1916. С.426.

³ РГВИА. Ф.26. Оп.1/152. Д.50. Л.366;Туганов Р.У. Указ. соч. С.10-11; Мальбахов Б.К. Указ. соч. С.134.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.560-561.

⁵ Мальбахов Б.К. Указ. соч. С.137.

⁶ АКАК.Т.1...- С.719-720; Абазины (историко-этнографический очерк).- Черкесск, 1989. С.21.

⁷ Кумьков Т.Х. Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX в.- Нальчик, 1991. С.22; Виноградов А.В., Виноградов Б.В. Французская революция: эхо в кавказских горах (Павел I и Измаил-бей) // Проблемы всеобщей истории. Вып.1.- Армавир, 1995. С.33.

ведены выборы нового состава родовых судов и расправ¹. Вместе с тем, подавить движение как таковое не удалось, и вскоре волнения в Кабарде возобновятся.

К 1800 г. относится рескрипт Павла I, где признается более вассальное, чем подданническое положение горских народов по отношению к России. Однако, призыв Павла I «меньше мешаться в дела горских народов, покуда не будут касаться до границы нашей»² в контексте масштабов и целей шариатского движения не мог быть примененным в полном объеме.

К тому же, постоянной бдительности российских властей требовала обстановка на Северо-Западном Кавказе. И хотя по договору с Турцией российская сторона могла преследовать участников набегов за Кубанью и более настоятельно требовать у турецких властей в Анапе возмещения за «уворованное», набеги «закубанцев» на Кавказскую Линию не ослабевали³. Основной мерой со стороны российских властей и казачества оставалось укрепление кордонов⁴, что само по себе не могло предотвратить «прорывы» из-за Кубани.

В 1800 г. был образован новый кордон от Тамани до Усть-Лабинской крепости, что тоже не привело к стабилизации обстановки⁵.

В то же время, продолжались и переходы на российский берег Кубани для жительства части ногайцев и западных адыгов, разрешенные в конечном итоге Павлом I в августе 1800 г.⁶

Переходы части западных адыгов на российский берег Кубани могли быть связаны не только с традиционными и постоянными усобицами в местной среде, но и с долговременными последствиями борьбы между западноадыгскими «аристократическими» и «демократическими» племенами, важной вехой которой стала Бзюкская битва июня 1796 г.⁷

Заметим, что на длительную перспективу менее социально стратифицированные, не имевшие феодальной аристократии, но в достаточной мере ориентированные на набеговый промысел «демократические» племена будут представлять для российских властей намного большую проблему, чем племена «аристократические».

Довольно показательным представляется подход Павла I к урегулированию конфликта, возникшего между переселившимися из Ас-

¹ АКАК.Т.1. С.722-723.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.319-320; Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе.- Киев, 1913. С.83.

³ ГАКК. Ф.250 Оп.2 Д.3. Л.3-3об, 4.

⁴ Там же. Л.2.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3- С.310; АКАК.Т.1. С.737.

⁶ ГАКК. Ф.250 Оп.1. Д.57. Л.274-274об.; Оп. 2. Д.19. Л.2,1; Покровский М.В. Указ. соч. С.153.

⁷ Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г.- Краснодар,1996. С.208-210.

траханской губернии на Дон калмыками и Донским казачьим войском. В итоге император встал на сторону калмыков, «отлучил» от власти над ними войсковое начальство и наделил их немалыми привилегиями¹. Это можно трактовать как факт признания вассального статуса калмыков в границах империи, что косвенно подтверждает «вассальное видение» Павлом народов Северного Кавказа.

Несколько сложнее складывались отношения российских властей с ногайцами. Если их действия затрагивали региональные интересы России, не исключалось и применение силы. В то же время российская администрация должна была защищать ногайцев от набегов западных адыгов².

Вассальное видение Павлом I статуса местных народов проявилось в 1800 г. в назначении приставом «к делам калмык и других азиатских народов» коллежского советника Коллегии иностранных дел Макарова. «Наставление» Макарову и другие нюансы региональной политики, позволяют утверждать, что правительство Павла I не рассматривало на ближайшую перспективу возможность распространения на горские и кочевые народы Северного Кавказа конкретных российских административных порядков и предпочитало дипломатические способы в разрешении конфликтных ситуаций (в том числе – связанных с набегам)³.

Предписания коллежскому советнику Макарову являлись по сути попыткой введения элементов гражданского управления народами Северного Кавказа – «вассалами» России. Однако, этнополитическая специфика региона объективно не способствовала развитию данного проекта. К тому же Макаров все равно зависел от военных властей и был объективно не в состоянии самостоятельно контролировать ситуацию в регионе.

«Вассальное видение» императором Павлом I местных народов предусматривает осознание немаловажного нюанса. Вассалитет в европейском его понимании предполагает государственный уровень развития и общества в целом, и представителей феодальной иерархии. На Северном Кавказе ситуация была иной: у местных этнических групп не только не было государственности в адекватном восприятии данного понятия, но и слабо прослеживалась социальная стратифицированность общества. Отсюда неизбежно проистекали проблемы наполнения «вассалитета» конкретным содержанием. Ведь вассальное

¹ АКАК.Т.1... - С.722, 724, 725, 732-733; Чонов Е. Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г.- Пятигорск, 1912. С.27, 28.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.322; АКАК.Т.1. С.754.

³ АКАК.Т.1. С.727, 728, 729-730.

служению никак не должно предполагать грабежи и разбои на земле «сеньора». В то же время горцы как правило воспринимали свои «подданные» присяги как получение прав без каких-либо обязанностей, противоречивших их традиционному укладу.

В целом можно утверждать, что Павел I предполагал преобладание мирных способов в разрешении противоречий северокавказской обстановки.

Присоединение к России в 1801 г. Восточной Грузии обусловило изменение взгляда российского правительства на взаимоотношения с северокавказскими народами на перспективу, так как Северный Кавказ становился тыловой территорией, причем довольно беспокойной в силу как внутренних факторов, так внешнеполитических причин. Подобная «самобытность» горцев существенно затрудняла сообщения с уже присоединенной Восточной Грузией, которая в силу многовекового опыта государственности довольно быстро вовлекалась в систему российского государственного управления. Северокавказские же народы можно соотнести с государственным уровнем развития только с максимальным и презентивным по сути преувеличением. Хотя бы уже этот фактор делал затруднительным приведение к «общему знаменателю» грузинских и северокавказских подданных России в начале XIX в. Российским властям при Екатерине II и Павле I не удалось добиться прекращения набегов горцев на Кавказскую Линию и феодальных усобиц.

Таким образом, можно констатировать усиление позиций России на Северном Кавказе в период царствования Екатерины II (1762-1796 гг.). Это было связано с успешными войнами с Османской Империей (1768-1774, 1787-1791) и соответствующими мирными договорами 1774 и 1791 г., с разделом в 1783 г. Крымского ханства, в результате которого российская граница вышла на р.Кубань. Российское подданство принял ряд народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Однако, продолжавшееся соперничество за Кавказ с Турцией и Ираном, особенности стадийного уровня и традиционного уклада северокавказских горцев, их исламизация, обуславливали немалую затруднительность реализации тех проектов ненасильственной интеграции местных народов в орбиту российского управления, которые выдвигал Петербург.

Ставку на преобладание мирных методов предполагала и кавказская политика Павла I (1796-1801 гг.), что выразилось, прежде всего, в плане федерализации владетелей Восточного Кавказа. Однако, данный интегративный проект и «вассальное» видение императором Северокавказских российских подданных наталкивались на сохранявшиеся

дезинтегрирующие факторы внутрирегионального и внешнеполитического свойства.

Между тем, протекторат над Восточной Грузией (1783 г.), а особенно впоследствии ее присоединения к России (начало 1801 г.) обозначили Северный Кавказ в качестве тыловой территории Российской Империи. И на дальнейшую перспективу, особенности традиционного уклада и статуса горского населения региона все меньше соответствовали стратегическим интересам России.

ОЧЕРК V. ХАРАКТЕР ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I (1801-1816 ГГ.)

В сложившихся к началу XIX в. условиях, Россия, закономерно имевшая свои стратегические интересы на Кавказе и право на эти интересы, могла начать апробацию иных моделей взаимоотношений с горцами. Тем не менее, первое время правления Александра I характеризовалось определенной преемственностью с павловской северокавказской политикой. Это выразилось, прежде всего, в Георгиевском договоре 26 декабря 1802 г., который формально воплощал «федеративный» проект Павла I.¹

Показательно, что съезд владетелей Восточного Кавказа в Георгиевске уже проходил при назначенном в сентябре 1802 г. инспектором на Кавказской Линии и главнокомандующим в Грузии генерал-лейтенанте князе П.Д. Цицианове, с именем которого скоро будут связываться силовые акции против горцев. Значит, причины специфики его политики не в правительственных ему предписаниях, а в конкретных внутри и внешнеполитических обстоятельствах в регионе, затрагивавших стратегические интересы России и даже угрожавших им.

Проблемы, которые П.Д. Цицианову приходилось решать по преимуществу военным путем, обозначились еще до его назначения. Это касается и активизации набеговой экспансии из Дагестана на Картли-Кахетию (теперь российскую территорию), и попытки осетин парализовать своими нападениями Военно-Грузинскую дорогу (что совершалось при подстрекательстве Ирана)².

Таким образом, силовая схема отношений с рядом горских народов и владетелей – не концептуальное изобретение самого П.Д. Цицианова, а, скорее, его реакция на конкретную сложившуюся обстановку, которая во многом определялась вскоре начавшимися войнами с Ираном (1804 г.) и Турцией (1806 г.).

Следовательно, военные акции против Джаро-Белоканских лезгин в 1803-1804 гг.³ и силовое деблокирование Военно-Грузинской

¹ АКАК. Т.1. С.753-755; АКАК. Т.2. С.1009-1011.

² Захаревич А.В. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801-1802 гг.) // Исторические этюды №2. Изд.РГУ. - Ростов –на- Дону, 1997. С.54,60.

³ Потто В.А. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. Т. 1. - Ставрополь, 1994. С.308-310, 319, 320; Броневский С.М. Исторические Выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Иоанна Васильевича доныне. – СПб, 1996. С.150.

дороги¹ надо оценивать не как «агрессию царизма», а как меры вынужденные, внешнеполитически обусловленные (не преуменьшая при том их жесткость, соответствующую тому времени).

П.Д. Цицианов взял на вооружение «восточный стиль» письменного общения с владельцами Восточного Кавказа, исходя из нелишенной истины мысли, что азиатские народы мягкость и уступчивость принимают за слабость и нерешительность. На ряд дагестанских владельцев была возложена дань, которая должна была непосредственно символизировать их подданство России².

Здесь нелишне заметить, что не все владельцы Дагестана подписали Георгиевский договор, и ситуацию дополнительно осложняли Ших-али хан дербентский и Сурхай-хан Казикумухский, для которых антирусская направленность была продиктована борьбой за власть³.

В конечном итоге П.Д. Цицианову удалось урегулировать отношения с лидером «фронды» осетин-тагаурцев - Ахмедом Дударовым и стабилизировать обстановку в Тагаурии вокруг Военно-Грузинской дороги. Уже шедшая с 1804 г. война с Ираном не оставляла для России возможности использовать здесь тактику затяжных переговоров⁴.

Известно, что П.Д. Цицианов разработал план устройства новых укреплений вдоль Военно-Грузинской дороги и новые меры по укреплению Кавказской Линии⁵. В 1803 г. выдвинул план создания линии укреплений и редутов по Сунже до Брагунов и от Моздока до Владикавказа. К сожалению, не датированная карта, хранящаяся в РГВИА (Ф.424) практически не оставляет сомнений в «цициановском» ее происхождении. Следуя карте, надлежало возвести редуты в районе будущей крепости Грозной, в районе будущей Назрановской крепости, а также на Камбилеевке⁶.

В 1805 г. делались попытки рекогносцировки берегов Сунжи для назначения пунктов постройки укреплений⁷.

С одной стороны, это говорит о недостаточности линии по Тереку для отражения набегов, но с другой - не свидетельствует о желании занять Сунженское побережье казачьими поселениями, как то пытаются утверждать некоторые исследователи⁸.

¹ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6164. Ч.37. Л.183; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... С.307.

² РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6164. Ч.33. Л.124об., 174, 175; АКАК.Т.2. С.1017-1020; Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. С.320-321.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. С.170

⁴ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6164. Ч.40. Л.59; АКАК.Т.2. С.555; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения.... С.307.

⁵ ИНСК. Т.2. С.22.

⁶ РГВИА. Ф.424. Оп.1. Материалы о российских пограничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях. Д.47. Л.1-2.

⁷ Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... С.143.

⁸ Там же.

Ясно, что П.Д. Цицианов стремился получить больший контроль над Чечней, к чему были традиционные основания в виде непрекращающихся набегов на Кавказскую Линию.

1803-1805 гг. ознаменовались «экспедициями» в Чечню, «барантованием», породившими новые набеги¹. Обнаруживается неэффективность расчетов российских властей на использование «мирных чеченцев» в деле недопущения набегов на Кавказскую Линию.

В данных обстоятельствах, с учетом войны с Ираном постройка редутов на Сунже была практически неосуществимой.

В тоже время, успех войны с Ираном во многом зависел от обстановки на Северном Кавказе. А последняя складывалась для России непросто и во внешнеполитическом смысле европейских коллизий, так как Наполеон добивался союза с Ираном и пытался свести на нет российско-турецкий «союзный и оборонительный» договор². Возобновляется деятельность турецких эмиссаров в Кабарде³.

Таким образом, П.Д. Цицианов должен был и воевать с Ираном, и приводить в подчинение северокавказских горцев, и наблюдать за происками в регионе Турции. Отсюда экстренность многих цициановских мер против горцев, а она не всегда включала возможность «переговорного процесса».

Не прибавляло стабильности в регионе и продолжавшееся в Кабарде шариатское движение. Ситуация в регионе осложнялась и наметившимся соперничеством российских военных и гражданских властей.

Первый же опыт совместных действий Коллежского советника Макарова с формально существующими в Кабарде родовыми судами и расправами оказался неудачным⁴, то есть разные «уровни» гражданского управления России в Кабарде не находили взаимопонимания. Так же не всегда было взаимопонимание между Макаровым и военными властями⁵. Однако все эти перипетии разделения властей были более всего малопонятны горцам, для которых существовала одна приемлемая модель «управления» - собственный традиционный уклад.

Если учесть, что попытка гражданского управления в Кабарде провалилась, а элементы российского судопроизводства вызывали организованное сопротивление, можно утверждать о стремлении кабардинских феодалов выйти из любых форм зависимости от России и апробировать объединение двух моделей дальнейшего развития - исламскую

¹ РГВИА. Ф.846. ВУА. Оп.1. Д.6164. Ч.26. Л.25об, 27об, 61об.

² Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации... С.69-70.

³ РГВИА. Ф.846. ВУА. Оп.1. Д.6164. Ч.59. Л.9, 10; АКАК. - Тифлис, 1869. Т.3. С.651.

⁴ Кудашев В.Н. Указ соч. С.84.

⁵ Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость// Сборник сведений о кавказских горцах. - Тифлис, 1876- Вып.9.- С.182; Кудашев В.Н. Указ соч. С.85-86.

трансформацию (шариатское движение) и традиционную схему доминирования Кабарды на Центральном Кавказе. Это не отвечало не только интересам России в регионе, но и ее элементарной безопасности.

В 1804 г. произошли столкновения между кабардинцами и посланными в Кабарду российскими войсками¹.

В целом, сообщение Северного Кавказа с Грузией было поставлено под серьезную угрозу, что таило немалую опасность в условиях войны с Ираном.

В данных условиях П.Д. Цицианову следует высочайший рескрипт, где допускается мирное решение вопроса с Кабардой, вплоть до признания духовного суда².

1804 г. мятежная Кабарда могла получить «политического лидера», чьи взгляды были далеки от шариатских и принимали черты своеобразной альтернативы существовавшим российско-кабардинским и российско-северокавказским взаимоотношениям. Вернувшийся из екатеринославской ссылки (за довольно гипотетическое участие в восстании 1794 г.) подполковник российской службы Измаил Атажукин активно включился в политическую жизнь Кабарды.

Письменные проекты местного урегулирования, выдвинутые Измаилом Атажукиным, предполагали посредничество Кабарды между Россией и народами Северного Кавказа и возвращение кабардинцам «отрезанных» у них земель³. То есть российским властям предлагался сценарий фактического доминирования Кабарды в регионе и потеря части укреплений Кавказской Линии.

Разумеется, П.Д. Цицианов возражает против проектов Измаила Атажукина⁴ (брат которого, Адиль-Гирей, возглавлял шариатское движение).

Измаил Атажукин, олицетворявший, видимо, наиболее пророссийски настроенный слой населения Кабарды оказался в сложном и драматическом положении: не принимая позиции шариатистов, он был не в состоянии добиться покорности кабардинского народа, чего от него не ожидали российские власти. Показательно, что он считал кабардинцев «личными соседями», а не подданными России. Таким образом, «российскость» Измаила Атажукина вступала в противоречие с его же чисто кабардинским патриотизмом.

¹ Туганов Р.У. Указ соч. С.16-17; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.142-151.

² Туганов Р.У. Указ соч. С.17.

³ Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством XVI - начале XIX века.- Нальчик, 2001. С.200; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.155-156.

⁴ АКАК.Т.2. С.957.

В конкретных внешне и внутривосточных условиях 1804-1805 гг. бороться за сохранение родовых судов и расправ в Кабарде становится все труднее. Поэтому местные российские власти, опираясь на александровский рескрипт, соглашались на введение в Кабарде шариатского суда. К принятию этого решения был причастен и П.Д. Цицианов¹.

Вместе с тем, перспективы взаимодействия российской стороны и шариатского суда были весьма сложными, что покажут последующие события. Однако согласие П.Д. Цицианова на духовный суд в Кабарде (хотя окончательно оно принято уже после его гибели) – свидетельствовало о его способности идти на уступки горцам. Но уступка эта делалась не для того, чтобы 1807 г. «привязать к России ее новых мусульманских подданных на Северо-Западном Кавказе», как то полагают некоторые исследователи². Ведь никаких «новых мусульманских подданных» на Северо-Западном Кавказе Россия в это время не получила.

Обстановка на Северо-Западном Кавказе в период командования на Кавказе П.Д. Цицианова была хоть и сложной (вследствие набегов), но имела и мирную составляющую в виде контактов Черноморского казачьего войска с приверженными к России закубанскими владельцами, продолжались и случаи переходов на российский берег Кубани³.

Небезынтересно, что в некоторых случаях руководство Черноморского казачьего войска правильнее оценивало перспективы отношений с «закубанцами», чем российские военные власти на Линии, старалось использовать все возможности потенциала «дружбы противу закубанцев во исполнение состоявших в том высочайших повелений»⁴.

В довольно краткое «цициановское время» (генерал-лейтенант П.Д. Цицианов был предательски убит 8 февраля 1806 г.) ситуация на Северном Кавказе определялась не только конфронтацией (которая во многом была обусловлена внешнеполитическими обстоятельствами). Свидетельство тому динамика взглядов самого П.Д. Цицианова на пути и методы урегулирования местной обстановки. Им был разработан план, предусматривавший явную постепенность и долговременность в корректировке кабардинского традиционного уклада, предполагались меры по привлечению на российскую сторону кабардинского духовенства, по созданию «кадров» пророссийского мусульманского духовенства в регионе⁵.

¹ АКАК. Т.2. С.962; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.163.

² Северный Кавказ в составе Российской империи... С.104-105.

³ ГАКК. Ф.249 Оп.1 Д.482. Л.4,6.; Д.446. Л.1, 59, 128, 205, 259; Д.462. Л.9; Д.477. Л.1.

⁴ ГАКК. Ф.249 Оп.1 Д.482. Л.17, 20, 21, 22.

⁵ РГИА Ф.1268. Оп.1. Д.951. Л.185; Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в.- СПб., 2000. С.80-81.

Следовательно, нельзя согласиться с утверждением, что «Цицианов занял максимально жесткую, бескомпромиссную позицию, не оставившую ни ему самому, ни его наследникам свободы маневра»¹.

Гибель П.Д. Цицианова, нарастание внешнеполитических проблем страны переменили образ действий России на Северном Кавказе. Цициановские проекты были не апробированы, а о нем самом, как правило, распространилось суждение, основанное на восприятии силовой составляющей его деятельности.

В 1806 г. Россия стояла перед перспективой одновременной войны и против Ирана, и против Турции, не говоря уже о соответствующих проблемах противостояния в Европе. В данных обстоятельствах новым главнокомандующим на Кавказе назначается уже возглавлявший русские силы в регионе в конце царствования Екатерины II и вначале царствования Павла I опытный и осторожный граф И.В.Гудович. Годы, проведенные И.В. Гудовичем вне Кавказа, не могли способствовать адекватному восприятию им изменившихся местных реалий. К тому же он довольно негативно воспринимал деятельность своего предшественника П.Д. Цицианова и стремился исправить в ней все, на его взгляд, ошибочное и неполное².

Однако, генерал И.В. Гудович практически сразу решительно отверг претензии Ирана на Грузию и Дагестан³, что определялось предшествующим развитием российско-кавказских взаимоотношений.

В контактах с горскими владетелями И.В. Гудович частично отходит от цицианской практики взимания с них дани и не прибегает к политическому запугиванию явных и скрытых сторонников Ирана. Возобновляется предоставление владетелям- подданным России и проявившим пророссийскую ориентацию чинов и жалований.

Обращает на себя внимание и такой фактор: от П.Д. Цицианова требовались меры экстренного характера, а И.В. Гудович был главнокомандующим в иной ситуации: война с Ираном затягивалась и просматривалась неизбежность нового столкновения с Турцией. Это требовало от И.В.Гудовича осторожных действий на Северном Кавказе; вместе с тем, наиболее опасные проявления антироссийской деятельности были пресечены при П.Д. Цицианове и поэтому И.В. Гудовичу и не было смысла возвращаться к силовым цициановским методам.

Что же касается грабительских набегов на Кавказскую Линию, то не имея удовлетворительного арсенала для борьбы с ними, россий-

¹ Гордин Я.А. Указ соч. С.79.

² Потто В.А. Кавказская война... С.384.

³ ИНСК. Т2. С.25.

ским властям приходилось просто «держат фронт» и удерживать местных владетелей от конкретной поддержки Ирана или Турции.

В Дагестане это И.В. Гудовичу в целом удавалось, даже с привлечением на российскую сторону части лезгинских «вольных» обществ¹.

Конкретные обстоятельства российско-дагестанских взаимоотношений тех лет показывают, что Цицианов, взимая с дагестанских феодалов дань, не отказывался от практики предоставления жалований, и Гудович, широко практикуя разнообразные пожалования, фактически не отказался от дани с некоторых владетелей². Видимо, соотношение одного и другого зависело от ситуации на определенном отрезке времени.

Следовательно, между политикой И.В. Гудовича и П.Д. Цицианова были и черты преемственности, обусловленные схожими стратегическими задачами России на Северном Кавказе на протяжении довольно долгого времени. Вместе с тем надо заметить, что новая система отношений российских властей с дагестанскими владетелями не была возвратом к методам XVIII в.

Несмотря на сложности в контексте войн и с Ираном и с Турцией одновременно, русской администрации в целом удавалось контролировать обстановку в Дагестане, и даже укреплять здесь свое влияние. Однако надежды И.В. Гудовича на отвращение дагестанцев от набегов были идеалистическими, исходящими из недопонимания особенностей местного традиционного уклада³.

И.В. Гудович стремился урегулировать ситуацию вокруг Чечни. Но его проекты⁴ имели много «узких мест», опять-таки не учитывавших нюансов традиционного уклада горцев, а многократные переговоры с чеченскими старшинами не давали эффекта – набеги на Линию продолжались⁵. В конечном итоге Гудович, видя бесплодность дипломатических увещаний, дал согласие на масштабную военную экспедицию в Чечню под руководством генерала С.А. Булгакова (1807 г.)⁶. Обстоятельства проведения данной экспедиции выяснили, что перед лицом внешней угрозы (пусть даже вызванной их собственным пове-

¹ РГВИА. Ф.846. ВУА. Оп.1. Д.6164. Ч.51. Л.121-123; Магомедов Н.А. Дербент и дербентское владение в XVIII- первой половине XIX в.: проблемы политического положения и экономического развития/ Автореф.дис. ... докт. ист. наук.- Махачкала, 1999.- С.26; Русско-дагестанские отношения... С.272.

² Русско-дагестанские отношения... С.276.

³ Гордин Я.А. Указ соч. С.87.

⁴ АВПРИ. Ф.161. СПГА 1-13, 1806. Оп. 10. Д.2. Л. 127-128об.

⁵ РГВИА. Ф.846. ВУА. Оп.1. Д.6164. Л.5-14; АКАК.Т.3...- С.624-625; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня...- С.153.

⁶ РГВИА. Ф.846. ВУА.Оп.1. Д.6164. Ч.64. Л.83об, 84.

дением) чеченцы проявляют «этническую солидарность», которая оказывается выше присяг, обязательств и т.п. по отношению к России. Ведь «мирных» чеченцев в Чечне в тот момент не оказалось¹.

В итоге военной экспедиции ряд равнинных чеченских обществ вновь присягает России, а И.В. Гудович возобновляет попытки заинтересовать чеченцев выгодами мирной жизни, вновь обещая им различные льготы².

Региональную обстановку нельзя анализировать без учета «Предначертаний» Министерства иностранных дел о политике России на Кавказе, представленных Александру I в апреле 1806 г. В них отмечались взаимосвязь безопасности в Закавказье с ситуацией на Северном Кавказе, а также «наружный» характер подданства горских народов³, что в принципе соответствовало реалиям конца XVIII - начала XIX в. и продолжало традиции российской северокавказской политики.

Показательно, что авантюрные в своем радикализме проекты обустройства Северного Кавказа российской высшей властью оставались без рассмотрения⁴.

Экспедиция генерала С.А. Булгакова в Чечню в 1807 г. вписывалась в общую тональность «Предначертаний», так как была вызвана необходимостью прекращения набегов, обороны российских коммуникаций.

В 1807 г. делается попытка установления элементов российской административной власти в Чечне. И.В. Гудович предписал главному «калмыцкому приставу полковнику Ахвердову принять в «управление» присягнувшие России чеченские селения. Основной опорой российских властей в чеченских обществах должны были стать «частные приставы» - собственно старшины, на которых возлагалась, прежде всего, функция недопущения набегов своих единоплеменников на Кавказскую Линию⁵. Но «частные приставы», которыми становились наиболее влиятельные и лояльные к России старшины, хоть и получали нередко чины и жалования, не смогли контролировать обстановку, предотвратить набеги, прежде всего в силу стадийного уровня чеченского общества. К началу 1809 г. выявилась неэффективность введения института приставства в равнине Чечне. Таким образом, инте-

¹ РГВИА. Ф.846. ВУА.Оп.1. Д.6164. Ч.55. Л.12.

² АКАК.Т.3. С.667, 670, 673; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... С.183.

³ АВПРИ. Ф.161. СПГА 1-13, 1806. Оп. 10. Д.2. Л. 91-96.

⁴ Акты Кавказской археографической комиссии об Игушетии и ингушах. Сборник документов.- Назрань, 1996. С.60; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... С.174.

⁵ АВПРИ. Ф.161. СПГА 1-13, 1806. Оп. 10. Д.9. Л. 2об; АКАК.Т.3. С.669.

грационный по сути проект И.В. Гудовича оказался неудачным, и не по вине российского командования¹.

Причины тщетности интеграционных усилий России в отношении Чечни (да и других районов Северного Кавказа) можно видеть в том, что чеченцы, как и в конце XVIII в., понимали принятие российского подданства как возможность мирного сосуществования и свободной, беспошлинной торговли в российских пределах². Данная концепция «прав без обязанностей» органично вписывалась в догосударственный, с укрепившимися чертами патриархально-родовых отношений, уровень развития чеченского общества. И даже «мирное сосуществование» понималось горцами по своему: ведь взаимные набеги не воспринимались в их среде как нарушение мира.

В марте 1809 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал А.П. Тормасов, не служивший ранее на Кавказе. Он должен был проводить прежний политический курс. Однако в 1809-1810 гг. нападения на Линию усиливаются, с тенденцией совместных действий чеченцев, кабардинцев и, отчасти, ингушей³. Последние, переселяясь на плоскость с разрешения российских властей, не могли получить от них полномасштабной защиты от притязаний кабардинских феодалов, и были не в состоянии отказаться от собственных привычек, в которые входили и набеги. К тому же начинается исламизация ингушей⁴.

Выполнение ингушами обязательств по оповещению о готовящихся набегах кабардинцев и чеченцев автоматически навлекло бы на них месть последних. Отсюда – приспособляемость ингушей к обстоятельствам.

События 1810 г. не дают основания говорить о вооруженном противостоянии России с ингушами и об их союзе с кабардинцами и чеченцами.

Для защиты своих интересов от чеченцев и кабардинцев ингуши попросили у российских властей военную помощь. В 1810 г. ингуши приняли, по сути, повторную присягу России, статьи которой давали им право переселения на равнину. Логическим продолжением данных событий стало строительство Назрановского российского укрепления и укрепления Казах-Кичу при переправе через Сунжу,

¹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.301-303.

² Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... С.192.

³ РГВИА. Ф.846. ВУА.Оп.1. Д.6164. Ч.2. Л.136; АКАК. Т.4. С.892; Потто В.А. Кавказская война... Т.1. С.634.

⁴ РГВИА. Ф.482. Кавказские войны.Оп.1. Д.20. Л.11-11об.

которые стали серьезной преградой для набегов на окрестности Владикавказа с востока¹.

С присягой 1810 г. и со строительством российских укреплений было связано дальнейшее расселение ингушей на плоскости². Это соответствовало стратегическим интересам ингушей. Участие же в кабардинских и чеченских набеговых «предприятиях» не открывало в данном смысле никаких положительных перспектив.

Ситуация с чеченскими набегам на Линию была такова, что генерал С.А. Булгаков предлагал перенести военную линию на Сунжу, одновременно передвигая туда и казачьи станицы³. Но внешнеполитические обстоятельства не оставляли для этого ни сил, ни средств. Представляется, что и высшие российские власти были тогда не готовы положительно воспринять данный проект.

На рубеже 1810-1811 гг. в Петербурге разрабатывался новый сценарий управления Кавказом, по которому Закавказье оставалось в ведении главнокомандующего в Грузии, а Северный Кавказ отходил под управление кавказского и астраханского губернатора, сосредоточивавшего и военно-административную власть над Кавказской Линией⁴. Взаимосвязь ситуации в Закавказье и на Северном Кавказе затрудняла такое разделение и ближайшие события показали подчиненность командовавших на Кавказской Линии генералов главнокомандующим в Грузии, которые в документах чаще именовались главнокомандующими на Кавказе.

Генерал А.П. Торماسов пытался стабилизировать обстановку в Чечне политико-экономическими мерами, торговлей и переселенческими выгодами⁵. Набеги, тем не менее, продолжались. Таким образом, мирные инициативы и Гудовича, и Тормасова наталкивались на незыблемость чеченского традиционного уклада и отторгались им, несмотря на наличие в чеченском обществе пророссийски настроенных старшин, готовых служить России, но не способных контролировать ситуацию среди своих единоплеменников.

В 1806-1811 гг. большое значение для России имела обстановка в районе Военно-Грузинской дороги. И.В. Гудович выступал за союз с осетинскими социальными верхами и ввел для них (даже в ущерб российским интересам) новые льготы в пошлинах, взимаемых ими за

¹ АВПРИ. Ф.161. СПГА 1-13, 1806. Оп. 10. Д.9. Л. 9-9об, 10; РГВИА. Ф.482.Оп.1. Д.20. Л. 11об.; АКАК. .4. .898.

² АКАК. Т.8. Тифлис, 1881. С.669; Волкова Н.Г. Указ соч. С.161.

³ АКАК.Т.4.С.830.

⁴ Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.469-470.

⁵ АКАК.Т.4.С.889-890, 906.

проход по Военно-Грузинской дороге¹. Он пообещал также повлиять на кабардинских князей, совершавших набеги на Осетию².

Видимо, осетины-тагаурцы понимали значение Военно-Грузинской дороги и пользуясь трудностями, которые испытывала Россия в разрешении Восточного вопроса, добивались все новых экономических и политических преимуществ³.

Хотя часть осетинских фамилий на плоскости приняла христианство и окончательно связала свою судьбу с Россией, в самой Тагаурии набеги на Военно-Грузинскую дорогу усиливаются, не без поддержки Ирана. Российские власти вели с тагаурскими феодалами сложный и малоперспективный переговорный процесс (и при И.В. Гудовиче, и при А.П. Тормасове)⁴.

Продолжалась деятельность в Осетии иранских агентов⁵.

Обстановка в Восточной Осетии в силу пролегания по ней Военно-Грузинской дороги складывалась для российских властей традиционно более тревожно, чем в центральных и западных районах Осетии, население которой было заинтересовано в российском подданстве и для прекращения взаимных распрей и для решения наболевшего земельного вопроса (который во многом упирался в позицию кабардинских феодалов). В 1806-1809 гг. повторно присягают на подданство России дигорцы, алагирцы и жители Нарского ущелья⁶.

В 1806-1811 гг. очень многое в ситуации на Северном Кавказе зависело от обстоятельств в Кабарде. Введение в ней шариатского суда не могло стабилизировать кабардино-российские взаимоотношения, хотя российские власти и пытались привлечь на свою сторону местное духовенство⁷.

Уже в период действия шариатского суда кабардинские набеги на Линию сохраняются, причем нередко в совместничестве с чеченцами и западными адыгами, и приобретает порой тот жестокий характер⁸, который вполне согласовался с установкой на религиозную нетерпимость.

¹ АКАК.Т.3. С.213.

² Блиев М.М. Русско-осетинские отношения... С.317.

³ Там же. С.318.

⁴ АКАК.Т.3. С.516, 517, 219-220, 221; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения... С.318, 319, 321-322.

⁵ АКАК.Т.4. С.217; РГВИА. Ф.846. ВУА.Оп.1. Д.6192. Л.1-10.

⁶ РГВИА. Ф.846. ВУА.Оп.1. Д.6164. Ч.52. Л.58 об.; Берозов Б.П. . Указ соч. С.82; ИНСК. Т.2. С.28.

⁷ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII-первой половине XIX века.- Нальчик, 1994. С.294.

⁸ АВПРИ. Ф.161. СПГА 1-13, 1801-1814 гг.. Оп. 10. Д.5. Л.106; АКАК.Т.4. С.847; Скиба К.В. Кубанская Линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг. Дис...канд.ист.наук.- Армавир, 2003. С.95.

Таким образом, можно утверждать, что введение духовного суда не являлось целью, по достижению которой кабардинскими феодалами предполагалась стабилизация отношений с российскими властями. Это была скорее ступень для дальнейшей борьбы против России.

Так как по «Народному условию» - итоговому документу, закрепившему победу феодально-клерикальных сил в Кабарде - устанавливались элементы равенства лишь среди феодалов, не внося никаких послаблений в жизнь крестьян, начинаются восстания последних против своих владельцев¹. «Черный народ» был готов (как и ранее) оставить Кабарду и поселиться на Линии. Подобные просьбы крестьян имели место в 1807-1810 гг.² Однако российские власти относились к ним осторожно, предвидя реакцию кабардинских феодалов.

Значительную роль в политической жизни Кабарды играл в 1806-1811 гг. Исмаил Атажукин. Однако его трактовки перспектив кабардино-российских взаимоотношений (при отрицании им шариатских установок) не могли устроить российское командование. К тому же Исмаил Атажукин стремился к собственному доминированию среди кабардинской феодальной аристократии, и это тоже не могло вызвать трений с российскими властями³.

В 1807-1808 гг. русская администрация ввела жесткие, но неизбежные, карантинные меры в связи с распространением в Кабарде чумы⁴. Эта вынужденная мера стала новой болевой точкой российско-кабардинских взаимоотношений.

Ситуация осложнялась действиями в Кабарде иранской и турецкой агентуры⁵. К 1810 г. с подачи турок оформился план ухода кабардинцев в «крепкие места» с последующим масштабным нападением на Кавказскую Линию «из глубины», что бы предельно затрудняло ответные действия российских властей⁶.

Именно с этим, а не с некой попыткой русских властей переселить на Линию кабардинских крестьян⁷, надо связывать причины апрельского 1810 г. похода ген. С.А. Булгакова в Кабарду, степень жесткости которого нет смысла преуменьшать⁸ (как, впрочем, и степень жесткости кабардинских набегов).

¹ РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.2. Л.146-147; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в.// Черкессия в XIX в. – Майкоп, 1991. С.44.

² РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.19491. Л.14; ГАСК Ф.87. Канцелярия гражданского губернатора. Оп.1. Д.214. Л.9-11.

³ Виноградов Б.В. Специфика российской политики... С.318-320.

⁴ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6166. Ч.2. Л.3-4.

⁵ Кудашев В.Н. Указ соч. С.92; АКАК.Т.3. С.657.

⁶ АКАК. Т.2. С.954; Т.4. С.851; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.181.

⁷ Мальбахов Б.К. Указ соч. С.183-184.

⁸ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6183. Л.105; Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.635.

Объективно мотивированные действия Булгакова в Кабарде вызвали недовольство Александра I¹. Это свидетельствовало о неприятии на высшем уровне чисто силовой схемы усмирения Кабарды, что в принципе соответствовало столичным взглядам на кавказскую политику на протяжении долгого времени. Однако, оценки действий ген. С.А.Булгакова давали люди, имевшие поверхностные представления о региональной специфике.

Хотя ген. С.А. Булгакову удалось силой добиться внешних проявлений лояльности кабардинской знати, вскоре после клятвы на Коране «быть мирными и добрыми соседями» России кабардинские нападения на Кавказскую Линию возобновились².

Главнокомандующий на Кавказе А.П. Тормасов своеобразно воспринял критику Петербургом булгаковского похода в Кабарду и в «Отношении» к военному министру (октябрь 1810 г.) дал не вполне адекватные реалиям оценки российской политики на Северном Кавказе³. Это может свидетельствовать и о недостаточной компетентности самого Тормасова, ранее не служившего на Кавказе, и о его попытке подстроиться под мнение высших властей, не принимавших (и это показательно!) силовую модель взаимоотношений с горскими народами.

В июле 1810 г. начинается подготовительная работа по отправлению в Петербург кабардинской делегации (о желании кабардинцев направить такую делегацию сообщалось высшим российским властям). В ходе формирования состава делегации вновь возник конфликт между ген. С.А. Булгаковым и Измаилом Атажукиным, который теперь стремился к явному политическому лидеру в Кабарде. Впавший в очевидную «фронду» Измаил Атажукин был арестован⁴.

Не проще, чем в Кабарде, складывалась обстановка на «Кубанской Линии» (среднее и отчасти нижнее течение Кубани). В условиях начавшейся войны с Россией (30 декабря 1806 г.) турецким агентам удалось «возмутить» западных адыгов против русских, а далее сработала мощная инерция, заложенная традиционным укладом. С весны 1807 г. набеги стали постоянными и масштабными⁵. Меры командующего на Кавказской Линии ген. Булгакова по их недопущению оказались недостаточными⁶. Проблема осложнялась эпидемией чумы

¹ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6190. Л.2, 2об.

² Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.635; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.189.

³ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6184. Л.284-285; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа.- М., 1961. С.144; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.186-187.

⁴ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6186. Л.254-255; Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.635-636.

⁵ ГАРО. Ф.341. Войсковая канцелярия Войска Донского. Оп.1. Д.223. Л.13об, 14; АКАК.Т.3. С.631-632; Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.631; Колесников В.А. Орденоносцы – казаки. – СПб., 2000. С.155.

⁶ Скиба К.В. Указ соч. С.94-95.

в Закубанье, что не позволяло преследовать «воровские партии» на их территории и делать «репрессалии».

Чума объявляется и среди ногайцев и абазин Кавказской губернии, и карантинные мероприятия вызывают у них протест¹.

Таким образом, жесткие «античумные» карантинные меры применялись российскими властями не только по отношению к кабардинцам, но и к населению «внутри» Кавказской Линии. Это опровергает суждения о злонамеренном образе действий России в Кабарде в период эпидемии чумы.

В 1807 г. у абазин-тапатоцев учреждается религиозный суд, уживавшийся с введенным еще в 1802 г. среди абазин Кавказской губернии институтом приставства². Интересно, что в 1809 г. кабардинских князь Атажуко Атажукин пытался силой взыскать подать с кумских абазин (живших на территории Кавказской губернии). Российскими властями ему было объявлено, что кабардинские князья «не имеют никакой власти над абазинцами»³.

В ответ на усиление набеговой экспансии в 1809 г. ген. С.А. Булгаков с войсками совершает поход за Кубань (январь-март 1810 г.), в котором участвовали ногайцы Кавказской губернии⁴. Однако решающего успеха этот поход принести не мог⁵.

Высшие российские власти считали, что прекратить набеги горцев можно привлечением их к меновой торговле⁶.

Уже в 1811 г. на Кавказской Линии создается 5 меновых дворов и открывается соляной магазин во Владикавказе⁷. Немалую роль в развитии торговли на Северном Кавказе играл каспийский торговый флот России⁸.

Кроме развития «мена» предусматривалось отнять у горцев всякое сообщение с Турцией, привлекать их выгодами мирных занятий и

¹ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях.// Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа.- Нальчик, 2001.- С.54-55; Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.632.

² Ктиторова О.В. Указ соч. С.17.

³ Абазины (Историко-этнографический очерк).- Черкесск, 1989. С.23.

⁴ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6186. Ч.2. Л.136-137; ГАРО. Ф.344. Оп.1. Д.223. Л.13об, 14; Д.245. Л.155об.-162; Д.246. Л.10об, 54об-55; Д.287. Л.110об-115; Д.295. Л.27об-34.

⁵ Записки А.П.Ермолова, 1798-1826 гг. – М., 1991. С.284.

⁶ Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими народами. С. 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. Т.8. С.364-365; Гранкин Ю.Ю. Указ.соч. С.115.

⁷ ГАСК. Ф.87. Д.696. Л.5.

⁸ Гриценко Н.П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в.// Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии XIII- начало XX в.).- Грозный, 1983. С.94-95.

к российской светской жизни в городах. Предполагалось также назначение приверженных России мулл и кадиев¹.

Реальная обстановка на Северном Кавказе в начале XIX в. не способствовала осуществлению данных проектов Комитета Министров и А.П. Тормасова. А горцы, видимо, были не против совмещать «меньбу» с привычными набегами.

Кроме того, обозначилась разница во взглядах на местную ситуацию ген. С.А. Булгакова и главнокомандующего на Кавказе А.П. Тормасова. Пока последний думал о «скорейшем умиротворении горцев», первый пытался решать конкретные проблемы обороны от них Кавказской Линии и населения Кавказской губернии. И в этом споре одной правды не было.

Довольно напряженно складывалась ситуация в 1806-1810 гг. и на Черноморской кордонной Линии. Прорывы горцев из Закубанья имели место и здесь².

Тем не менее, атаман Бурсак отказался от участия черноморцев в закубанском походе ген. С.А. Булгакова, пытаясь дипломатическим путем урегулировать отношения с беспокойными соседями. Херсонский военный губернатор Дюк де Ришелье, которому Бурсак непосредственно подчинялся, с долей скепсиса отнесся к действиям казачьего атамана, тем не менее, оставил за ним право на «переговорный процесс», который возымел некоторый успех³.

На усмотрение Бурсака Ришелье оставил и решение ногайского вопроса, и в результате в августе 1810 г. оставшиеся в Черномории ногайцы были приняты (согласно собственного их желания) в казачье сословие, и им было предписано выбрать атамана из своих старшин⁴.

Осенью 1810 г. из Петербурга с целью ревизии Кавказской губернии прибыл генерал-майор Вердеревский. Своими действиями он способствует снятию С.А. Булгакова с должности командующего Кавказской Линии⁵. В начале 1811 г. тот сдал полномочия генерал-лейтенанту Мусину-Пушкину, до скорого приезда нового начальника генерал-лейтенанта Н.Ф. Ртищева⁶.

Данный эпизод – свидетельство наличия немалых нюансов в оценке перспектив и методов местного урегулирования со стороны российских властей разного уровня.

¹ АКАК. Т.4. С.828-831.

² Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.574-585.

³ ГАКК. Ф.249. Оп.1 Д.608. Л.1-1об, 2-4.

⁴ ГАКК. Ф.249 Оп.1 Д.512. Л.37, 39; Ф.670. Оп.1 Д.22. Л.70 об.-72.

⁵ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6186. Л.258-258об.

⁶ Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.636-637.

Деятельность российских властей на Северном Кавказе в 1811-1816 гг. во многом связана с именем Николая Федоровича Ртищева, сначала назначенного в январе 1811 г. командующим на Кавказской Линии, а затем, в начале 1812 г. - главнокомандующим на Кавказе¹.

«Эпоха Ртищева» на Северном Кавказе получила довольно разноречивые оценки в отзывах современников и в историографии².

Время деятельности Н.Ф.Ртищева в регионе хронологически совпало с наиболее тяжелым для России периодом в европейской политике. К тому же к началу Отечественной войны 1812 г. России удалось завершить только войну с Турцией (Бухарестский мир 1812 г.), а война с Ираном продолжалась.

Уже в 1811 г. с Кавказской Линии отправляется вглубь России ряд армейских полков, впоследствии эта тенденция продолжается³. Следовательно, Кавказская Линия была значительно ослаблена, и основная тяжесть ее обороны ложилась на казачество, часть которого также участвовала в войне в Францией.

Несмотря на внешнеполитические обстоятельства, ртищевские методы действий по отношению к горцам можно назвать «авторскими». Отметим и то, что Ртищев до своих назначений 1811-1812 гг. на Кавказе не служил, отсюда достаточно поверхностно знал особенности обстановки в регионе.

Н.Ф.Ртищев взял курс на удержание в «кротости» горцев подарками и денежными премиями⁴, возможность же применения иных мер (в том числе – военных) была в 1811 -1816 гг. максимально минимизирована.

Распространяемая при Н.Ф. Ртищеве меновая торговля с горцами⁵ сама по себе не могла достигнуть стабильности на Кавказской Линии. В то же время согласно его предписаниям, набеги горцев оставались практически безнаказанными⁶. Очень скоро наметились серьезные противоречия в оценке северокавказской обстановки между Н.Ф. Ртищевым и командующим на Линии генерал-майором С.А. Портнягиным (что напоминало предыдущие разногласия между С.А. Булгаковым и А.П. Торماسовым). Вообще у Н.Ф. Ртищева явно

¹ Там же. С.469-470.

² См., например: Записки А.П.Ермолова, 1798-1826 гг. – М., 1991. С.276, 278, 284; Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.470-471; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.207; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... С.217; Скиба К.В. Указ соч. С.108-109.

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе... Т. 5. С.415-416; Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войн.- Тифлис, 1886. С.24-25.

⁴ Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.470-471.

⁵ РГВИА. Ф.482. Оп.1 Д.9. Л.23.

⁶ РГВИА. Ф.482. Оп.1 Д.9. Л.40, 53; Утверждение русского владычества на Кавказе.- Тифлис, 1904. Т.3. Ч.1. С.17 (в дальнейшем УРВК); Гапуров Ш.А. Россия и Чечня... С.217.

не доставало взаимопонимания с долгое время служившими на Кавказе генералами и офицерами, которые осознавали возможные последствия неприменения войск в тех случаях, когда это было необходимо. Вместе с тем, он не имел развернутых инструкций из столицы, в отличие от большинства своих предшественников.

Несмотря на все это, российским властям удавалось в условиях войны с Ираном держать под контролем ситуацию в Дагестане и даже расширять там свое влияние (при наличии, конечно, и проиранской «партии») ¹. В целом можно констатировать, что к моменту международного признания принадлежности Дагестана к России Гюлистанским договором с Ираном (24 октября 1813 г.), эта принадлежность существовала уже «де-факто».

В 1811-1816 гг. по-прежнему сложной была обстановка в Чечне. После неудачного нападения на Назрановское укрепление направление чеченских набегов перемещается на Терскую линию ². В тоже время были случаи предупреждений о готовящихся нападениях со стороны «мирных чеченцев» ³.

Н.Ф. Ртищев пытался урегулировать ситуацию путем переговоров и в марте 1812 г. созвал в Моздоке съезд чеченских старшин, взяв линию на подкуп их подарками и деньгами, а также на перспективу развития взаимной торговли. Одновременно он запретил местным начальникам кордонов и казакам делать чеченцам «репрессалии» за набеги ⁴, что объективно способствовало их набеговой экспансии.

Вместе с тем, российское правительство в марте 1811 г. упраздняет институт приставства в Чечне за его неэффективностью в предотвращении набегов. При этом функции кордонного военного начальства по «управлению» чеченцами сводились только к недопущению набегов ⁵, весьма затруднительному в контексте предписаний Н.Ф. Ртищева.

В условиях внешнеполитических проблем для России в 1812 г. возросла активность турецкой (до Бухарестского мира) и иранской агентуры в регионе ⁶. Однако масштабно поддерживать Турцию и Иран северокавказские горцы были объективно не заинтересованы, в чем прослеживается долговременный успех российской политики. А конкретно чеченцев же, видимо, вполне устраивала ртищевская мо-

¹ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6164. Л.147, 148, 533, 535-538, 518-522; АКАК. Т.5.- С.162, 613-614.

² РГВИА. Ф.482. Оп.1 Д.9. Л.40, 53; Ф.846. ВУА. Д.6166. Ч.3. Л.70-72; ЦГАРД. Ф.379. Оп.3. Д.285. Л.106.

³ РГВИА. Ф.482. Оп.1 Д.9. Л.53.

⁴ УРВК. Т.3. Ч.1. С.114, 262.

⁵ АКАК. Т.4. С.874.

⁶ АКАК. Т.5. С.606, 607.

дель «взаимоотношений», по которой меновая торговля совмещалась с безнаказанными набегами.

Тем не менее, часть чеченцев (как и других народов региона) выразила в конце 1812-начале 1813 г. готовность сражаться с французами¹. Это свидетельствует и о укоренившейся российской ориентации немалого числа чеченцев, и о предпочтительности для них «внешнего» военного служения изменению собственного традиционного уклада.

Противоречия С.А. Портнягина и Н.Ф. Ртищева по проблеме пресечения набегов послужат поводом для снятия первого с должности командующего на Кавказской Линии в 1813 г. Но у назначенного на данный пост генерал-майора И.П. Дельпоццо тоже вскоре возникнут разногласия с Н.Ф. Ртищевым по тем же вопросам².

Несмотря на изменившееся внешнеполитическое положение России в 1815-1816 гг. Н.Ф. Ртищев настаивал на исполнении своих предписаний 1811-1812 гг.³, которые во многом уже потеряли практический смысл.

И хотя в первые полтора десятилетия XIX в. в Чечне не было широкомасштабных антироссийских выступлений, чеченская набеговая экспансия на Кавказскую Линию, несоблюдение принимаемых присяг делали урегулирование в Чечне проблематичным; неэффективной оказывалась и ртищевская его модель.

После постройки Назрановского укрепления стабильный характер приобретают российско-ингушские взаимоотношения. Продолжается расселение ингушей вокруг Назрани, на плоскостных землях⁴.

В конце 1811-1812 гг. (не без происков Ирана) осложняется обстановка в Осетии, особенно в районе Военно-Грузинской дороги. Только к середине октября 1812 г. не без применения военных мер ситуация была стабилизирована⁵.

Н.Ф. Ртищев в Осетии, как и в других районах Северного Кавказа, делал ставку на подкуп и заигрывание с социальными верхами. Однако привилегии, данные Дударовым, вызвали раздражение и «фрондирование» других тагаурских феодалов, которые, кроме прочего, постоянно пытались добиться льгот во взимании пошлин на Воен-

¹ Нерсиян М.Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. - Ереван, 1965. С.285.

² АКАК. Т.5. С.875.

³ Там же. С.645.

⁴ Волкова Н.Г. Указ. соч. С.162.

⁵ РГВИА. Ф.482. Оп.1 Д.2. Л.78-81 об; АКАК. Т.5. С.357; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения... С.325-326, 329.

но-Грузинской дороге. Н.Ф. Ртищев и здесь идет на уступки, но тагарцы вновь желали еще большего¹.

В 1811-1816 гг. российско-осетинские взаимоотношения снова сталкивались с кабардинским фактором. Кабардинские феодалы всячески мешали благоприятному развитию этих отношений, препятствовали расселению осетин на плоскости, отстаивая собственное политическое и конфессиональное доминирование над Осетией².

В связи с этим дигорцы, алагирцы и куртатинцы в 1811-1815 гг. принимали повторные присяги на подданство России³.

В 1813 г. для препятствия невыгодной для российских властей исламизации осетин восстанавливается деятельность Осетинской духовной комиссии⁴.

Хотя Н.Ф. Ртищев считал и кабардинцев, и осетин в российском подданстве, он был посредником в их переговорах, которые состоялись в начале 1816 г. и завершились в целом успешно⁵.

Перспективы масштабного переселения осетин на плоскость после этого улучшились, и российские власти планировали построить укрепления на р. Ардон для обеспечения данного процесса на случай не исключавшихся набегов со стороны Кабарды⁶.

Своеобразно складывались в 1811-1816 гг. обстоятельства российско-кабардинских взаимоотношений.

К концу февраля 1811 г. в Кабарде завершились выборы депутатов для поднесения в Петербург «Всепоподданнейшего прошения». В нем кабардинцы жаловались на игнорирование местными российскими властями их «исторически сложившегося уклада жизни», связывали образование среди них антироссийской партии с «отбиранием земель, необходимых для пастбища» под строительство Азово-Моздокской Линии⁷.

В конце 1811 г. кабардинская депутация прибыла в Петербург, рассчитывая, видимо, кроме прочего, апеллируя к екатерининской грамоте кабардинским феодалам (1771 г.), на восстановлении «границы» Кабарды образца 1771 г.

Александр I, приняв кабардинскую депутацию 20 января 1812 г., подписал «Грамоту кабардинскому народу». Анализ основных ее по-

¹ АКАК. Т.5. С.517-519; Берозов Б.П. Указ.соч. С.75,76; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения... С.334.

² АКАК. Т.5. С.523-524; Дзидзоев В.Д. Осетия в системе взаимоотношений народов Кавказа в XVIII – начале XX в. (историко-этнологическое исследование).- Владикавказ, 2001. С.110.

³ Берозов Б.П. Указ. соч. С.82.

⁴ Дзеранов Т.Ч. Указ. соч. С.40, 47.

⁵ АКАК. Т.5. С.521-523; Берозов Б.П. Указ.соч. С.83.

⁶ АКАК. Т.5. С.24.

⁷ Кудашев В.Н. Указ. соч. С.90.

ложений позволяет утверждать, что император давал определенный «режим благоприятствования» кабардинцам, но в рамках существовавших к 1812 г. реалий на Северном Кавказе. Перспектива «удовлетворения» кабардинцев землями севернее р. Малки была обставлена условиями неадекватными кабардинскому подходу к проблеме¹.

Кабардинские феодалы остались недовольны итогами депутации в Петербург, и напряженность на Центральном Кавказе сохранилась. Возобновляются набеги кабардинцев на Линию, как составная часть того «жизненного уклада», в незнании которого они упрекали российские власти. Как и ранее, на антироссийских позициях стояло кабардинское духовенство, поддерживаемое османскими властями.

Вместе с тем, в канун начала Отечественной войны 1812 г. в Кабарде началось формирование конного ополчения для направления в действующую российскую армию. Но так как выяснилось, что сбор ополчения никем не санкционирован (авантюра Медокса-Соковнина), оно было распущено, что, по мнению историков, было ошибочным решением².

Данный пример позволяет утверждать, что «фрондирующие» кабардинские феодалы, даже несмотря на антироссийский «подтекст» шариатских порядков, откликнулись на ментально привычный им вариант «вассального служения» России во внешних войнах.

В 1813-1816 гг. российским властям удалось стабилизировать обстановку в Кабарде. Н.Ф. Ртищев разрешил кабардинцам свободный доступ с торговыми делами в города Кавказской губернии и пасти скот в пустующих ее землях³. В 1815 г. кабардинцам (как и прочим «мирным» горцам) было разрешено свободно и бесплатно брать соль в соляных озерах Кавказской губернии⁴.

Однако полного спокойствия в Кабарде все же не наблюдалось.

Ртищевская система отношений с горскими народами была наиболее эффективна на Северо-Западном Кавказе. Немалый положительный импульс для контактов с закубанцами был дан организацией меновой торговли. Этот фактор позволил ногайскому приставу Султану Менгли-Гирею в 1811 г. привести к присяге ряд западноадыгских

¹ ПСЗРИ. Т.32. С.16. №24959.

² Потто В.А. Кавказская война... Т.1. С.656-657; Мальбахов Б.К. Указ соч. С.205; Виноградов Б.В. Кавказский след в войне 1812 г.: авантюра Р. Медокса в контексте специфики российско-кабардинских отношений конца XVIII- начала XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып.9.- Армавир, 2004. С.69-70.

³ Мальбахов Б.К. Указ соч. С.209.

⁴ Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период Ермоловщины. Ч.1.(1816-1822 гг.) // Живая старина. №2.1992. С.8.

племен¹. Это было важно и для того, чтобы в условиях османороссийской войны 1806-1812 гг. не допустить консолидированных антироссийских действий закубанцев или прохода через их территорию турецких войск.

В конкретных условиях 1811 г. принятие подданнических присяг от части населения Кубанского Левобережья было верным тактическим ходом России (хотя и временным, так как по Бухарестскому миру 1812 г. Закубанье продолжало считаться турецким).

Несмотря на сохранившийся фактор набегов, уже после Бухарестского трактата с Турцией (20 мая 1812 г.) российское командование на Кавказской Линии прилагало немалые усилия для продолжения и развития экономических отношений с закубанцами². А так как ряд закубанских князей и уорков были готовы участвовать в ополчении против Франции (авантюра Медокса)³, можно говорить о дружеских контактах России и закубанцев и об ограниченности влияния на последних турок.

Вместе с тем, ртищевская установка на пассивность в пресечении набегов из-за Кубани невольно способствовала усилению влияния на часть западных адыгов османских агентов. Апогеем этого стал увод в Закубанье турецким эмиссаром Сеид-Ахмед-эффенди при поддержке крупной партии западных адыгов группы прикубанских ногайцев в сентябре 1813 г., что заметно обострило обстановку на Кубанской Линии⁴.

Так как закубанцы замыслили повторить вторжение, тогдашний командующий на Кавказской Линии С.А. Портнягин 24 октября 1813 г. нанес предупредительный удар⁵, имевший ряд негативных последствий в отношениях с западными адыгами и приведший к кульминации противоречий С.А. Портнягина с Н.Ф. Ртищевым. Как уже отмечалось, С.А. Портнягин нарушал ртищевские предписания и на Северо-Восточном Кавказе. Все это и привело к снятию его с должности.

События 1813 г. на Кубанской Линии показывают, кроме прочего, что Османская империя, проиграв накануне очередную войну с Россией, не отказывалась от дальнейшей борьбы за Кавказ.

¹ ГАРО Ф.344. Оп.1. Д.223. Л.13об-14; АКАК. Т.4.- С.837-839; Захаревич А.В., Скиба К.В. Военно-политические события на Кубанской Линии в 1811-1816 гг. - попытки мирного сосуществования// Вопросы северокавказской истории. Вып.9.- Армавир, 2004. С.46.

² ГАСК Ф.459. Оп.2. Д.2080. Л.430; ГАКК Ф.670 Оп.1 Д.5. Л.10об-12об, 35.

³ Потто В.А. Кавказская война...Т.1. С.653-654.

⁴ РГВИА Ф.489 Коллекция формулярных списков. Оп.1 Д.3146. Л.50; Там же; Ф.14719. Главный штаб Кавказской армии. Оп.7. Д.96. Л.3; ГАРО Ф.341. Оп.1. Д.733. Л.246об-251; Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896.- Тифлис, 1900. Т.1. С.161-162.

⁵ РГВИА. Ф.846. ВУА. Д.6202. Л.410.

Достаточно своеобразны были события 1811-1816 гг. в Черномории. Линия на умиротворение горцев меновой торговлей присутствовала и здесь. Дополнительно к меновым дворам в Черномории в 1811 г. создаются торговые пункты в Керчи и на Бугазе¹.

Особо заметный след в торговле России с закубанцами оставила деятельность де Скасси².

И все же набеги из-за Кубани (нередко провоцируемые турками) имели место и здесь³, что (в совокупности с целями меновой торговли) свидетельствовало о наличии противоборства Турции и России в борьбе за влияние на народы Северо-Западного Кавказа.

Итак, российско-северокавказское взаимодействие в 1801-1816 гг. в целом проходило под знаком преобладания со стороны России невоенных способов урегулирования местной обстановки. Репрессивные меры генерала П.Д. Цицианова в 1803-1805 гг. против горцев были обусловлены экстренностью внешнеполитических обстоятельств и не выражали генеральную линию Петербурга в отношении местных народов. Однако возвращение в 1806-1816 гг. к тактике мирного увещевания горцев не принесло решающего успеха в контексте внешнеполитической обстановки и особенностей традиционного уклада региональных этнических сообществ. Таким образом, вновь российские интегративные проекты сталкивались с реалиями вызревающего Северокавказского кризиса XIX века.

¹ Шамрай В.С. Указ. соч. С.367; Покровский М.В. Указ. соч. С.121; Гранкин Ю.Ю. Указ. соч. С.116.

² Покровский М.В. Указ. соч. С.122-124.

³ ГАКК Ф.249. Оп.1. Д.464. Л.25.

ОЧЕРК VI. «СИЛОВОЙ ПЕРИОД» В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА РОССИЕЙ (1816-1864 ГГ.)

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКЦИИ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ В РЕГИОНЕ. Среди нелегких проблем внутренней политики, выпавших период на царствования Александра I, Николая I и отчасти Александра II, пожалуй, одной из наиболее сложных было решение задачи по умиротворению Северного Кавказа. Вся первая половина XIX столетия была ознаменована структурным *кризисом*, поразившим русско-северокавказские отношения, что было связано с целым комплексом внутри и внешнеполитических факторов¹. Закономерная экспансия империи на юг, обусловленная жизненной необходимостью обеспечить безопасность своих рубежей, столкнулась с экспансией горских обществ, вызванной стадийными причинами их развития и вылившейся в агрессивную набеговую практику². Этот процесс осложнялся вмешательством иностранных государств, которые в свою очередь стремились к доминированию в регионе и активно поддерживали конфронтацию между российской властью и северокавказскими народами³. Не удивительно, что в такой ситуации российская государственность долгое время не могла добиться поставленной цели. Но постепенные разноплановые шаги, включавшие как силовые акции, так и социально-экономические и культурно-просветительские усилия дали возможность не только сохранить край в составе Российской империи, но постепенно вывели ситуацию из тупика, обеспечили в целом лояльную позицию местных народов по отношению к многонациональному государству⁴.

Следует отметить, что в царствование Александра I на южной окраине империи ситуация складывалась далеко не однозначно. Дос-

¹Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). – М., Армавир, 2007. – С.8; Дударев С.Л. К итогам круглого стола «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» (Ростов-на-Дону, апрель, 2007 г.) // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. – Армавир, 2008. С.81-89.

² Дударев С.Л. Методические заметки по истории. – Армавир, 2004. Вып.IV. С.62-74; Он же. Методические статьи и заметки по истории. – Армавир, 2005. Вып. V. С.С.72-73.

³ См.: Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2008; Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М., 2009.

⁴ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006. С.8-25.

тигнутые военно-политические успехи вместе с тем не давали ожидаемых результатов. Энергичные действия А.П. Ермолова по блокаде «немирных» горцев привели к консолидации их усилий в борьбе с империей. Прибыв в 1816 г. на Кавказ, генерал решил отказаться от порочной, на его взгляд, практики кратковременных походов, в частности против чеченцев, а предложил императору перенести цепь укреплений к подошве гор, в глубь горских земель. Это должно было, на его взгляд, заставить их покориться и прекратить набеги. Последнее, всегда ставилось во главу угла при выстраивании отношений между российской властью и северокавказскими автохтонами. Такая линия действий должна была воплощаться в жизнь как на Северо-Восточном, так и Центральном Кавказе. Что касается Закубанья, то здесь строительство укреплений было невозможно, т.к. эта территория юридически входила в состав Турции, и генерал в качестве эффективных мер видел усиление кордонной Линии и нанесение превентивных ударов против «немирных» горцев¹. Однако подобные действия не дали ожидаемого результата, т.к. быстрого замирения, как на то рассчитывал А.П. Ермолов, не произошло. Фактически постоянно вспыхивали волнения среди местных народов, и все время своего пребывания на Кавказе Ермолов то и дело вынужден был заниматься их подавлением. На усилившуюся эффективность обороны «немирные» горцы ответили повышением организованности набегов, которые получили свою идеологию в виде мюридизма и газавата².

Последствия этого выпало решать уже Николаю I. В его царствование силовые акции нередко становились главным и единственно возможным в той ситуации аргументом в борьбе против ставших на путь борьбы с «неверными» части горцев³.

После побед над Персией и Османской империей в очередной раз возникает иллюзия столь же быстрой победы над «немирными» кавказскими племенами. За основу был взят проект И.Ф. Паскевича, предлагавшего путем широкомасштабного вторжения в горы отрезать их обитателей от равнин и вынудить признать власть царизма. В отличие от ермоловского принципа постепенности этот план был рассчитан на одну кампанию и не учитывал тех серьезных изменений, которые произошли в недрах горских обществ и были связаны с распространением воинственного мюридизма на Северо-Восточном Кавказе.

¹ Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии. – Армавир, 2005. С.78-118.

² См.: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Ессентуки, 1999.

³ См.: Выскочков Л.В. Николай I. – М., 2006. С.294-316; Лапин В.В. Армия России в кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008.

Что касается Северо-Западного Кавказа, то здесь генерал-фельдмаршал не принял во внимание опыт Турции, безуспешно пытавшейся подчинить себе многочисленные и воинственные черкесские племена живущих в труднодоступной местности и в любой момент имевших возможность уклониться от борьбы с превосходящими силами противника. Как следствие, воплощение в жизнь замысла И.Ф. Паскевича оказалось безрезультатным и, отозванный с Кавказа, он потребовал придерживаться исключительно оборонительной тактики, считая, что она является лучшим выходом из сложившейся ситуации.

Признанным авторитетом в оценке кавказских реалий был генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, сподвижник А.П. Ермолова. Он настаивал на организации новых казачьих станиц в местах, которые горцы использовали для разведения своих коней. Таким образом, решались сразу две задачи: «набежчики» теряли мобильность, а Линия получала новых защитников, в значительной степени содержащих самих себя. Строительство обычных укреплений такого результата дать не могло и с экономической точки зрения было разорительно для государства. Резко высказывался генерал против попытки запретить «репрессалии», небезосновательно считая, что это активизирует горские набеги, т.к. исчезнет страх ответного возмездия. При этом он указывал на тщетность достичь успеха в «умиротворении» края, если рассчитывать только на отдельные разрозненные, пусть даже многочисленные экспедиции. Настаивал генерал и на усилении контроля за черноморским побережьем, чтобы пресечь непрекращавшуюся контрабандную торговлю, несущую вред российским интересам в крае.

В целом, следует признать предложения А.А. Вельяминова наиболее обоснованными с военной точки зрения, но они требовали куда больших затрат, нежели предполагал сам разработчик¹.

Северо-Восточный Кавказ являлся наиболее значимым «очагом» т.н. Кавказской войны. Именно здесь пустило корни воинственное идеологическое течение ислама – мюридизм, которое вывело набеговую систему горцев на качественно новый уровень. Здесь происходили наиболее кровавые сражения между царскими войсками и «немирными» племенами.

Во время войны с Персией российскому командованию удалось сохранить относительное спокойствие в крае. И.Ф. Паскевич настаивал на мирном разрешении возникающих конфликтов, закрывая глаза на отдельные случаи «хищничеств». Но наступившее затишье было обманчивым, т.к. в горах все шире разворачивал свою пропаганду Ка-

¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.) / Под ред. В.Б. Виноградова – Пятигорск, 2002. С.310-345.

зи-мулла. Взрыв произошел в 1830 г. и охватил горные районы Дагестана и Чечни. В Кази-мулле российская власть увидела опасного соперника, претендовавшего на влияние в регионе, и попыталась устранить его с помощью армии. Показательно, что действенных шагов в сторону попытки договориться с ним не предпринималось. Для борьбы с имамом перебрасывались дополнительные силы, но он, искусно уклоняясь от сражений, наносил все новые неожиданные удары. Ему удалось держать в блокаде крепость Бурную, Внезапную, разграбить Кизляр и осадить Дербент. Его успехи, приукрашенные молвой, привлекали под знамена мюридизма все новых участников. В конечном итоге Кази-муллу окружили в ауле Гимры, где он в ходе кровопролитного боя был убит. Но это не привело к желанному успокоению и прекращению мюридизма. Новым имамом стал Гамзат-бек, продолживший дело своего предшественника. Он начал подчинять себе различные горские общества, но был убит кровниками, отомстившими за истребление аварского ханского дома. Ситуация вокруг Гамзат-бека в контексте российской политики любопытна тем, что на этот раз власть не спешила расправиться со своим новым противником, а заняла выжидательную позицию. Да и сам новоявленный имам не торопился идти на обострение, помня печальную участь своего предшественника.

Подобная практика некоторое время сохранялась и тогда, когда на смену Гамзат-беку пришел Шамиль¹. Но, очень скоро убедившись, что этот горский предводитель по своим качествам существенно превосходит своих предтеч, царская администрация делает очередную корректировку в своей политике. От стороннего наблюдения она начинает искать возможность договориться с имамом, привлечь его на свою сторону. В период 1835 и 1836 гг. активных военных столкновений на Северо-Восточном Кавказе не происходило, а российская власть вела переписку с Шамилем как с авторитетным, но все же, по мнению царских генералов, неравным партнером. Однако растущие амбиции имама, его активность и неуступчивость стали причиной новой попытки с помощью военной силы устранить эту неудобную фигуру. Но поход генерал-майора Фезе 1837 г., предпринятый с этой целью, оказался неудачен. Шамиль сохранил свою власть, хотя и выдал аманатов. Он подтвердил свою дееспособность как влиятельного владыки, умеющего объединять вокруг себя часть горских народов, а потому с ним в очередной раз попытались договориться. Успехом эти усилия не увенчались. Надежда на встречу Шамиля с Николаем I не оправдалась, т.к. имам не принял этого предложения. И вновь, как это было прежде, решили закончить противоборство одним ударом. Рези-

¹ См.: Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001.

денция Шамиля в ауле Ахульго в 1839 г. была окружена и взята после долгой осады. Но сам имам сумел ускользнуть. Расчеты на то, что его авторитет подорван этим поражением, не оправдались. Непродуманные шаги, направленные на административное обустройство Чечни, привели к восстанию местных жителей, и они вновь призвали Шамиля возглавить их борьбу.

Таким образом, на протяжении конца 20-х – 30-е гг. XIX в. мы видим существенную трансформацию в российской политике на Северо-Восточном Кавказе. От попытки исключительно силового решения проблемы (устранение Кази-муллы) произошел переход к выжидательной позиции (по отношению к Гамзат-беку), а затем появляется стремление договориться с горским лидером в лице Шамиля и, лишь осознав невозможность сделать это, убрать его силами армии¹.

Вновь активизировавшийся Шамиль на этот раз сделал своей резиденцией ичкерийское селение Дарго, откуда начал проводить организованные набеги на равнины. Избегая открытых столкновений с российскими войсками, он преуспел в своей тактике изматывания неприятеля непрерывными нападениями. К имаму вслед за чеченцами вновь потянулись и дагестанцы. Новых союзников горский предводитель вербовал, где уговорами, где угрозами, а где и насилием. Шамиль постепенно создавал эффективное теократическое образование, с помощью которого можно было решать амбициозные военно-политические задачи².

Между тем российское командование, по-прежнему, находилось под впечатлением громкой победы под Ахульго. На первый взгляд ничего существенного не произошло. Формально посланный «умиротворять» Чечню генерал А.В. Галафеев нанес непокорным чеченцам поражение, в очередной раз заставив их бросать свои аулы и искать спасения в лесах. Вторжение самого Шамиля в шамхальство Тарковское было отражено. Но могущество имама эти тактические неудачи поколебать уже не могли. Скомпрометировавшая себя российская администрация в глазах немалой части горского населения выглядела чуждой и враждебной, а потому Шамиль, выступавший в качестве привлекательной альтернативы, мог рассчитывать на рекрутирование все новых сторонников. Рано или поздно это должно было привести к принципиальному изменению ситуации в пользу последователей мюридизма.

¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика... С.362-428.

² Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. С.383-428; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М., 2000. С.335-400; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004. С.441-513.

Весной 1842 г. разгорается упорная борьба за Казикумухское ханство. И хотя его удалось отстоять, но два неудачных похода, затеянных П.Х. Граббе в мае-июле, фактически означали, что Шамиль сумел найти уязвимое место в тактике своих соперников, и отныне прежние методы борьбы с горцами обречены на неудачу.

От обороны мюриды переходят к систематическому и планомерному наступлению. Это были уже не прежние набеги за добычей, а акции, имеющие далеко идущие политические цели. Под ударами превосходящих сил неприятеля в 1843 г. пало Унцукульское укрепление, остаток гарнизона которого сложил оружие. В неравной схватке погибли защитники Гергебиля. Русские войска лишились всех небольших крепостей в Аварии. К концу года под контролем царской армии оставался только Хунзах, но и его пришлось оставить и с боем прорываться к Темир-Хан-Шуре. Таким образом, российская администрация сохранила за собой лишь часть равнинной Чечни, Приморский Дагестан, и небольшие укрепления по рекам Сулак и Казикумухское Койсу¹.

Еще не осознавая всей драматичности ситуации, сложившейся в регионе, Николай I вместо усиления Кавказского корпуса решил в очередной раз произвести кадровую перестановку и назначил его командиром А.И. Нейдгарта, посчитав, впрочем, не без оснований, что разногласия между Е.А. Головиным и П.Х. Граббе явились причиной последних неудач. Впрочем, вскоре император дает распоряжение прислать в Дагестан дополнительные силы в надежде, что удастся решительным ударом не только вернуть потерянные территории, но и сокрушить власть Шамиля. Осторожный А.И. Нейдгарт, помня уроки, полученные П.Х. Граббе от горцев, разделил свои силы на пять отрядов и попытался вытеснить Шамиля из Аварии. Но тот, искусно маневрируя, сумел избежать невыгодного для себя «генерального» сражения, и российские войска ни с чем вернулись на свои базы². Из Петербурга провал кампании 1844 г. казался следствием чрезмерной осторожности А.И. Нейдгарта, а потому ему на смену был прислан М.С. Воронцов, способный администратор и достаточно опытный военный. Пользуясь доверием императора, он должен был стать тем «кризис-менеджером», который не только выполнял директивы из центра, но и самостоятельно формировал политику России на ее северокавказской окраине³. Осознание важности последнего пришло к

¹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – М., 1994. С.371-382.

² Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М., 2007. С.272-276.

³ Удовик В.А. Воронцов. – М., 2004. С.234; Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск, 2009. С.8-12.

Николаю I не сразу, и дебют графа на Кавказе оказался неудачным. Кровавая драма неудачной даргинской экспедиции окончательно заставила отказаться от порочной практики эпизодических репрессалий¹. Ей на смену пришла опробованная А.П. Ермоловым тактика постепенного стеснения неприятеля крепостями, связанными надежными коммуникациями, и широкое внедрение горского способа ведения войны в виде стремительных набегов силами мобильных отрядов. Признанными мастерами последних стали генерал Н.П.Слепцов², Я.П. Бакланов³ и др.

Борьба за захват инициативы носила затяжной, изнурительный характер. Достигший пика своего могущества Шамиль весной 1846 г. осуществил вторжение в Осетию и Кабарду. Под угрозой оказалась имеющая стратегическое значение Военно-Грузинская дорога. В случае успеха имама он мог соединиться с благожелательно настроенными к нему племенами Закубанья. Благодаря энергичным действиям российского командования этот план был сорван, и Шамиль, ограничившись захватом богатой добычи, отступил. Удалось предотвратить и захват Шамилем округа Акуша-Дарго и не позволить ему отрезать друг от друга русские войска в Северном и Южном Дагестане. В то же время неудачей закончилась осада селения Гергебиль, предпринятая М.С. Воронцовым летом 1847 г. Горцы в очередной раз показали, что за последнее время многому научились, и взятие их аулов требует самой серьезной подготовки. Поэтому при захвате селения Салты русский наместник уже не пренебрегал всеми правилами военно-инженерной науки и после осады, длившейся с конца июля по середину сентября, и последовавшего в финале кровопролитного штурма взял этот оплот мюридов. Летом следующего года удалось занять и Гергебиль. В свою очередь Шамиль попытался захватить российское укрепление у селения Ахты, но был отброшен, и вернулся в свою столицу Дарго-Ведено.

С весны 1849 г. противники непрестанно атаковали друг друга, одерживая победы и терпя неудачи. Российским войскам под командованием генерала М.З. Аргутинского-Долгорукова так и не удалось занять аул Чох, обороной которого руководил сам Шамиль, а наибы имама в целом не сумели преуспеть в своих набегих на Закавказье. Казалось, что ситуация остается неизменной. Но вместе с тем очевидным видится тот факт, что большинство задуманных мюридами крупных

¹ Даргинская экспедиция 1845 г. – СПб., 2001; Клычников Ю.Ю. Даргинская экспедиция 1845 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. - Армавир, 2003. – Вып.2. С.184-191.

² См.: Виноградов В.Б. Н.П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». – Армавир, 2000.

³ См.: Потто В.А. Яков Петрович Бакланов биографический очерк. – СПб., 1885.

походов заканчивались провалом, а в целом эффективная оборона рубежей имамата стоила горцам немалых жертв, но при этом не приносила экономической выгоды.

Верно определив уязвимое место своего противника, М.С. Воронцов продолжал настойчиво расшатывать фундамент могущества Шамиля. Зимой 1849-1850 гг. русские войска прорубили просеку в Шалинскую долину, считавшуюся житницей Большой Чечни. До этого под топором солдат легли деревья Гойтинского и Гехинского лесов. Внешне не столь эффектные, как борьба за укрепленные аулы, эти действия, с точки зрения военно-политической целесообразности, были куда более полезны. Местное население, переселявшееся под контроль российских крепостей, получало от русской администрации продовольствие и деньги на обустройство, и это нередко действовало на его умы гораздо эффективнее, чем пушки и штыки. И хотя каждый раз российские войска не обходились без потерь, становилось все очевиднее, что горцы выдыхаются от этой тактики гораздо быстрее «кяфиров». Примечательным событием стал визит в Чечню в 1850 г. наследника престола цесаревича Александра Николаевича, который мог лично ознакомиться с ключевым для всей кампании краем.

Постепенно кризисные явления все явственнее проступали во всех сферах жизни имамата. Большинство горцев устало от войны, и даже среди мюридской элиты находились те, кто не желал больше служить своему свирепому владыке¹. На сторону русских переходили такие знаковые фигуры из окружения Шамиля, как легендарный Хаджи-Мурат, Бота Хамурзов и др. Последний стал верным советником и консультантом нового главнокомандующего - А.И. Барятинского², оказывая ему неоценимую помощь при планировании и проведении боевых походов в Чечне. Сам А.И. Барятинский, будучи начальником Левого фланга Кавказской линии, придерживался тактики непрерывных наступательных действий без сезонных перерывов. Его энергичные действия против чеченцев не ограничивались только репрессалиями и переселениями. По инициативе А.И. Барятинского началось их административное обустройство, в 1852 г. учрежден «народный суд» - мехкеме, который являлся удачным симбиозом российской судебной практики и горских обычаев³.

Все явственнее приближающийся крах имамата несколько отсрочила начавшаяся Крымская война. Российский император дальновидно не поддавался на уговоры покинуть столь тяжело доставшиеся его

¹ Фадеев Р.А. Кавказская война. – М., 2003. С.62.

² См.: Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М., 2007.

³ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. С.525-571.

армии позиции в Дагестане¹. И хотя царское командование вынуждено было свернуть свою активность на Линии, а Шамилю удалось совершить удачное вторжение в Кахетию в 1854 г., общей ситуации это изменить не могло. Напавшие на Грузию горцы ограничились лишь захватом добычи, и их нападение не имело ни военно-стратегических, ни политических последствий. Со смертью Николая I общая линия российской власти на Кавказе не претерпела существенных изменений, и окончательное падение владычества Шамиля оставалось делом ближайших лет.

Ситуация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в рассматриваемый период также оставалась далеко не спокойной и имела свою специфику. Важнейшей задачей российского командования являлось установление контроля над горной Ингушетией и Осетией, т.к. по этой территории проходила стратегическая коммуникация, связывавшая Закавказье с остальной империей – Военно-Грузинская дорога. Для решения этой задачи в 1830 г. были организованы военные экспедиции под командованием генерал-майора Ренненкампа и генерал-майора Абхазова, в результате которых осетины и ингуши подчинились российской администрации и стали привлекаться для обслуживания горной магистрали². Ускорился процесс переселения местных племен на равнину.

Чтобы пресечь нежелательные связи племен Западного и Восточного Кавказа, осенью 1828 г. Г.А. Емануэль совершил поход против карачаевцев, закончившийся «замирением» этого народа. В дальнейшем карачаевцы воздерживались от участия в «Кавказской войне», т.к. мирные отношения с российской властью были гораздо выгоднее для них, нежели конфронтация³.

Немало сил затрачивалось в противоборстве с закубанцами, не раз совершавшими серьезные прорывы в глубь российской территории. Борьба с ними затруднялась тем, что до Адрианопольского мира 1829 г. закубанцы считались подданными турецкого султана и не раз получали от него помощь⁴. Но и после того, как Северо-Западный Кавказ стал формально принадлежать Российской империи, накал борьбы не спадал. Далекое не случайно, что именно здесь раньше всего вернулись к ермоловской тактике, оправдавшей себя на Сунже и в Ка-

¹ Зайончковский А.М. Восточная война, 1853-1856. В 2 т. Т. II, в 2 ч. Ч. 2. – СПб., 2002. С. 439; Покровский Н.И. Указ. соч. С. 458-459.

² См.: Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. – Тифлис, 1889. Т. XIII.

³ Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008. С. 225-245.

⁴ Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006. С. 194-213.

барде. Г.Х. Засс, обративший против горцев их же практику набеговой войны, стал инициатором переноса укреплений с Кубани на Лабу, которая позволила создать предпосылки для дальнейшего прочного закрепления этих территорий за Россией.

Для пресечения связей причерноморских племен с другими державами, прежде всего Турцией, являвшейся главным импортером рабов, поступавших с Кавказа, и таким образом стимулировавшей набеговую практику, а также поставлявшей порох и оружие местным народам¹, России пришлось возводить на восточном берегу Черного моря целую серию крепостей, которые вместе с флотом должны были прикрыть южные рубежи государства. Подобный шаг имел и важное политическое значение. Россия, таким образом, утверждала свое присутствие в регионе, показывала, что способна контролировать новые, расширившиеся границы. Это была сложная задача, потребовавшая значительных усилий. Первоначально блокада побережья проводилась преимущественно средствами флота, но добиться необходимого результата не удавалось. И тогда начинается строительство укреплений, гарнизоны которых должны были участвовать в патрулировании суши. Возведение этих фортификационных сооружений производилось как отрядами, действующими со стороны Кубани, так и с моря, силами морских десантов.

Но, как показала практика, возвести укрепления было легче, чем удержать их. Тяжелый, непривычный климат, скудная, однообразная пища стали причиной высокой смертности среди гарнизонов. Горцы непрерывно тревожили их своими нападениями. Добиться полного прекращения контрабандной торговли так и не удалось, хотя ее масштабы и сократились. Многообещающим оказался опыт использования укреплений в качестве центров торговли с местными племенами. Падение нескольких крепостей в 1840 г. показало уязвимость установленной блокады, но одновременно свидетельствовало, что укрепления действительно служили препятствием для турецких купцов. Однако бесконфликтно занять освобождающуюся от зарубежных конкурентов нишу российская администрация не сумела, а потому конфронтация с оказавшимися на грани голода горцами только усилилась.

Безусловно, строительство укреплений само по себе не могло привести к «замирению» беспокойных горцев, но, являясь частью системы военных, экономических, дипломатических мер, оно приближа-

¹ Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX веке // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2001. Вып.6. Ч.1. С.45-50; Цыбулькинова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII середине XIX в. / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2005. С.17-27.

ло завершение т.н. Кавказской войны и способствовало стабилизации на Северо-Западном Кавказе¹.

Главным внешнеполитическим соперником России на Кавказе с 30-х годов XIX века стала Англия². Не сумев справиться с «русской угрозой» руками турок и персов, англичане начинают активно использовать собственную агентуру в борьбе против российской власти в регионе (преимущественно на Северо-Западном Кавказе)³. Интерес Британии к Кавказу объяснялся ее экспансионистскими устремлениями на Востоке и прикрывался заявлениями о необходимости защищать Индию, на которую якобы покушалась Российская империя.

Своей антироссийской деятельностью выделялся Д. Уркарт, сумевший спровоцировать выступление ряда черкесских племен против России. Он всячески стремился дискредитировать действия царской администрации на Кавказе, призывал не признавать условия Адрианопольского мира 1829 г. Будучи секретарем британского посла в Константинополе, он стал одним из главных инициаторов в организации провокации с отправлением к кавказским берегам шхуны «Виксен» с контрабандным товаром. Разразившийся в связи с этим скандал можно считать наиболее значимым российско-британским конфликтом вплоть до Крымской войны. Помимо Уркарта, на Кавказе действовали Спенсер, Белл, Лонгворт и ряд других подданных Великобритании. Англичане всячески стремились придать «черкесскому вопросу» международный статус, для чего создавали т.н. черкесское правительство, участвовали в подготовке «Декларации независимости Черкесии». Даже уступки России в отношении черноморских проливов на Лондонских конференциях 1840 и 1841 гг. не привели к пересмотру британскими правительственными кругами своих взглядов по кавказской проблеме. Англичане лишь начали действовать более изощренно, организуя и используя в регионе русофобски настроенных польских националистов⁴.

Заметное влияние на племена Северо-Западного Кавказа оказывала деятельность эмиссаров, присылаемых Шамилем. Они стремились консолидировать закубанцев в их борьбе против России. Но усилия Хаджи-Магомета, Сулеймана-эфенди и Мухаммеда Эммина все же не смогли создать государственное образование, равноценное имамату, что, впрочем, не делало борьбу с ними более легкой. Например,

¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика... С.459-489.

² См.: Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М., 2009.

³ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – М., 2007. С.252.

⁴ Клычников Ю.Ю. Российская политика... С.101-127, 429-489.

только в 1849 г. черкесы произвели 101 нападение на Кавказскую Линию. Они не имели столь заметных результатов, как победы Шамиля на Северо-Востоке, но держали Линию в непрерывном напряжении. Чтобы предотвращать вторжения «хищников», российское командование в свою очередь широко применяло превентивные удары. В 1852 г. против «немирных» горских аулов на реках Ходзя, Губс успешно действовал генерал Н.И. Евдокимов. Практиковалась оправдавшая себя практика переселения горцев поближе к российским военным укреплениям. Не чуралась российская администрация и переговоров с наиболее влиятельными горскими фамилиями¹. Но добиться перелома не удавалось ни одной из сторон. В 1853 г. Мухаммед Эммин попытался прорваться в Карачай. Хотя эта акция закончилась для горского предводителя провалом, влияние его среди закубанцев не только не уменьшилось, но даже возросло. Показательно, что к началу Крымской войны набеги на русские пределы достигли необычайного размаха. Но эти набеги носили преимущественно промысловый характер, и даже то затруднительное положение, в котором оказалась российская власть в годы тяжелейшего противостояния с ведущими европейскими державами и турками, не заставили горцев изменить привычному укладу и решать военно-политические задачи. В перспективе это неминуемо должно было привести к крушению антироссийского сопротивления, которому нечего было противопоставить возрастающей эффективности военно-политической, экономической и культурной экспансии империи².

Когда после завершения Крымской войны у Александра II появилась возможность сосредоточить на Кавказе внушительную армию, вооруженную современным нарезным оружием, дни имамата были сочтены. Под ударами российских войск, испытывая все возрастающий внутренний кризис, он разваливался буквально на глазах. Решительные действия генерал-лейтенанта Н.И. Евдокимова привели к тому, что в течение 1858 – начале 1859 гг. от Шамиля откалывается Чечня. Назначенный в июле 1856 г. командующим Отдельным кавказским корпусом и наместником на Кавказе А.И. Барятинский берет штурмом резиденцию имама аул Ведено, а затем окружает и 25 августа 1859 г. заставляет капитулировать Шамиля в ауле Гуниб.

Развязав себе руки на Северо-Востоке, российское командование сосредоточивает свое внимание на усмирении Закубанья. К 1856 г. русские войска в целом закрепились на р. Лабе. В 1860 г., опираясь на

¹ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – М., 2004. С.340-341.

² Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.490-512, 553-555.

Лабинскую и Адагумскую линии, а также на укрепление Майкоп, они начинают активные действия против могущественных и многочисленных абадзехов. Не ограничиваясь только силовыми методами, российская администрация широко практиковала усилия дипломатии и сумела на время нейтрализовать это влиятельное племя. Достигнутый результат позволял сосредоточить усилия на борьбе с другими черкесскими племенами, в частности шапсугами и натухайцами. Отсутствие среди горцев, находящихся на догосударственной стадии развития и не сумевших переступить через племенную разобщенность должного единства, облегчала действия имперских властей. После того, как в сентябре 1860 г. командующим войсками Кубанской области был назначен Н.И. Евдокимов, был окончательно определен план покорения Западного Кавказа, утвержденный князем А.И. Барятинским. Он предполагал движение русских войск параллельно Главному Кавказскому хребту от р. Лабы на запад и от моря на восток навстречу друг другу. В конечном итоге этот замысел был осуществлен на практике, позволив окончательно сломить сопротивление «немирных» горцев. В 1862 г. стало очевидным, что в войне на Северо-Западном Кавказе произошел перелом. Перед черкесами был поставлен нелегкий для них выбор, либо признать власть российского императора и переселиться на контролируемые русскими войсками земли, либо перебраться в Турцию, где, как считали многие из них, султан обеспечит своим единоверцам «райскую» жизнь¹. Остатки сопротивления горцев были сломлены к 1864 г.

В свою очередь Османская Порта, жаждавшая создать из выходцев с Кавказа послушное орудие против христианских народов, населявших империю султана, развернула активную пропаганду по привлечению горцев к переселению. В этом она нашла активных союзников в лице мусульманского духовенства, боявшегося, что в православной стране ее позиции будут подорваны. Инициаторами переезда были и представители привилегированных сословий горцев, стремящихся сохранить свои феодальные права на крестьян, которые в России после 1861 г. неминуемо должны были исчезнуть. В Турции на тот момент проживало довольно много выходцев с Кавказа, не потерявших родственных связей с соплеменниками. Они также оказывали немалое воздействие на процесс выселения. Не осталась в стороне и британская дипломатия, видевшая в горцах инструмент, который можно бы-

¹ Скибицкая И.М. Создание кордонных линий и продвижение военных отрядов в Закубанье в 1860-1862 гг. (историко-географический аспект завершающего этапа Кавказской войны) // Историко-географический сборник. Выпуск.1. / Под ред. А.М. Авраменко. – Краснодар, 2007. С.409-429.

ло использовать против России. Совокупность всех этих факторов привела к тому, что в 60-90-е годы XIX века произошел массовый исход туземного населения с родных мест¹.

Российская администрация предпринимала шаги по оказанию помощи переселенцам. С этой целью создавались специальные комитеты, следившие за тем, чтобы горцы могли выгодно продать свое имущество, которое невозможно было забрать с собой, предоставлялись пособия для особо нуждавшихся, заготавливались запасы продовольствия и одежды. Власти следили, чтобы судовладельцы, перевозившие переселенцев, в корыстных целях не перегружали свои корабли и тем не увеличивали смертность населения.

Предполагалось, что желание покинуть Кавказ выскажет небольшая, наиболее беспокойная часть его жителей. Но на практике оказалось, что переселение приобрело непредвиденно огромные размеры. В этой связи кавказское руководство начало прибегать к различным экономическим, административным, пропагандистским шагам, чтобы приостановить этот поток. Но успех достигался далеко не всегда. По весьма приблизительным подсчетам общее число переселенцев достигло от 400 до 500 тыс. человек, большая часть которых являлась выходцами с Северо-Западного Кавказа, имевшего традиционно тесные связи с Турцией.

Таким образом, присутствующий в конце Кавказской войны курс правительства на поощрение части горцев к выселению, не являлся главной причиной их массового «махаджирства». Недаром многие из них стремились вернуться на родину, считая, что в России им было гораздо лучше, чем в Османской империи. И только опасение, что их массовое возвращение может привести к дестабилизации обстановки в регионе, заставляло российскую власть ограничивать их переселение обратно².

Что касается самого термина «махаджиры» («мухаджиры»), т.е. переселенцы, закрепившимся за горцами, покинувшими Кавказ, то он достаточно условен. Изначально это был мусульманин, перебравшийся вслед за пророком Мухаммедом из Мекки в Медину, спасаясь от преследований язычников, ради своих религиозных воззрений ли-

¹ Жилиев Д.В. Еще раз о периодизации эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы научно-педагогического семинара). – М.- Армавир, 2009. С.23-27; Он же. К вопросу о мотиве и характере эмиграционных процессов на северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). – М.-Армавир, 2009. С.43-52.

² Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д, 2006. С.90-121.

шившийся имущества и порвавший родственные связи. На Кавказе, где переселялись целыми племенами и по возможности вывозившими весь свой скарб, мы ничего подобного не видим. Да и религиозные чувства далеко не всегда играли главенствующую роль, нередко уступая место экономическим расчетам¹.

Представляется, что российская государственность сумела выработать верную военно-политическую линию во взаимоотношениях с населением Северного Кавказа. Учитывая, что избежать военной составляющей в проводимом на Северном Кавказе политическом курсе было невозможно, следует признать, что он был сведен к разумному минимуму. Отказавшись от эпизодических акций и стремления навязать противнику генеральное сражение, перейдя к систематическим «осадным» шагам, российское командование выработало оптимальную модель своих действий в регионе. Все это позволяло расширить экономические, культурные и т.п. мирные способы влияния на местное население. Именно последние в конечном итоге стали главными факторами, обеспечившими органичную адаптацию северокавказской окраины России в общеимперский организм.

«Кавказская война» была одной из самых длительных в истории России и принесла неисчислимые бедствия ее участникам. Но понесенные жертвы были не напрасны. Страна получила надежные границы на южных рубежах, а местные племена в составе России вышли из исторической изоляции. События и последствия войны на Кавказе до сегодняшних дней болезненно воспринимаются в памяти народа. Они требуют внимательного и ответственного изучения и не приемлют скороспелых выводов.

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КОЛОНИЗАЦИОННО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. Хозяйственно-экономическое освоение Северного Кавказа являлось одной из стратегических задач в российской политике в регионе. Без этого добиться прочного присоединения края к империи было невозможно. Проекты изменения нравов воинственных горцев, которые разрабатывались российским правительством, только тогда могли воплотиться в жизнь, когда подкреплялись соответствующими экономическими рычагами. Благодаря хозяйственному взаимодействию между разными наро-

¹Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи... С.323-400.

дами региона «складывался новый комплекс хозяйственно-бытового уклада, соответствующий природной и социальной средам»¹.

Важнейшей приоритетной отраслью хозяйства было земледелие. Помимо традиционных для региона культур, таких как пшеница, ячмень, просо, рис, подсолнечник и др. поощрялось внедрение новых растений, например, кукурузы, которую специально для этого закупали в других местах². С 40-х годов начинается распространение картофельных посадок. Отношение к этой культуре со стороны коренного населения было настороженным, но власти, тем не менее, проявляли настойчивость и принудительно обязывали разводить эти полезные и перспективные плоды.

Постепенно регион стал превращаться в крупный центр по производству хлеба. Большую часть зерновой продукции давали хозяйства государственных крестьян.

Впрочем, земледелие в целом носило экстенсивный характер, в основе которого лежала переложная система земледелия, и лишь к 1861 г. постепенно начался переход к трехполью³. Кроме того, потенциальные возможности региона в зерновом производстве полностью не использовались, так как даже к середине XIX в. площадь лишь 7 % всей территории края⁴. Поэтому полностью решить проблему обеспечения населения продовольствием за счет собственных ресурсов не удавалось и приходилось завозить его из соседних губерний.

Более успешным было занятие садоводством и огородничеством. Продукция садов и огородов шла главным образом на удовлетворение собственных потребностей производителей и лишь в незначительной мере на продажу. Среди разводимых технических культур выделялась марена, из корня которой производился широко востребованный российской текстильной промышленностью краситель. Это являлось частью общегосударственного экономического курса на сокращение зависимости от ввозимых иностранных товаров, в том числе заграничных красящих веществ. В рассматриваемый период дальнейшее развитие получает табаководство. Примечательным фактом является эксперимент с высадкой семян табака, завезенных с острова Куба в 1849 г., в Дербентском уезде, Южном Табасаране и Ахтах⁵.

¹ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Армавир, 2001. С.90-91.

² Государственный архив Ставропольского края (в дальнейшем ГАСК). Ф.79. Оп.1. Д.1316.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988. С.68. (в дальнейшем ИНСК).

⁴ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М., 1957. С. 77.

⁵ ИНСК. С.65.

Особое внимание уделялось винодельческой отрасли, центром которой оставался Кизлярский уезд¹. Для улучшения местных сортов винограда на Северный Кавказ специально завозили элитные виноградные лозы из Крыма². Заметные успехи в виноградарстве в первой половине XIX в. были достигнуты на Ставрополье³. Но, несмотря на заботу со стороны местной власти к нуждам северокавказских виноделов, эффективной отдачи не получилось. Ошибки в налоговой политике, неумение противостоять разгулу стихии разоряли отрасль. Среди прочих причин, видимо, не последнюю роль играло то, что решать экономические проблемы приходилось военной администрации, недостаточно компетентной в этих вопросах.

Северный Кавказ оставался местом развития экстенсивного скотоводства. Оно являлось одной из основных статей доходов региона. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, отчасти верблюдов. Лошади с клеймом местных коннозаводчиков пользовались заслуженной популярностью далеко за пределами региона. Успехи в торговле шерстью и шерстяными изделиями как на внутреннем рынке, так и за рубежом основывались, в том числе, и на кавказском сырье. Власти поощряли занятие свиноводством, но большого распространения оно не получило⁴.

На Каспийском, Черном, Азовском морях, на Тереке и Кубани была возможность заниматься рыбной ловлей, что также соответствовало политике достижения экономического самообеспечения края и превращения его в дальнейшем в регион, способный пополнять государственную казну.

Большое значение придавалось производству шелка. Здесь впечатляющих успехов добился известный не только на Кавказе, в Центральной России, но и в Европе помещик А.Ф. Ребров⁵. Однако его достижения были скорее исключением, т.к. отрасль не получила поддержки со стороны местных предпринимателей, предпочитавших менее обременительные хозяйственные промыслы. Большая трудоемкость, отсутствие достаточного количества свободных рабочих рук препятствовали развитию этой отрасли.

¹ Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. - Георгиевск-Новопавловск. С.6-18.

² Чуприна Е.А., Самовтор С.В. Начало Таманских виноградников (по материалам ГАКК) // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы 10-й всероссийской научно-практической конференции) / Под ред. В.Б. Виноградова. – М.-Армавир, 2007. С.115.

³ Там же. С.64.

⁴ Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. – Орджоникидзе, 1989. С.200.

⁵ ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.489.

Огромные перспективы скрывались за нефтяным промыслом, но в первой половине XIX века он еще не имел промышленного применения, а потому объемы добычи этого ценного сырья были невелики. С 30-х годов основным местом добычи нефти стали грозненские прииски. Отсюда нефть бочками возилась в Моздок или станицу Наурускую на переработку, а полученный продукт реализовывался не только на местном рынке, но еще и вывозился в Москву и на Нижегородскую ярмарку. Нефтяные колодцы в районе Грозного в 1855 г. были отданы в аренду купцу С. Чекалову, который хотя и увеличил добычу до 15 тыс. пудов, перейти на промышленные масштабы не сумел. Нефтяные колодцы, отданные откупщикам, имелись и в Дагестане¹.

Успешное развитие региона сдерживали отсутствие удобных путей сообщения, политическая нестабильность, незаинтересованность в должной мере отечественного капитала в местном рынке². Последнее во многом объяснялось сохранением в стране крепостнических порядков. Таким образом, медленное экономическое освоение края затрудняло воплощение в жизнь планов по мирному решению кавказского вопроса.

Важную роль в вовлечении местных народов в орбиту политического, экономического и социокультурного влияния России играли города³. Своеобразной «экспериментальной» площадкой, которая должна была стать «витриной» российского Кавказа, стали курорты на Кавказских Минеральных Водах. Хотя официально курорты были основаны по указу Александра I от 24 апреля 1803 г., но, по существу, развиваться они начали лишь с приездом на Кавказ А.П. Ермолова. Перед генералом, оценившим значение этих благодатных мест, стояло множество задач: как обеспечить безопасность приезжающих на лечение, создать им хотя бы некоторые удобства, решить проблему с продовольствием. По приказу А.П. Ермолова находящийся близ Константиногорской крепости Трамов аул, жители которого участвовали в набегах на российские поселения, был перенесен на другое место. Началось заселение укреплений, расположенных на Кавказских Минеральных водах женатыми солдатами, которые не только участвовали в охране отдыхающих, но и снабжали их продовольствием и жильем. Этой же цели служили шаги по основанию в районе Пятигорья ряда

¹ ИНСК. С.74-75.

² АКАК. – Тифлис, 1881. Т.VIII. С.817-819.

³ См.: Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007; Пылков О.С. Возникновение форштадтов при крепостях на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. – Армавир, 2008. С.107-110.

казачьих станиц. По инициативе генерала на Воды приезжают архитекторы брата Бернардацци, которые по существу определили будущий облик курортов. Усилиями таких специалистов, как А.П. Нелюбин, Ф.П. Конради, продолжилось медицинское исследование природных богатств этой территории¹.

С отставкой А.П. Ермолова внимание властей к региону КМВ не ослабевало. Был создан даже специальный комитет, в задачу которого входило обеспечение благоустройства мест лечения и отдыха на Водах². Благотворной для курортов оказалась деятельность генерал-лейтенанта Г.А. Емануеля, способствующего строительству новых «купален», домов для размещения приезжающих, приложившего немало сил для устройства аллей и парков. Лучшей характеристикой возросшей популярности курортов стали их описания в произведениях гениев отечественной словесности А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др.

Важное значение для статуса КМВ сыграло перенесение окружного центра из Георгиевска во вновь учрежденный город Пятигорск. В городе постепенно возводились разнообразные архитектурные постройки, которые наряду с природным ландшафтом делали его одним из красивейших в России.

Большое внимание стали уделять почтовой связи курортов с другими регионами страны. С этой целью была организована экстрепочта, действовавшая гораздо оперативнее обычной³.

Местные жители, благодаря курортам, имели определенный доход от торговли. Можно с уверенностью утверждать, что в 30-е годы XIX века проблема обеспечения приезжающих продуктами питания была решена.

На курортах, прежде всего в Пятигорске, возникли собственные промышленные предприятия. Конечно, это были еще небольшие, скорее кустарного типа промыслы, но они, тем не менее, способствовали упрочению хозяйственной базы микрорегиона.

К сожалению, медицинское обеспечение лечебниц оставляло желать лучшего. Профессионализм многих докторов был не на высоте. Играло свою роль и слабое знание свойств минеральных источников. Впрочем, шаги по исправлению такой ситуации предпринимались, о чем говорят труды Ф.П. Конради, исполнявшего должность главного врача на КМВ.

¹ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова... С.75-81.

² Очерки истории Ставропольского края. С древнейших времен до 1917 года. – Ставрополь, 1986. Т.1. С.183.

³ Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. – Ставрополь, 1974. С.65-68.

Отпугивало потенциальных посетителей и отсутствие комфортных условий на пути к Пятигорью. Небезосновательны были опасения оказаться ограбленным и плененным «немирными» горцами.

И все же в рассматриваемый период курорты на КМВ продолжали успешно обустроиваться. Уже стало очевидно их государственное значение как одного из центров российской бальнеологии. Курорты после 1846 г. переживают подлинный расцвет, что было связано с их передачей под непосредственное управление в руки наместника Кавказа. М.С. Воронцов, будучи талантливым администратором, немало потрудился для их дальнейшего поступательного развития. Все лучшее, что было достигнуто в предшествующие годы, князь не только сумел сохранить, но и значительно преумножил. И хотя преемники М.С. Воронцова, занятые решением, прежде всего военных проблем, первое время не считали КМВ приоритетной целью своей политики, курорты выстояли. После 1861 г. было решено передать их в руки частных управляющих. Данное решение, хотя и было не бесспорным, очевидно в той ситуации выглядело оправданным и позволяло приобщить частный капитал и частную инициативу на благо курортного дела¹.

Торговля являлась важной составляющей хозяйственно-экономической жизни региона. В ней российская администрация видела возможность мирного решения кавказского вопроса, небезосновательно считая ее альтернативой войне. Горцы, издревле занимаясь земледелием, животноводством, различными кустарными промыслами, стремились предложить плоды своего труда на продажу и, в свою очередь, приобрести нужные им товары. Российское правительство стремилось поставить данный процесс под свой контроль, считая, что это позволит влиять на горцев, изменять их воинственные нравы. С этой целью открывались меновые дворы и соляные магазины, но существенным недостатком подобных учреждений был натуральный характер торговых операций и неэквивалентные цены, назначаемые царской администрацией. Все это предопределило кризис меновой торговли. Таким образом, возникло стремление горцев и русских обходить бюрократические препоны, тайно устанавливая торговые связи друг с другом. Куда более успешно развивалась ярмарочная торговля, обороты которой с каждым годом возрастали, но она носила эпизодический характер и полностью удовлетворить потребности в товарообмене не могла².

¹ Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начала XX вв. – Пятигорск, 2006. С.44-48.

² ИНСК. С.83.

Примером эффективной торговой деятельности служили успехи армянских купцов. Они проникали в глубь горских территорий, где, пользуясь покровительством привилегированных сословий коренного населения, прибыльно обменивали привезенный товар. В казачьих станицах, городах и крепостях армяне имели постоянные лавки. Российская администрация колебалась в отношении к их деятельности: от запрещения армянской торговли, как нежелательной конкуренции, до поощрения, ввиду ее благотворного влияния на горское население, привлекаемого, таким образом, к мирной жизни.

Собственный опыт по организации торгового попечительства для налаживания обмена с черкесами и абазинами закончился неудачей. Ожидалось получить от проекта не столько экономическую выгоду, сколько средство от набегов, что в конкретных исторических условиях было утопией. Впрочем, отрицать благотворное воздействие торговли на горцев нельзя, и опыт налаженного по инициативе Н.Н. Раевского в черноморских укреплениях обмена соли на горские «произведения» - тому яркое подтверждение¹.

Активизация торговли происходит в 40-50-е годы XIX в. Отличительной особенностью этого периода стало появление базарных пунктов, лавок. Согласно «Положению о меновой с горцами торговле», принятому в 1846 г., открывались дополнительные дворы, а кавказский наместник получил право перемещать пункты для меновой торговли в наиболее подходящие места по своему усмотрению. Следствием нововведений стало увеличение торгового оборота на Кавказской линии почти в два раза, что оценивалось в 400 тыс. рублей. Но как бы ни старалась администрация, попытка уместить торговые интересы в рамках меновой регламентации каждый раз заканчивалась неудачей. Не помогла и передача в 1853 г. меновых дворов на откуп купцу первой гильдии Крутицкому².

Сама по себе торговля не могла разрешить тугой узел Кавказской проблемы. Колебания российской власти от запрещения торговли к ее поощрению вполне закономерны. Мирный выход из сложившейся ситуации всегда оставался наиболее желанным для российского правительства, но, учитывая, что Кавказ продолжал иметь для страны более военно-стратегическое значение, а для его экономического освоения Россия была еще не готова, становится очевидно, что преимущественно военные акции были основным реальным инструментом решения задачи по его «умиротворению». Социально-экономическое и политическое развитие сторон не оставляло в этот период другой

¹ Архив Раевских. – СПб., 1910. Т.3. С.63, 65, 66, 68 и др.

² ИНСК. С.82.

возможности. Предполагаемые экономические выгоды российско-горской торговли подчинялись главной стратегической цели – «усмирению» горских племен.

Главным результатом развития торгово-экономических связей России с горскими народами стало включение к середине XIX в. экономики горцев в единую экономическую систему России в качестве ее неотъемлемой составной части. Это формировало предпосылки перспектив дальнейшего углубления интеграции Северного Кавказа с остальной частью России и, соответственно, последующего развития горских народов уже в рамках системы складывавшихся индустриально-капиталистических отношений. Впоследствии, в связи с отменой крепостного права и завершением промышленного переворота эти перспективы осуществились¹.

Российские власти предпринимали энергичные шаги по колонизации Северного Кавказа казаками и крестьянами, которые должны были способствовать укреплению этого стратегического рубежа и содействовать экономическому подъему региона. В обращении А.П. Ермолова к Александру I от 11 марта 1821 г. предлагалось переселить ближе к кордонной линии казаков из тыловых станиц и, кроме того, причислить в казачье звание ряд казенных крестьянских селений. После долгих обсуждений ермоловский план был принят 11 декабря 1823 г.²

Помимо переселения казаков генерал А.П. Ермолов просил императора с целью увеличения русского населения на Северном Кавказе назначать во вверенный ему корпус женатых рекрутов, а также жен тех солдат, которые несли службу на Кавказе. Эта просьба была удовлетворена предписанием от 9 февраля 1821 г.³

В ермоловский период наряду с казачьей и крестьянской колонизацией на Северный Кавказ прибывали и государственные крестьяне центральных губерний, которые особенно страдали от безземелья. Новопоселенцы размещались не только на Кавказской линии, но направлялись и в Черноморию. Сюда устремились преимущественно выходцы из Полтавской и Черниговской губерний. Подготовка к их переезду началась в 1820 г., а сам процесс, начавшийся в 1821 г., завершился к 1826 г. Для приема переселенцев 6 сентября был учрежден особый Комитет. За это время переселенцы, число которых достигло 48382 человек, разместились в 17 новых и 37 старых селениях⁴.

¹ Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв. – Пятигорск, 2002. С. 191.

² ПСЗРИ. – СПб., 1830. Т.38. №29682.

³ Там же. Т.39. №29762.

⁴ Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год – Екатеринодар, 1880. С.104-106.

Колонизация, порой плохо организованная, обременительная как для переселенцев, так и для правительства, вместе с тем имела положительное значение в деле освоения новых территорий и усиления позиции России в этом регионе¹.

Не прекращался процесс колонизации Северного Кавказа и в последующем. Как и прежде предпочтение отдавалось казакам, которые могли не только защитить себя от «хищнических» набегов, но и принять участие в наступательных операциях Кавказского корпуса. Среди стратегически важных участков, подлежащих заселению в первую очередь, было Центральное Предкавказье, контроль над которым позволял изолировать народы Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа друг от друга, не давая им скоординировать усилия в борьбе против царской власти. Следил за воплощением этого замысла лично император Николай I, побывавший на Кавказе в 1837 г. Основу вновь устроенных станиц Ардонской, Архонской, Урухской, Пришибской составили казаки малороссийских полков, до этого принимавших участие в наведении порядка в Польше. В дальнейшем к уже имеющимся населенным пунктам прибавились новые.

В ходе проведения колонизации активно привлекались и военные поселенцы. В отличие от других губерний России на Кавказе этот опыт давал положительные результаты и был оправдан². Армия в целом играла роль не только военной силы, но и важного элемента в социально-экономическом и культурном развитии региона³.

Среди желающих перебраться в новые места значительную часть составляли однодворцы и другие казенные крестьяне. Правительство, поощряя подобную тенденцию, издавало соответствующие распоряжения, легализуя данный процесс. С целью усиления обороны Кавказской Линии многие из однодворцев были переведены в казачье сословие. Но наряду с официальными колонистами на Кавказ устремился и поток беглых крестьян, искавших здесь землю и волю.

Продолжала возрастать численность населения Черномории. По инициативе властей происходило заселение Анапы и ее окрестностей.

¹ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова ... С.100-116.

² АКАК. Т.VIII. С.381-382.

³ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). – Армавир, 2006. С.26-72; Пылков О.С. Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.). Дисс. к.и.н. – Ставрополь, 2008; Он же. О некоторых аспектах деятельности российских властей по оказанию медицинской помощи горцам Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.) // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). – М.-Армавир, 2009. С.61-70.

Однако непривычные климатические условия и непрекращающиеся нападения горцев затрудняли и тормозили этот процесс¹.

Стремясь к распространению европейского опыта ведения хозяйства в условиях Кавказа, власти всячески поощряли организацию здесь европейских колоний. Но, несмотря на всевозможные льготы и поддержку, они так и не стали определяющим фактором в деле освоения региона.

Среди шагов российской администрации, направленных на стабилизацию ситуации в регионе, были и такие меры, как перемещение ряда горских племен на территорию, контролируемую российскими властями. Зачастую это соответствовало их собственным нуждам, т.к. они получали доступ к плодородным землям и гарантию безопасности. Наиболее беспокойных представителей горцев и кочевников изолировали от соплеменников, высылая в глубь России.

Согласно имеющимся данным на 1858 г. численность населения Северного Кавказа составила 2247,9 тыс. человек, из которых на долю славянского населения приходилось 780,4 тыс. человек. Среди последнего преобладали казаки, ставшие «основой русского населения края», при этом не только неся нелегкую военную службу, но и оставаясь «опорой правительства и в хозяйственном освоении предкавказских степей, и (отчасти) в вовлечении в российскую экономику горских народов².

В дальнейшем этнодемографические и миграционные процессы в регионе определялись ликвидацией крепостнической системы и последовавшими за этим реформами, а также завершением активной фазы вооруженного противостояния со стороны части непримиримо настроенных горцев и российского государства.

Одновременно с переселенческими действиями российская администрация предпринимала шаги по усилению своего административного влияния в регионе³.

Наряду с другими факторами, становление единого культурного поля обеспечивало целостность и незыблемость государства, способствовало возникновению единых ментальных установок для людей, относящихся к разным народам, но при этом проживающим в одном Отечестве. Культурно-просветительская политика российского правительства на Кавказе была направлена на мирное решение имевшихся в

¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика... С.196-205.

² Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005. С.31.

³ История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2004.

регионе проблем. Предполагалось изменить нравы воинственных горцев и, таким образом, покончить с кровопролитием¹.

Кавказские реалии нашли широкое отражение в литературных, музыкальных, живописных произведениях. Эти сферы культурной жизни оказались наиболее восприимчивы к осознанию особенностей горной страны и ее народов. В произведениях российских поэтов, писателей, композиторов, художников осуществлялась попытка понять ментальные особенности горцев. Далеко неоднозначно оценивая их жизненный уклад, имеющиеся ценностные ориентиры наиболее дальновидные представители российской творческой интеллигенции призывали в своих работах не отвергать их полностью, а включать в российское культурное пространство.

Художественное восприятие северокавказской действительности, хотя зачастую и мифологизированное, способствовало постепенному пониманию со стороны широкой общественности специфики региона и его автохтонного населения.

Культурное поле России невозможно представить без Северного Кавказа, особенно если речь идет об отечественной литературе. Судьба многих «знаковых» не только для нашей страны, но и для всего мира поэтов и писателей неразрывно связана с этим краем. Это можно сказать о А.А. Бестужева-Марлинском, А.С. Пушкине, А.И. Полежаеве, М.Ю. Лермонтове, Л.Н. Толстом и многих других.

Русская литература позволяла прогрессивно мыслящим горцам видеть не только русского человека и Россию в целом, но и самих себя, свои особенности и исторические перспективы. Одновременно, освещение кавказской темы в русской литературе значительно обогатило ее, стало важным источником для дальнейшего развития².

Далеко не сразу открылся для России музыкальный мир Кавказа. Музыкальным романтиком края стал А. Алябьев. Особенно ярко это нашло отражение в «Черкесской песне», музыкально-драматическом отрывке из «Кавказского пленника», созданных на стихи А.С. Пушкина, ряде других произведений. Первооткрывателем песенного мира «русского Востока» в классической музыке явился М. Глинка. Его кавказские впечатления легли в основу «Лезгинки» в опере «Руслан и Людми-

¹ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.) / под ред. С.И. Линца. – Пятигорск, 2006.

² См. напр.: Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы (сборник статей). – Армавир, 2003; Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Дань лермонтовской судьбе (историко-литературоведческие этюды) / Под ред. Н.Н. Великой. – Армавир, 2004; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г., Чарыкова Ю.Е. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости» / Под ред. С.А. Головановой. – М.-Армавир, 2009; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. АК.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек» / Под ред. М.И. Серовой. – М.-Армавир, 2009. Ч. I, II и др.

ла». Кавказские Минеральные Воды посетил глава «Могучей кучки» М. Балакирев. Композитор стремился ознакомить народы Кавказа с европейской музыкой, открыть здесь Русское музыкальное общество¹.

Безусловный интерес не только для ученых и государственных деятелей, но и для всех, кому был интересен Кавказский край, вызвали рисунки и картины, сделанные людьми, побывавшими на этой далекой окраине Российской империи.

Тревожная ситуация в крае, непрекращающиеся боевые действия не могли не отразиться на творчестве живописцев. Воздействие непростой военной обстановки на русское изобразительное искусство было многосторонним и плодотворным. Появилось множество новых сюжетов, типов, характеров, картин дикой и одновременно прекрасной кавказской природы и т.п. Кроме того, художники чувствовали себя на далеком Кавказе более независимо, чем в столице.

Кавказские мотивы широко представлены в работах Е. Корнеева, Н. Чернецова, И. Айвазовского, Г. Гагарина и др. Среди тех, кого Кавказ вдохновил запечатлеть его пейзажи и жителей на холсте и бумаге, был М.Ю. Лермонтов. Его живописные работы служили прекрасным дополнением к поэтическим произведениям, посвященным Кавказу².

С помощью пропаганды христианских идей предполагалось преодолеть имеющееся различие между российской культурой и традиционными ценностями местных народов. Христианство, обладая огромным гуманистическим потенциалом и одновременно призывая к смирению, по мнению российских властей, было способно умиротво-

¹ Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. И звезда с звездой говорит... – Ставрополь, 1980; Русская музыкальная литература. – Л., 1970. – Вып. I; Музыка. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. – М., 1998; Коваленко А. Михаил Иванович Глинка (К 175-летию со времени пребывания на Кавказских Минеральных Водах) // Ставропольский хронограф на 1998 год. – Ставрополь, 1998.

² Эфрос А.М. Два века русского искусства. – М., 1969; Академик живописи П.З. Захаров: Материалы научной конференции, посвященной изучению и популяризации жизни и творчества художника из чеченцев. – Грозный, 1976; Гончарова Н.Н. Е.М. Корнев. Из истории русской графики начала XIX века. – М., 1987; Никанор Григорьевич Чернецов (К 120-летию со дня смерти) // Ставропольский хронограф на 1999 год: Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1999; Садовень В.В. Русские художники баталлисты XVIII – XIX веков. – М., 1955; Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность // Русская Старина. – СПб., 1878. Апрель; Пахомов Н.П. Живописное наследие М.Ю. Лермонтова // Литературное наследие. – М., 1948. №45-46; Доногоно-Коркмас М. Кавказский художник князь Г.Гагарин. – Махачкала, 1993; Теодор Горшельт (К 125-летию со дня смерти) // Ставропольский хронограф на 1996 год: Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1996; Хлудова Л.Н. история Кубани в произведениях живописи и графики (XV – 60-е гг. XIX в.). – Армавир, 2005; Она же. Некоторые черты образа «настоящего кавказца» в произведениях живописи и графики лермонтовской эпохи // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. – Армавир, 2008. С.111-114; Она же. Земля «геноцида» глазами российских художников XIX в. // Российский Северный Кавказ: текущие рисунки, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). – М.-Армавир, 2009. С.125-130.

ритель беспокойный край, стать основой для органичного включения местных народов в состав империи. Все это предопределило большой интерес к миссионерской практике в российской политике на Северном Кавказе.

Однако организация данного процесса оставляла желать лучшего. Действующие миссионерские общества нередко формально подходили к выполнению своих обязанностей. Ситуация осложнялась военной нестабильностью в регионе. Непросто складывались взаимоотношения официальной церкви и старообрядцев, которых считали еретиками и пытались заставить отречься от своих убеждений, что приводило к конфликтным ситуациям.

Все очевидней становилась необходимость создания самостоятельной Кавказской епархии, имеющей собственные духовные образовательные учреждения, способные не только обучить азам церковной службы, но и воспитать действительно грамотных священнослужителей. И такой шаг был сделан благодаря инициативе командующего войсками на Кавказской Линии и Черномории П.Х. Граббе, который сумел убедить императора и Синод в целесообразности подобной меры. 4 апреля 1842 г. Николай I утвердил доклад о создании Кавказской епархии, первым епископом которой стал Иеремия. Новая епархия официально начала свою деятельность с 1 января 1843 г.

Не просто складывались взаимоотношения российской администрации с местным мусульманским духовенством, первое время враждебно относящимся к новой власти. Для обеспечения спокойствия на Северном Кавказе правительство стремилось заручиться его поддержкой и лояльностью. Хотя и не сразу, эта практика принесла свои положительные плоды.

Привлекались религиозные структуры и для решения проблемы по распространению образования среди народов края, что наряду со светскими учебными заведениями способствовало распространению грамотности у местных жителей¹.

В рассматриваемый период открывались школы, училища, гимназии, в которых наряду с русскими детьми проходили учебу и дети горцев. Это, безусловно, способствовало налаживанию взаимопонимания между народами, вело к выработке общих культурных ценностей. Стремясь ускорить процесс подготовки верных правительству кадров чиновничества из числа кавказских народов, принимается решение за счет казны отправлять их на учебу в Московский университет. Учреждались и особые «кавказские стипендии» для содержания молодых людей, в которых видели будущих просветителей и провод-

¹ Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С.99-120.

ников русской культуры среди местного населения. Вместе с тем отдаленность Кавказа, сложная ситуация в регионе мешала Министерству народного просвещения непосредственно заниматься устройством кавказских школ, и оно перекладывало основные тяготы и заботы на плечи местной администрации. Последняя ограничивалась эпизодическими акциями и не могла организовать целенаправленную и последовательную политику в сфере образования, хотя и добивалась определенных успехов.

К их числу следует отнести открытие 18 октября 1837 г. Ставропольской гимназии, где побывал император Николай I во время своей инспекционной поездки в край. Показательно, что при подготовке учебной программы для этого среднего учебного заведения были учтены региональные потребности и особенности, а потому пристальное внимание уделялось освоению местных языков. При гимназии действовал пансион, в котором проживали дети тех родителей, которые находились вдали от Ставрополя. Среди них были и сыновья местных чиновников, и сыновья кавказских горцев¹.

Значительные успехи в области образования были достигнуты при кавказском наместнике М.С. Воронцове, назначенном на этот пост в конце декабря 1844 г. Наместник подчинил себе Дирекцию училищ Кавказской области и земли войска Черноморского, выведенную из состава Харьковского учебного округа, и объединил под одним управлением школы Северного Кавказа и Закавказья².

Помимо государственных учебных заведений открывались еще и частные. Обучение в них могли позволить себе преимущественно состоятельные люди, что делало процесс образования сословно замкнутым и ориентированным в основном на привилегированные слои общества.

Особенностью региона было активное вовлечение в педагогический процесс возможностей армии. В полковых школах можно было получить азы грамоты, хотя для предоставления более серьезного образования возможностей у командования не было.

С целью обеспечения преданности местных народов из их среды брали заложников-аманатов. Для них создавались специальные школы, в которых они постигали особенности российской культуры³. Наряду с этим жителей Северного Кавказа на добровольных началах приглашали на службу в элитные подразделения российской армии,

¹ Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. С.16-17.

² ПСЗРИ. Т.21. Отд.1. - СПб., 1847. №19755.

³ ГАСК. Ф.15. Оп.1. Д.76; Тютюнина Е.С. Аманатская школа в Нальчике // Горянка. 2003. №20

где они также получали определенное представление о своем Большом Отечестве¹.

Шло формирование северокавказской интеллигенции, для которой край был Малой Родиной, и ее специфику они осознавали гораздо лучше чиновников, приехавших сюда из других мест. При этом лучшие из них обладали достаточным кругозором и являлись носителями общегосударственных идей, стремясь донести их до автохтонного населения.

Вхождение Северного Кавказа в состав России привело к интенсивному ненасильственному взаимовлиянию русской культуры и культур народов региона. Данное явление в современной отечественной кавказоведческой литературе получило определение как «российскость»².

Таким образом, к началу 60-х гг. XIX в. имеющий место структурный кризис в российско-северокавказских отношениях был в целом преодолен, и перед народами, проживающими на Северном Кавказе, открывались перспективы дальнейшего развития в составе государства, стоящего на пороге прогрессивных буржуазных преобразований.

¹ Тотоев М.С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1962. С.39; Клычников Ю.Ю. Российская политика... С.291.

² Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. №45. – Ростов-на-Дону, 2007. С.88-101.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При анализе значимых черт российско-северокавказского взаимодействия во второй половине XVI - середине XIX в. можно прийти к следующим выводам:

1. Во второй половине XVI века Россия активизирует свою политику на юго-восточном и южном направлениях и становится одной из сторон соперничества за Кавказ (наряду с Турцией и Ираном). Для российского государства проникновение на Северный Кавказ было необходимо в контексте обеспечения безопасности собственных рубежей от турецко-крымской угрозы. Ряд этносоциальных сообществ региона был заинтересован в российской помощи в отражении турецко-крымской или иранской (применительно к Северо-Восточному Кавказу) экспансии, что предопределяло их сближение с Россией. Исходя из взаимной заинтересованности между Россией с одной стороны, и адыгами, а также некоторыми вайнахскими и дагестанскими владетелями – с другой, народами Северного Кавказа формируются вассально-союзнические отношения. Представляется бесспорным, что роль сеньора (или сюзерена) в системе этих взаимоотношений принадлежала России. В данном контексте, присутствующий в документах термин «подданство» (а тем более – «холопство») видится весьма условным, так как никто из принимавших присяги по совокупности обязанностей и правового статуса не приравнивался к подданным того же Ивана IV внутри российских административных границ. Вместе с тем, констатация сеньориально-вассальных отношений между Россией и рядом горских сообществ имеет специфические несоответствия: ведь обозначенная схема предусматривала взаимодействие сторон в рамках единого феодального общества, а различия в стадийном уровне развития России и горцев были более чем очевидными, так как последние и в XVI веке, и в дальнейшем находились на до- или полугосударственном уровне развития, и степень зрелости феодальных отношений была у них довольно различной. Характер взаимоотношений России и ее северокавказских вассалов во второй половине XVI века определялся региональной внешнеполитической и внутренней спецификой, однако его нельзя представлять в качестве равноправного «военно-политического союза», стремление к чему присутствует в современной кабардинской историографии.

Перспективы вассально-союзнических отношений между Россией и северокавказскими этносоциальными сообществами во второй половине XVI века осложнялись и внешнеполитической обстановкой на Кавказе и вокруг него, и периодически возникавшими междуосо-

бицами среди самих горцев. Распри между теми же адыгами практически «по условию» предполагали наличие среди них «крымско-турецкой партии», схожая ситуация наблюдалась и на Северо-Восточном Кавказе.

Таким образом, во второй половине XVI века между Россией и народами Северного Кавказанаживает складываться система вассально-союзнических (вассально-подданнических) отношений, взаимовыгодных в тогдашнем внешнеполитическом контексте. Однако степень прочности и жизнеспособности данной системы также зависела от факторов как внешнеполитических, так и внутрирегиональных.

2. XVII век ознаменовался для России Смутным временем, многочисленными внешними войнами и внутренними социальными потрясениями. Это объективно не способствовало возможностям для активизации политики России на Северном Кавказе. Тем не менее, даже в период собственно смуты российско-горское взаимодействие не прерывалось, так как для него сохранялась достаточная мотивация и с горской, и с российской стороны. Кабардинские князья, ряд владельцев Дагестана, некоторые чеченские общества в XVII веке неоднократно присягали на подданство России (повторение присяг было связано с тем, что они адресовались конкретному российскому царю, и смена на престоле влекла за собой «переприсяги»; повторные присяги принимались также в случае значительных изменений внешнеполитических или внутрирегиональных обстоятельств). Однако и среди адыгов, и среди дагестанских владельцев наличествовали группировки, имевшие крымско-турецкую или иранскую ориентацию. Это определялось и фактором непрекращающихся междоусобиц на Северном Кавказе, ведь если одна из сторон усобицы заручалась поддержкой России, другая закономерно искала покровительства Турции или Ирана. Принципиально важно отметить, что у ряда местных владельцев получила распространение практика «общего холопства», то есть одновременного подданства по отношению к России, Ирану или Турции. Данная тенденция определялась тем, что принятие «подданства» той или иной державы, оспаривавшей влияние на Кавказе было обусловлено для владельцев региона конкретными прогматическими интересами, как то обеспечение безопасности собственных владений, получение тех или иных выгод и т.п. В этих обстоятельствах России было весьма непросто выступать в качестве третейского судьи в урегулировании конфликтов между своими северокавказскими вассалами. Складывалась ситуация, когда Турция и Иран не признавали факта российского подданства ряда местных этносоциальных сообществ. Так, например, в течение XVII века формировался черкесский (кабар-

динский) вопрос вследствие непризнания Крымом и Турцией кабардинских подданнических присяг по отношению к России в XVI – XVII вв. и соответствующих попыток крымцев навязать свою волю кабардинской социальной элите. С одной стороны данный натиск мог способствовать российской ориентации, но с другой – укоренялась и крымско-турецкая ориентация части кабардинских феодалов, разнообразно (в том числе династически и конфессионально) связанных с крымскими правителями.

Так или иначе, в XVII веке Россия не являлась сильнейшей стороной в борьбе за Кавказ в рамках «Кавказского треугольника» (Турция, Иран, Россия). Взятие Петром I турецкой крепости Азов в 1696 году обусловило начало серьезных изменений в ситуации на Кавказе, открытие новых перспектив российско-северокавказских взаимоотношений.

3. В начале – середине XVIII века особенности российско-северокавказского взаимодействия определялись факторами как внешнеполитическими, так и внутрирегиональными. Возможности российской политики нередко обуславливались степенью конфронтации с Турцией и Ираном, характером заключаемых с ними договоров. Особенности политической ориентации местных феодальных владельцев и этнических сообществ в немалой степени зависели от внешнеполитических перипетий борьбы за Кавказ. Вместе с тем, специфика традиционного уклада горцев в свою очередь накладывала отпечаток на действия в регионе России, Турции и Ирана.

Хотя первая четверть XVIII века в целом ознаменовалась усилением российской активности на Северном Кавказе, и тогда эта активность зависела от ряда договоров с Османской империей. В то же время, набиравший остроту «кабардинский вопрос» усугубился началом долговременного противостояния княжеских группировок в самой Кабарде.

После смерти Петра I российская политика в регионе вновь была неразрывно взаимосвязана с внешнеполитическими возможностями Российской империи. В контексте продолжавшегося противостояния за Кавказ между Россией, Турцией и Ираном мирный трактат 1739 г. явился лишь промежуточным итогом, за которым проступала неизбежность продолжения борьбы.

Провозглашенный договором 1739г. независимый статус кабардинских владений не устранял сам «кабардинский вопрос» во взаимоотношениях между Россией, Крымским ханством и Османской империей. Анализ 6-й статьи Белградского трактата не позволяет говорить о признании Россией и Турцией независимого государства в Кабарде.

Вместе с тем, ослабление непосредственной крымско-турецкой угрозы Кабарде стимулировало стремление кабардинских владетелей к доминированию над народами Центрального Кавказа. Уже в 40-х гг. XVIII в. Данное стремление начинает вступать в противоречие с российскими интересами и планами в регионе. В условиях «нейтральности» Кабарды по Белградскому трактату кабардинские князья желали и дальше пользоваться благами от покровительства российских властей без каких-либо обязательств со своей стороны.

Необходимо заметить, что схожая схема взаимоотношений устраивала и тех, кто принимал в то время российское подданство. Определялось это, в частности, стадийным уровнем развития горцев (который был до- или полугосударственным), особенностями их традиционного уклада, который включал в себя набеги и работорговлю. Следует признать, что отвечавшее интересам России принятие ее подданства рядом местных владетелей и этнических групп (или стремление к принятию подданства) определялось для последних собственными запросами – как то защита от внешних вторжений, торговые льготы или возможность расселения на плоскость.

Приведенный внешне- и внутривосточный контекст обуславливал для России необходимость усиления военно-политического, экономического и культурного присутствия на Северном Кавказе.

4. В период царствования Екатерины II (1762 -1796 гг.) можно констатировать решающее усиление России на Северном Кавказе. Именно после успешных войн с Османской империей Россия становится сильнейшей стороной в противоборстве за Кавказ. Однако продолжавшееся соперничество с Турцией и Ираном в совокупности с особенностями стадийного развития горцев и их традиционного уклада предопределяли затруднительность реализации тех проектов ненасильственной интеграции местных народов в сферу российского управления, которые выдвигал Петербург в 80-90-е гг. XVIII века. Дополнительные сложности российско-горскому взаимодействию придавал и исламский фактор, так как «кадры» мусульманского духовенства готовились в турецких владениях. Кроме того, ислам в специфических региональных реалиях освящал набеговую экспансию горцев в российские пределы.

В связи с ликвидацией крымской и ослаблением турецкой и иранской угроз складывается ситуация, когда северокавказские владетели и этносоциальные сообщества оказываются в меньшей степени, чем ранее, заинтересованы в российской помощи. Вследствие этого российским властям было весьма проблематично наполнять подданные присяги горцев конкретным содержанием, которое бы пока-

зывало непосредственное их служение России. Схема «получение прав и привилегий без соблюдения обязательств и выполнения обязанностей» становится для местных российских вассалов предпочтительной. Обозначилась четкая тенденция к тому, что российское подданство мешало кабардинским князьям доминировать над народами Центрального Кавказа. Если российские власти ранее могли надеяться, что усиление Кабарды приведет к усилению российского влияния в регионе, теперь реальность опровергает подобные расчеты, так как кабардинская знать фактически не признавала подданства России и с конца 70-х гг. XVIII в. впала в довольно устойчивую «фронду».

Фактором долговременной нестабильности становится и обстановка в Чечне, где завершение процесса исламизации объединяется с усилением набеговой активности. Специфическим явлением для всего северокавказского региона становится то, что горцы – подданные России в силу особенностей уровня своего стадийного развития были не в состоянии адекватно российскому видению понимать свои подданные присяги и следовать им. В данном контексте ставка на преобладание мирных методов разрешения местных проблем и конфликтов со стороны российских властей постепенно начинала давать сбои, так как искомой стабилизации обстановки в конечном итоге не происходило.

Тем ни менее мирное разрешение региональных проблем предполагала и кавказская политика Павла I (1796-1801 гг.), что выразилось, прежде всего, в плане федерализации владетелей Восточного Кавказа. Однако данный интегративный проект и «вассальное» видение императором северокавказских российских подданных вновь наталкивались на сохранявшиеся дезинтегрирующие факторы – как внутрирегиональные, так и внешнеполитические.

Вместе с тем протекторат над Восточной Грузией (1783г.), и особенно её присоединение к России в начале 1801г. обозначили Северный Кавказ в качестве тыловой территории Российской империи. И на дальнейшую перспективу особенностей традиционного уклада и статуса горцев региона всё менее соответствовали стратегическим интересам России.

Не смотря на данную констатацию, российско-северокавказское взаимодействие в 1801-1816 гг. в целом вновь проходило под знаком преобладания со стороны России невоенных способов урегулирования местной обстановки. В то же время следует понимать, что так называемая политика «ласканий» горцев не исключала и применение силы, если у российской стороны не оставалось иного выбора в противодействии набегам или в контексте внешнеполитических обстоятельств.

Репрессивные меры против горцев генерала П.Д. Цицианова в 1803-1805 гг. были обусловлены именно этими факторами и не выражали «генеральную линию» Петербурга в отношении местных народов. Однако возвращение в 1806 – 1816 гг. к практике мирного увещевания горцев не принесло сколь-нибудь заметного успеха в реалиях внешне-политической обстановки и особенностей традиционного уклада региональных этносоциальных сообществ. Бухарестский (1812) и Гюлистанский (1813 г.) договоры России соответственно с Турцией и Ираном закрепили за ней большую часть Закавказья и Дагестан. Это обстоятельство делало ситуацию на Северном Кавказе очагом уже внутренней нестабильности в границах Российской империи. Между тем, события ирано-российской (1804 -1813 гг.) и османо-российской (1806 -1812 гг.) войн давали примеры выступлений горских подданных России на стороне Ирана и Турции. Данные факты обуславливались тем, что часть местных социальных элит начинает рассматривать восточные державы в качестве перспективных союзников в противодействии своему сюзеру – России.

Таким образом, к моменту назначения на Кавказ генерала А.П. Ермолова (конец 1816 г.) политика «ласканий» горцев в целом зашла в тупик. Российские Интегративные проекты в рамках данной политики наталкивались на реалии вызревающего Северокавказского кризиса XIX века.

5. В целом первая половина XIX в. характеризовалась структурным кризисом в российско-северокавказских взаимоотношениях, что было связано с комплексом внутри- и внешнеполитических факторов. Зашедшая в тупик политика «ласканий» горцев обусловила переход российских властей к преимуществу силовой модели «замирения» горцев. Однако внешне достаточно обоснованная стратегия генерала А.П. Ермолова не дала желаемых результатов, наталкиваясь на фактор их консолидации в условиях формирования и укрепления идеологии мюридизма. Возникновение мюридизма предопределялось рядом внутрирегиональных причин. Можно выделить, в частности, недовольство свободных общинников Дагестана фактором поддержки Россией местных феодалов, что приводило к усилению феодальной эксплуатации. Тем не менее, мюридизм следует считать явлением, самостоятельно генерировавшим антироссийские и антихристианские настроения на Северо-Восточном Кавказе.

Затянувшееся почти на полвека силовое разрешение Северокавказского кризиса происходило на весьма сложном и неоднозначном региональном и внешнеполитическом фоне. Многообразие имевших место событий, явлений и процессов позволяет усомниться в право-

мочности употребления термина «Кавказская война» применительно к оцениванию характера российско-северокавказского взаимодействия в тот период. Так или иначе, разрешение кризиса во взаимоотношениях горцев и России (Северокавказского кризиса XIX века) предусматривало, кроме силовой составляющей и иные, невоенные методы стабилизации местной обстановки.

В конечном итоге лишенные обещанной социальной гармонии и ориентированные на перманентную войну порядки в имамате Шамиля разочаровали немалую часть горцев, для которых нахождение в подданстве стало рассматриваться как более приемлемый и перспективный вариант. Российские власти предлагали горцам модели последующего развития, способствовавшие их этнической консолидации и хозяйственно-экономическому и культурному прогрессу. Однако по окончании боевых действий большинство адыгов Северо-Западного Кавказа и некоторая часть населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа переселяется в Османскую империю. Данное явление было обусловлено рядом внешних и внутрирегиональных обстоятельств и несводимо к «депортации» горцев, их геноциду и т.п.

Разрешение к середине 60-х гг. XIX в. Северокавказского кризиса привело к прогрессивной интеграции народов региона в социально-экономическую, политическую и культурную систему российского государства. Примечательно, что данная интеграция будет проводиться с максимально возможным учетом местной социальной и конфессиональной специфики.

Итак, российско-северокавказское взаимодействие во второй половине XVI - середине XIX в. происходило в контексте совокупности множества внешнеполитических и внутрирегиональных факторов и обстоятельств. Характер и возможности взаимоотношений России и горских этносоциальных сообществ определялись, в том числе и уровнем стадийного развития последних. Северокавказский кризис XIX века был вызван не какой-либо колониальной экспансией России против горцев, а комплексом внутренних и внешних импульсов, причин и закономерностей. Его разрешение обусловило окончательное включение региона в состав России и перспективы поступательного развития российского Северного Кавказа.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Монография

Под редакцией В.Б. Виноградова

Подписано в печать 06.10.2010 г.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Объем 12,75 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 74.

**Отпечатано в Издательском центре СГПИ
353563 г. Славянск-на-Кубани ул. Коммунистическая, 2**